

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРОВ
«КРАСНЫЕ ЦЕПИ» И «МОЛОТ ВЕДЬМ»

Том 1

ЕДИНАЯ ТЕОРИЯ

ВСЕГО

КОНСТАНТИН ОБРАЗЦОВ

Annotation

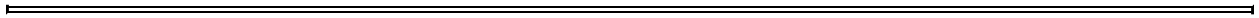
Ленинград, август 1984 года. Закат великой советской эпохи.

Автор бестселлера "Красные Цепи" предпринимает исследование тайн Мироздания. Великолепный многоплановый роман о человеческом выборе, влияющем на судьбы Земли: то, что начинается как детектив, превращается в научную фантастику, которая достигает степени религиозного мистицизма.

Трагическая смерть одного из авторитетных представителей преступного мира поначалу кажется самоубийством, а жуткие обстоятельства его гибели объясняются приступом внезапного сумасшествия. Но чем дальше продвигается расследование, тем больше всплывает странностей, парадоксальных загадок и невероятных событий, а повествование постепенно охватывает пространство и время от Большого взрыва до современности...

- [Константин Образцов](#)
 -
 - [Пролог](#)
 - [Часть I. Горизонт событий](#)
 - [Глава 1. Комната Шредингера](#)
 - [Глава 2. Иррациональное множество](#)
 - [Глава 3. Эффект гориллы](#)
 - [Глава 4. Сингулярность](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)

- [13](#)
- [14](#)

Константин Образцов
Единая теория всего. Часть 1. Горизонт
событий

© Образцов К.А., 2016

© А. Попов, иллюстрации

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Пролог

*«Мы хотим знать, нет ли в окружающем мире
какого-то смысла, цели, значимости.*

*Нам нужна волшебная история жизни, и мы
рассказываем себе истории».*

Нозон Яновский

Интро

22.50–00.01

Как и многие лучшие из историй, эта произошла в поезде.

Ныне путешествие из Петербурга в Москву занимает едва ли больше времени, чем поездка на автомобиле в плохой день через пробки из конца в конец столицы. Можно выехать рано утром, провести пару встреч и успеть вернуться обратно еще до того, как сменится дата на календаре. Сжимается пространство, сокращается время, и дорога превратилась в простое перемещение из пункта отправления к месту прибытия, досадную паузу в несколько часов, которые нужно кое-как провести; романтическое очарование долгого пути ушло в прошлое вместе с трогательной искренностью написанных от руки открыток и теплом отпечатанных с пленки фотокарточек в семейном альбоме.

В Москву я езжу экспрессом: утром сел в центре города и еще до полудня вышел на площади трех вокзалов свежий, бодрый и готовый к новому дню. Но обратно стараюсь взять билет на классический ночной поезд ради ощущения возвращения домой, пусть и короткого, а все-таки путешествия, дороги, которая, как и ночь, может менять человека: сели в поезд одни люди, а вышли немного иными; уснули – а перевалив через полночь, проснулись и не вспомнили себя прежних.

Разумеется, от настоящего путешествия ждешь увлекательных дорожных историй и необыкновенных попутчиков, но с этим дела обстоят туго. Гадательное ожидание соседа по купе давно потеряло интригу: ни красавиц с драматичной судьбой, бегущих от злого рока, ни гениев не от мира сего, ни кругосветных скитальцев. Как правило, им оказывается ровесник и социальный одноклассник: пристойный костюм, чуть лишнего

веса, немного залысин, часы, которые смотрятся дороже, чем стоят. «Здравствуйте!» – «Добрый вечер!». Иногда доходит даже до нескольких реплик: «Чем занимаетесь?» – «Я коммерческий директор компании Икс Плюс». – «А я директор по продажам корпорации Игрек Минус». – «Знакомое что-то, это стройматериалы?» – «Нет, упаковка». Вот и весь разговор. Оруженосцы большого бизнеса не расположены к разговорам, нам и на работе трепа хватает.

Сегодняшний мой попутчик тоже особого впечатления не произвел, хотя и был по-своему колоритен. Среднего роста, но кажется выше из-за по-военному прямой осанки; явно перешагнул порог седьмого десятка лет, хотя выглядит поджарым, подтянутым, и более подходит под определение «мужчина среднего возраста», нежели «пожилой». Нос с боксерской горбинкой, пепельные волосы коротко пострижены. Светло-серый пиджак по случаю августовской душной жары аккуратно перекинут через руку; темная рубашка, серебристый галстук, черные брюки с отворотами снизу и такими острыми стрелками, что ими можно было бы бриться, глядясь при этом в отполированные до зеркального блеска ботинки, – в общем, типичный отставник, решивший принарядиться по случаю выхода в общество. Обычно этот образ дополняется чехлом для мобильного телефона на поясе – и точно, вот он, закреплен на брючном ремне, и можно не сомневаться, что там не какой-нибудь, извините, смартфон с легкомысленными мессенджерами и социальными сетями, а строгий стальной аппарат с бескомпромиссными кнопками. Армия или полиция? Усов не было, поэтому я решил, что мой спутник бывший полицейский – точнее, милиционер, судя по возрасту.

– Добрый вечер, – сдержанно поздоровался он, поставил на полку небольшой саквояж, сел, прямой как доска, подтянул брюки, положил ногу на ногу и стал смотреть в окно.

– Здравствуйте, – отозвался я, вздохнул и, за неимением иных дел, тоже уставился за окно, где среди золотых и голубоватых огней мелькали в кривом зеркале сумерек причудливо искаженные тени припозднившихся пассажиров.

Из коридора неслись голоса, звук шагов, приглушенный ковровой дорожкой; быстро прошла мимо проводница в форме, стилизованной под начало прошлого века, торопливо бросила взгляд в открытую дверь и поспешила дальше. Наконец поезд дрогнул, внушительно громыхнул сочленениями вагонов и с солидной медлительностью, приличествующей фирменному составу с историей, двинулся в путь.

– Ну вот, поехали, – сказал мой попутчик.

Я промычал что-то в ответ. Никогда не знал, как отвечать на такие реплики.

За окном в темноте неспешно проплыли ветшающие корпуса привокзальной периферии: осыпающаяся кладка красного кирпича, мутные окна под насупленными покосившимися козырьками, какие-то чумазые трубы, забытые на ржавеющих рельсах пустые вагоны, тускло блестящие в лучах фонарей решетчатые стальные фермы, выцветшие вывески, чахлые и озлобленные на мир корявые деревья, наперекор всему пролезшие через сор, камень, железо, а иногда и сквозь старые крыши. Яркий бело-голубой луч заглянул на секунду в окно, резкие черные тени скользнули по стенам, изогнулись и снова пропали. Поезд осторожно пробрался через это сумрачное технократическое гетто, потом вздохнул с облегчением, загудел и вырвался на простор, набирая ход среди утыканных садовыми домиками широких низин, оврагов, узких речек и перелесков. Колеса застучали уверенно и ритмично, и, как всегда в такие минуты, мне показалось, что и все в поезде выдохнули спокойно, словно пассажиры самолета, закончившего подъем и вставшего на крыло, – даже мой сосед чуть расслабился и откинулся на спинку сиденья.

Каждое значимое дело требует ритуала, и для возвращения домой у меня, конечно, есть свой собственный. Я дисциплинированно дождался, когда за окном появятся униженные огнями высотки Зеленограда, достал из дорожной сумки книжку, встал и сказал:

– Я в вагон-ресторан, вернусь несколько поздно. Можно попросить вас не запирать дверь?

Мой попутчик оторвался от созерцания видов, повернулся, посмотрел на меня, будто припоминая, кто я такой, и ответил:

– Да. Не беспокойтесь. Непременно.

Я кивнул и вышел.

Собственно, этим мой ритуал обратной дороги исчерпывается: пойти в ресторан и сидеть там, читая, глядя в окно, размышляя, пока не свалит усталость и не начнут сниться сны наяву. Не Бог весть что, так, маленькие удовольствия, время наедине с собой, с хорошей книгой и одной-пятью порциями виски. Тайные радости всегда тихи и невинны, в отличие от порока, который любит зрителей и демонстративность.

Ресторан был почти пуст. Справа расположилась небольшая компания явных командированных: двое мужчин средних лет в немного помятых после долгого дня костюмах, ослабленных галстуках и с легкой осовелостью взгляда и немолодая женщина с усталым лицом, черты которого удерживались опорами яркого макияжа, и повидавшим жизнь

декольте, в котором уютно свернулись бусы из фальшивого жемчуга. В дальнем конце вагона сидел строгий мужчина в черном, аккуратно оперируя ножом и вилкой котлету, испускающую последнее издыхание пара, а у входа устроился некто стильный, в летнем пальто и кашне, созерцающий капли влаги, скатывающиеся по бутылке белого вина в ведерке со льдом.

Я сел за стол; белая скатерть, искусственный букетик для настроения, потертый зеленый бархат сидений. Подошла официантка, хорошенькая ровно настолько, чтобы казаться милой в ситуации ресторана ночного поезда: блондинка с широким лицом, пухлыми губами и большими печальными глазами, из тех добрых и грустных блондинок, что вечно страдают от своей доброты и доверчивости; на ногтях самодельный «френч», исполненный при помощи канцелярской замазки. Я улыбнулся ей и бросил взгляд на табличку с именем, прицепленную к лацкану форменного пиджака.

– Наташа, мне, пожалуйста, двойной односолодовый виски, холодную воду без газа, и еще яблоко нарежьте, хорошо?

Жизнь налаживалась и обещала стать еще лучше – по крайней мере, на этот вечер. Стук колес превратился в ритмичный рокот, поезд летел сквозь мрак, словно межзвездный корабль, за окном в дальней тьме появлялись и исчезали россыпи огоньков дальних сел как скопления таинственных звезд и планет с неведомой жизнью, мелькали стремительными кометами редкие фонари, потом темно-синюю плоскость неба заштриховали зазубренные черные верхушки елей, а затем темнота сделалась абсолютной, как если бы поезд провалился в межгалактический void^[1] и антрацитовая чернота прижалась к стеклу, в котором смутно отражались букетик и скатерть, стакан с виски, компания за соседним столом – призрачная параллельная реальность, открывшаяся в запредельных глубинах Вселенной.

Смотреть стало не на что. Я сделал глоток виски и запил холодной водой, окутав дымное торфяное пламя чистейшим родниковым льдом. Через проход доносились обрывки беседы:

– Я прекрасно понимаю, чего они добиваются: убедить Старика, чтобы он дал отбой всему проекту... да, результаты пока не плановые, но они есть... если бы он сам не разрешал вмешиваться на каждом этапе... – бубнил один из мужчин.

– Ну, сказать, что тебе не помогают, тоже нельзя, – возразила женщина. У нее был приятный, низкий грудной голос. – Сам Старик, кстати, и помогает, он в этом случае объективен.

Слушать про перипетии корпоративных сражений было неинтересно.

Я еще раз с удовольствием сделал глоток и открыл книгу. Впереди была чудесная и в самом лучшем смысле этого слова спокойная ночь.

– Где у вас можно присесть?

Голос показался знакомым – и точно: мой попутчик стоял у входа в вагон, а официантка Наташа обводила широким жестом пространство, как бы очерчивая богатство вариантов посадки. Виски уже успел затормозить мои реакции, я дернулся было, чтобы снова спрятать глаза в книгу, но не успел – мы встретились взглядами, и он тут же сказал:

– А, вот! – и двинулся в мою сторону. – Не возражаете?

Я не возражал. Проклятая петербургская деликатность: нет, чтобы сказать прямо: «Извините, я планировал провести этот вечер в одиночестве», ну или хотя бы: «Тут занято». Надо обязательно не возражать, а потом сидеть с надменно-кислой физиономией, как будто кто-то впереди тебя пролез в очередь. Впрочем, не исключено, что и мой сосед руководствовался схожими побуждениями, заставляющими непременно составить компанию человеку, которого увидел впервые в жизни полчаса назад и с которым едва перекинулся несколькими фразами, словно пройти мимо будет невежливо.

Оставалась надежда, что попутчик окажется молчуном. Я снова прикрылся книгой, безуспешно пытаюсь сосредоточиться на чтении. Официантка Наташа тем временем принесла меню. Мой визави извлек из кармана пиджака очки в тонкой золоченой оправе, надел на нос, отодвинул подальше меню, как часто делают дальнзоркие люди, и принялся изучать.

– Вот что, – изрек он через минуту, – мне, пожалуйста, фирменную солянку, селедочку на ржаном хлебе с теплой картошечкой, соленые грузди и водку, грамм сто, в замороженной рюмке.

Рот мгновенно наполнился слюной и даже сердце заныло. Колебания были недолгими.

– Наташа, и мне можно то же самое? А яблоко резать не нужно.

– Конечно, – она быстро сделала пометку в блокнотике, наверное, умножила на два. – Водочку в один графинчик налить?

Мы переглянулись.

– Да, можно в один.

После этого прятаться за книжкой было уже глупо.

Мы выпили по первой за знакомство под восхитительно пламенеющую солянку с томящимся в ней ломтиком свежего пронзительного лимона.

– Адамов, – старомодно представился он. – Виктор Геннадьевич.

Я тоже назвал себя.

– Какое имя редкое, – заметил мой новый знакомый. – Можно сказать, литературное.

Вторая вскоре отправилась вслед за первой в сопровождении нежнейшей селедочки на пропитанном маслом ломтике поджаренного ржаного хлеба. Сразу захотелось курить. Наступало время для разговоров.

– Вы из Москвы или из Ленинграда? – поинтересовался Виктор Геннадьевич.

– Я – да, – ответ вышел каким-то неловким, наверное, из-за путаницы в топонимике. – Домой еду.

– Я тоже ленинградец, – сообщил Адамов. – Чем занимаетесь, если не секрет?

– Консультант, – я всегда так отвечаю, когда не хочу распространяться о своих занятиях.

– Вот как, – он задумался. – Я, наверное, тоже теперь консультант. Вообще-то я в отставке, но вот, привлекают иногда...

– А где служили?

– В милиции, потом в полиции. Подполковник уголовного розыска.

Я про себя улыбнулся точности своей догадки.

– У меня товарищ преподает в Университете МВД, – продолжал он, – тоже отставник, служили вместе когда-то в Ленинграде. Он потом в Москву переехал, теперь вот на пенсии, лекции читает для молодежи. Ну и меня просит иногда семинар провести или практикум. Сегодня как раз обсуждали с ним планы на следующий год.

Мрак за окном неожиданно расступился. Пространство за окнами раскрылось широким простором до самого горизонта, и горсть огней далекой деревни тускло сияла посередине черного необъятного поля россыпью драгоценного янтаря. Над огнями висели широкие пелены тумана, слоями один над другим, до самого подернутого дымкой неба, где в тонкой прорези невидимых облаков сияла призрачная луна. Сияние это подсвечивало туманные пологи неземным и холодным, будто поднебесный театральный софит освещал драпировки сцены шириной в целый мир, и зрелище было таким торжественным и чудным, что перехватило дыхание. Вокруг стало особенно тихо: ни разговоров за соседним столом, ни звона приборов, ни звука из кухни на другом конце ресторана, только полусонный глухой стук колес и поскрипывание вагона.

– Дым, – произнес Адамов.

Я с трудом отвел взгляд от окна.

– Что?

– Я говорю – дым от торфяников. Запах чувствуете?

Действительно, в воздухе чуть слышно ощущался легкий дымный аромат.

– Честно говоря, я думал, это титан топят, – признался я.

– Помилуйте! – воскликнул Адамов. – Это у вас какие-то совсем уж давние воспоминания, никто сейчас колобашками печку не топит и огнем воду не греет. Нет, это торфяники. Лето жаркое было, вот они и горят. Такое и в Ленинграде тоже случалось.

– Да, припоминаю, – я действительно вспомнил. – В 2000-м было.

Он кивнул.

– И еще раньше. В 1984-м были самые сильные торфяные пожары, дым стоял больше месяца.

Сказал – и взглянул на меня каким-то странно оценивающим взглядом, словно проверял что-то. Если это была проверка памяти, то она явно кого-то из нас подводила.

– Не помню, – честно признался я. – Чтобы целый месяц, сильный дым... Не припоминаю. Вы уверены?

Адамов прищурился и чуть усмехнулся.

– А вам, простите, в 1984-м сколько лет было?

– Двенадцать, – ответил я с некоторым вызовом. – А что?

– Совсем еще юноша, – снисходительно сказал он. – А тогда и вовсе были ребенком. Другие интересы, совсем иные объекты внимания. Дым-то был, а вы его не заметили.

И снова у меня возникло странное чувство, что он то ли испытывает, то ли поддразнивает меня – так порой делают взрослые, запутывающие ребенка головоломкой, на которую знают ответ.

– Ну уж нет, – я уперся. – У меня прекрасная память. Я помню себя и в шесть лет, и в пять, и еще раньше. Помню старую квартиру и девочку во дворе, которая мне очень нравилась; помню «Пещеру ужасов» в Луна-парке, куда ходили с родителями; помню, как в десять лет написал фантастический роман – четыре школьные тетрадки в линейку! – и главную злодейку там звали Ифа Стелла...

– А вы уверены, что это именно воспоминания?

Он откинулся на спинку сидения и прищурившись смотрел на меня. Мне следовало удивиться, и я удивился.

– Что вы имеете в виду?

– Девочка во дворе. Есть ее фотографии?

Я покачал головой.

– Нет.

– Когда Вы видели ее в последний раз?

- Ну... в шесть лет, перед тем, как мы с родителями переехали.
- Кто-то еще из ваших родственников или знакомых помнит ее?
- Вряд ли. Не уверен. Нет.
- Тогда откуда вы знаете, что она вообще существовала? Продолжим.

Этот роман, написанный в десять лет, сохранился?

- Увы.
- Кому-нибудь давали прочесть?
- Нет, никому.
- Значит, и в его существовании тоже можно усомниться.

Я молчал. Адамов подержал немного паузу и продолжил.

– Я довольно много читаю в последние годы, преимущественно научную литературу – в меру своих возможностей понимания, конечно. И про парадокс памяти тоже прочел немало. Субъективная память почти такая же абстракция, как и вера. Есть что-то, что помним только мы: не сохранилось записей, нет и не было фотографий, люди потерялись где-то среди годов жизни или вовсе ушли из нее. Остается только наша уверенность в том, что эти воспоминания соответствуют некой действительности прошлого времени, что события происходили, знакомые существовали, но никаких оснований для этой уверенности нет. Что мы имеем в виду, когда говорим: я помню? Во что превращается воспоминание через десятки лет? И воспоминание это, или лишь сон, зацепившийся за сознание, или вовсе история, которую мы придумали себе когда-то и за долгие годы поверили в ее реальность?

Из мрака с внезапным ревом вырвался встречный состав, взвыл гудком, сверкнул стремительно пролетевшей мимо лентой освещенных окон и через секунду пропал в темноте. Я вздрогнул, будто проснувшись.

– Предположим. Но все-таки дым от торфяного пожара явление более заметное и осязаемое, чем детские воспоминания. В конце концов, это точно можно проверить: остались же какие-то сводки, упоминания, свидетельства, в конце концов.

Адамов кивнул.

– Может, так. А может, и нет. Иногда может оказаться и так, что того, о чем твердо помнишь, событий, в которых участвовали десятки человек, а косвенно – сотни и тысячи, вдруг как и не было вовсе. И ты единственный – или почти единственный, – кто все помнит. Да и то не уверен. Слышали что-нибудь про двойные воспоминания?

– Да, читал у Эйсмарха и Лепешинского. Только у Эйсмарха это философская категория, а у Лепешинского, извините, симптом из патологической психологии. Но чтобы такое явление касалось масштабных событий... Может быть, приведете пример?

Он задумался.

– Историй хотите? Извольте. Но сначала...

Адамов потянулся к графину, разлил остатки по рюмкам, строго взглянул на широкое горлышко, с которого капнула последняя капля и неожиданно зычно воззвал:

– Наташа! Наташа!

Тоже заметил имя на карточке.

Наташа примчалась, как дуновение ветра, поправляя волосы и почему-то виновато улыбаясь.

– Наташенька, принесите нам, пожалуйста, еще, наверное, по двести?

– По двести, – согласился я.

Мы выпили за воспоминания. Наташа мигом вернулась с пузатым графинчиком и новыми рюмками, покрытыми липким инеем. У нас оставались еще грузди, немного оплывшей на хлебе селедки, несколько часов ночи, дорога и пока не рассказанная история.

– Я тогда был капитаном милиции, старшим оперуполномоченным Управления уголовного розыска ГУВД Ленинграда, служил в 3-м отделе, который занимается корыстными преступлениями – кражи, разбои, грабежи... – он вдруг осекся и внезапно спросил: – Какое сегодня число?

Я посмотрел на часы.

– Без пяти минут тринадцатое августа.

Адамов покачал головой.

– Надо же, какое совпадение. То, о чем я хочу рассказать, началось как раз тринадцатого числа, в августе 1984-го. Хотя порой бывает сложно определить, где начало истории – то, ключевое событие, которое послужило причиной прочих, стало первым звеном в цепи. Если раздумывать и копать, можно и до Большого взрыва дойти, а то и раньше. Так что пусть будет тринадцатое – во всяком случае, тогда все началось для меня.

Часть I. Горизонт событий

Глава 1. Комната Шредингера

Ныне всякую историю принято начинать с убийства. Это давно уже не способ заинтриговать слушателя и читателя, а просто форма повествовательной вежливости, как поздороваться при встрече: здравствуйте, вот вам труп. Спасибо, проходите. Не укокошить кого-то в начале рассказа стало моветоном; скоро уже сентиментальные любовные романы и семейные саги будут начинаться с неперемennого душегубства.

Так что – здравствуйте, вот, пожалуйста, труп: лежит, легко раскинувшись, на асфальте в тихом дворике под окнами «академического» дома на Кировском^[2] проспекте. Китайчатый яркий халат разметался опавшими крыльями, руки раскинуты неуверенным объятием навстречу брезжащей в туманном небе заре, лицо обращено вверх, и человек поэтический мог бы сказать, что глаза были устремлены в небеса, словно провожали взглядом отлетевшую душу. Но, во-первых, все, кто был там тем утром, поэзии предпочитали суровую прозу жизни, а во-вторых, вместо глаз на лице мертвеца зияли черно-багровые, наполненные засохшей кровавой слизью дыры, и если уж кому-то пришлось бы в голову, стоя над телом Бори Рубинчика, поговорить о душе, то похоже было, что она в ужасе вырвалась через глаза подальше от тела, как и сам Боря, высадив собой двойные рамы и стекла, вылетел из окна своей квартиры на четвертом этаже, будто каменное ядро из катапульты. Разлетевшиеся осколки усеивали асфальт и поблескивали в окруженных вздутыми кровоподтеками глубоких порезах на лице и руках. Судя по всему, при падении Боря воткнулся в асфальт самой макушкой, потому что вместо верхней части головы было какое-то неровное месиво из загустевшей крови и волос, а деформировавшиеся при ударе кости черепа сдвинулись так, что на лице выперли скулы и челюсти сжались в бульдожьем прикусе. Только выдающийся нос остался невредим и по-прежнему торчал на лице, как клюв печального попугая.

Кроме распахнутого халата на трупе были только большие сатиновые трусы с пальмами и веселыми обезьянами. Нежно-белый рыхлый живот, похожий на тельце лишившегося раковины моллюска, и безволосая грудь иссечены порезами и множеством неглубоких колотых ран, нанесенных, возможно, тем же предметом, которым были выколоты глаза – длинным кухонным ножом со потемневшим от крови лезвием, что недалеко отлетел от правой руки мертвеца.

– Жалко Борю, – сказал Костя Золотухин. – Ангелом он, конечно, не был, но все же...

Ангелом Рубинчик действительно не был, если только не предположить, что ангелы занимаются спекуляцией, фарцовкой, подпольным производством поддельных дубленок, джинсов и шапок, играют в карты на деньги и водят домой проституток из гостиницы «Ленинград». Я отвел взгляд от тела и посмотрел на небо. Сквозь туманную пелену начал уже проступать сизый утренний свет. Дым, рассеявшийся немного за ночь, возвращался, наплывал из-за крыш и в воздухе снова запахло далеким пожаром. Наступало раннее утро понедельника, тринадцатого августа 1984 года.

За два дня до этого, в субботу, «Зенит», уверенно прокладывавший дорогу к первому в своей истории чемпионству, разгромил «Пахтакор». В тот же день сороковой президент США Рональд Рейган в радиообращении к американскому народу зажигательно пошутил, сообщив, что объявил Россию вне закона на веки вечные и что ядерная бомбардировка начнется через пять минут. Шутка вполне в духе времени, когда часы Судного дня показывали без трех минут полночь, и от этой хохмы стрелки их точно дрогнули, продвинувшись на несколько секунд вперед.

Вражеские голоса, вещавшие, как и полагается врагам, по ночам и с закатной стороны, сквозь шум широкополосных помех на очень правильном русском сообщали о гибели в Першваларском ущелье каравана с конвоем из советских военнослужащих, не скупясь на добавлявшие жути подробности о том, что с пленных солдат афганские моджахеды живьем содрали кожу и потом обезглавили. Наши родные голоса по этому поводу хранили молчание, из-за чего в кошмарные новеллы «Голоса Америки» верилось безоговорочно, и ограничивались туманными реляциями об успехах в помощи братскому народу Афганистана, предпочитая уделять внимание грядущему официальному открытию игр «Дружба-84», спешно организованных в пику Олимпиаде в Лос-Анджелесе. Ее мы тогда бойкотировали, проводя тонкие параллели с Олимпиадой 1936-го в фашистской Германии. В играх «Дружбы» принимали участие спортсмены социалистических стран; отмечались успехи атлетов из Монголии, Кореи и Эфиопии.

Когда я вспоминаю обо всем этом, мне порой кажется, что у человечества патологически укорачивается историческая память, как у рыбки, что плавает кругами в аквариуме, каждые три минуты оказываясь в незнакомом для себя месте.

Месяца не прошло, как Светлана Савицкая стала первой женщиной,

вышедшей в открытый космос.

Что же до меня лично, то я этим утром должен был быть далеко от Ленинграда, на лазурном берегу Черного моря, пить холодное вино и загорать на пляже в компании своей невесты Тонечки. Наша свадьба была назначена на ноябрь, но с возможностью совместить сразу несколько дат – бракосочетания, отпуска, свадебного путешествия – в то время обстояло непросто, да и само по себе путешествие уже считалось роскошью для молодоженов, обыкновенно проводивших медовый месяц на даче или в пригородном пансионате. С путевкой в ведомственный Дом отдыха в Сочи, можно сказать, повезло: это был подарок от руководства и коллег к предстоящей осенью свадьбе, и начальнику третьего отдела уголовного розыска Макарову пришлось приложить известные усилия, чтобы выбить этот подарок в Главке. Но с поездкой вышла незадача, потому как Тонечка бросила меня за неделю до этого, сообщив о своем решении в кафе на Невском, 24, более известном как «лягушатник», под бокал шампанского и два шарика ванильного мороженого, которые я заказал, предполагая обсудить предстоящий отпуск, не зная еще, о чем будет идти разговор.

С Тонечкой мы познакомились два с половиной года назад, зимой, в очереди за минтаем. Жанр требует какой-то героической истории знакомства, чтобы, например, я защитил ее от хулиганов или, с учетом профессии, спас от вооруженных бандитов, – но нет. Мама в выходной отправила постоять очередь в универсам рядом с домом, а Тонечка стояла впереди – миниатюрная, хорошенькая блондинка в кудряшках и с большими голубыми глазами. Она училась на третьем курсе Института культуры на экскурсовода, было ей двадцать лет; мне в том году исполнялось уже двадцать семь, и мама регулярно сообщала о потере надежд понянчить внуков, в то время как, например, у подруги с работы, Анны Ильиничны, сыну двадцать пять, а у него уже двое и третьего ждут. Я пообещал маме, что и ее счастье не за горами и потерпеть осталось совсем немного, потому что с Тонечкой мы решили жениться, когда она закончит учебу.

И вот, закончила.

– Витя, ты только не переживай, – сочувственно увещевала Тонечка, хмуря лобик и глядя на меня огромными голубыми глазищами так, словно уже готова была осудить любые проявления переживаний. – Ну сам подумай, какие у нас перспективы?

Оказалось, что размышления о перспективах у теперь бывшей моей невесты начались не вчера. Как я понял, она уже полгода встречалась с каким-то товароведом и радостно приняла от него предложение. Как-то

незаметно наступило то время, когда товаровед стал более привлекательной партией в отличие, скажем, от военного летчика, милиционера или уж тем более инженера. Вроде и ничего героического, и даже как-то немного неловко говорить «у меня муж – товаровед», а все равно подружки завидуют.

– У него хорошая должность, свой автомобиль, квартира кооперативная... – веско перечисляла Тонечка незамысловатые составляющие формулы любви.

Крыть мне было нечем, потому что против автомобиля я мог выставить только пожилой отцовский ИЖ-комби, а кооперативной квартире противопоставить комнату в родительской «двушке», где и предполагал до сего момента строить семейное счастье.

– Ну все, пока. Надеюсь, ты не обиделся, – и Тонечка упорхнула, легкая, как юная бабочка, оставив меня одного, с подтаявшим в железной креманке мороженым и открытой бутылкой сладкого шампанского. Люди вокруг заняты были собой. На улице сиял летний вечер. У окна на зеленом плюшевом диванчике сидела в одиночестве красивая молодая женщина: миндальные глаза с поволокой, высокие скулы, пухлые ярко очерченные губы, темные волосы коротко острижены по последней моде, легкое платье с широкими, как крылья, плечами. Она поймала мой взгляд и улыбнулась. Я позвал официантку, рассчитался, отправил бутылку шампанского на столик темноволосой красавице и ретировался.

На работе я написал рапорт о переносе отпуска, а путевку подарил Олегу Кравченко, заместителю Макарова, человеку давно семейному, а оттого глубоко и безнадежно одинокому, как бывает одинок человек только в устоявшейся, благополучной семье. Отказался от денег – а продать трехнедельный тур в Сочи можно было бы рублей за сто, не меньше, – и только попросил привезти бутылку хорошего коньяку, прервав поток благодарностей. Вот поэтому утро понедельника застало меня не в номере с видом на море, а дома, бесцеремонно подняв с кровати настойчивой дребезжащей трелью телефонного звонка.

Я нашарил рукой трубку, снял и ответил, не открывая глаз:

– Адамов.

– Доброе утро, товарищ капитан! Старший лейтенант Архангельский, УВД Петроградского района. Звоню по поручению руководства. Вы нужны на адресе, можете сейчас подъехать?

Звонок спозаранку – это всегда тревога. Среди ночи может вдруг позвонить подгулявший приятель, брошенная подружка или родственник с другого конца страны. Но в пять утра звонят только лишь с тем, чтобы сообщить плохие новости. Адрес, который назвал лейтенант, был мне

знаком, и нехорошее предчувствие о судьбе Бори Рубинчика почти равнялось уверенности.

Я натянул брюки, надел любимую рубашку в синюю клетку и вышел из комнаты. Телефон в коридоре я обычно выключаю на ночь, чтобы родителей не беспокоили не такие уж редкие при моей работе ночные звонки, но отец все равно проснулся.

– Что-то случилось, сынок? – спросил он, моргая спросонья.

– По работе, – ответил я. – Папа, можно я машину возьму?

– Бери, – ответил он и зевнул. – Только не разбей.

Это напутствие повторялось каждый раз все семь лет с тех пор, как я получил права.

– Хорошо, я аккуратно.

Я кое-как умылся и почистил зубы, подумал и решил, что побриться не успею. На кухне отец ставил чайник. Он работал мастером участка на «Красном Выборжце», утренняя смена начиналась в семь часов, и ложиться спать уже не было смысла.

– Чай будешь пить?

– Нет, папа, тороплюсь.

Я взял банку с чайным грибом, через пожелтевшую марлю нацедил полную кружку желтовато-зеленой жидкости и махом выпил. Забористый кислый вкус был так крепок, что разом прогнал остатки сна, даже глаза сами собой распахнулись, будто от удивления, и мурашки побежали по телу. Я набросил пиджак, взял ключи от машины и вышел.

Город был пуст, тих и недвижим. Панельные девятиэтажные новостройки застыли в утреннем оцепенении. Выцветшее от жары небо, чуть потемневшее и посвежевшее за ночь, постепенно светлело и заволакивалось первым дымом, который выдыхали просыпающиеся пожары на севере и востоке. Торфяники тлели уже с неделю, служба пожарной охраны проливала сухие леса, рапортуя об отсутствии опасности выхода огня на поверхность, граждане, привыкшие ко всему, постепенно свыкались и с дымом.

До Кировского проспекта я добрался за десять минут. Перескочил через мост на Аптекарский остров, миновал спящий сад Дзержинского^[3], проехал мимо едва различимого меж высоких старых деревьев туберкулезного диспансера и притормозил, приготовившись развернуться. Даже если бы я забыл нужный адрес, ошибиться было бы невозможно: у тротуара напротив высоких декоративных ворот без створок, ведущих во двор, стояло несколько автомобилей с ведомственными номерами, желто-синий патрульный УАЗ, новенькая блестящая «тройка» цвета свежей травы

и «Скорая помощь» с выключенными спецсигналами, которая никому здесь уже помочь не могла.

У ворот переминался с ноги на ногу молодой сержант. Увидев меня, он было оживился, шагнул навстречу, но взглянул на удостоверение, козырнул и потерял интерес.

Дом не зря назывался «академическим». Мало в каком еще доме Ленинграда, при всем богатстве научных и культурных традиций, жили в таком количестве деятели науки и искусства: в разные годы здесь квартировали шесть академиков, пять живописцев, три известных поэта, два прославленных архитектора и даже одна балерина, не говоря уже про профессоров, врачей, генералов – тоже в своем роде ученых войны и художников масштабных сражений – этих вовсе было без счета. Впрочем, инвазия нового времени коснулась и этого дома: поселился же тут Боря Рубинчик, заняв квартиру после смерти родителей, известных в прошлом микробиологов, которые уж точно не предполагали для сына ни той карьеры, что он избрал, ни такого конца, к которому, вероятнее всего, эта карьера и привела.

Длинный и узкий двор-курдонер^[4] вел к двери центральной парадной. Монументальные фасады благородного серого цвета, украшенные всеми неоклассическими излишествами, какие только могли измыслить в начале века – барельефы, пилястры, декоративные колоннады, розетки, статуи в нишах, горгульи, кариатиды, поддерживающие балконы, сами балконы, все в лепных завитках – тянулись вверх на исполинских пять этажей, каждый из которых стоил двух в обычном доме где-нибудь в Купчино или на Гражданке. Крышу венчала монументальная мансарда, огражденная каменными перилами. Степенные ряды больших окон кое-где светились огнями, и ярко сияло электричеством выбитое окно на четвертом этаже по центру дома, как вытарашенный в удивлении глаз, из которого выпал монокль.

Я огляделся. Сотрудники в форме и в штатском входили и выходили из двустворчатой двери парадной, разговаривали с жильцами, которые группами и по одному жались у стен и дверей, переступая ногами в домашних туфлях и запахивая наброшенные на ночные рубашки халаты. Голоса звучали негромко, то ли из уважения к смерти, то ли к тихому летнему утру, и только где-то периодически бесцеремонно включалась рация, шипела белым шумом эфира и снова замолкала.

Костя Золотухин, мой старый приятель из спецотдела, появился откуда-то сбоку и приветственно отсалютовал:

– Привет, Виктор! – как всегда, с ударением на второй слог. – Так и

знал, что тебя тоже сюда дернут.

Он кивнул в сторону и произнес, чуть понизив голос:

– Рубинчик. Вот так.

Я посмотрел туда, куда показал Костя. Припаркованная «шестерка» модного цвета «золотое руно» частично закрывала обзор, и я увидел только рассыпанные по асфальту осколки стекла и знакомого судебно-медицинского эксперта Генриха Левина, делающего пометки в бланках на широком планшете.

– Почему общий сбор?

Костя пожал плечами.

– Тело с признаками насильственной смерти, сам понимаешь. Уже повод всем собраться и хорошенько постоять рядом. К тому же в угрозыске мало отделов, где бы Боря не засветился: у тебя проходит как потерпевший по разбойному нападению, у меня, понятно, в разработке по связям с иностранными гражданами, шестой его изучал как участника, так сказать, сообществ. Теперь вот и убийщики им занимаются. Напоследок.

– А кто от второго отдела?

– Игорь Пукконен, он со свидетелями работает, наверху. Сюда первыми приехали ребята из района, но в связи с особенностями личности позвонили дежурному в Главк. Убийство – дело серьезное, подняли спозаранку само руководство, – Костя потыкал пальцем в дымное небо. – А руководство не любит, когда его поднимают плохими вестями, поэтому передали по начальникам всех причастных отделов прислать сотрудников по принадлежности. Честно говоря, что мне тут делать, я не очень понимаю. Да и тебе тоже. Разве что с Борей проститься. Пойдешь посмотреть?

Покойник лежал в двух шагах от входа в подъезд бесформенной пестрой кучкой, как сбитая птица. Рамы окна наверху были распахнуты настежь, а одна и вовсе выломана почти полностью и, угрожающе накренившись, висела на одной петле. Я снова взглянул на мертвеца. Вверх смотреть было приятнее.

– Доброго утра, Генрих Осипович. Что скажете?

Судмедэксперту Генриху Левину было едва за сорок, но мне он казался пожилым и умудренным седыми годами: когда тебе самому еще нет тридцати, сорокалетний порог представляется почти метафизической гранью, за которой по полям асфоделей бродят бесплотные тени, шелестящими голосами несущие околесицу про то, что после сорока только начинается жизнь. Да и Генрих Осипович не молодился, скорее напротив: носил роговые очки, бородку клинышком, волосы с легкой

проседью зачесывал назад, прибавляя себе этим всем еще пару десятков лет возраста и на полвека жизненного опыта. Он воззрился на меня поверх очков взглядом, в котором отразилась мудрая скорбь поколений, вздохнул и ответил:

– Здравствуйте, Витя. Ну что я могу сказать без экспертизы? Вы и сами все видите.

– Ну, а хотя бы предварительно?

Левин вздохнул.

– Витя, вы же меня знаете, я не люблю вот этой профанации. Я сейчас скажу, а вы выводы сделаете, наверняка неправильные. Подождите сутки, будет заключение, все узнаете, если вам вообще это надо. Вы же случаями насильственной смерти не занимаетесь, верно?

Я молчал. Генрих Осипович поцарапал немного ручкой в своих бланках, покосился на меня, снова вздохнул и опять принялся что-то черкать на бумаге. Я закурил. За воротами по проспекту с басовитым бодрым гудением прополз поливальная автомобиль. Левин горестно закатил глаза и произнес:

– Вы, Витя, мертвого уболтаете. Ладно, уговорили. Но никаких шокирующих откровений не будет. Вероятно – запомните это слово! – смерть наступила в результате падения с высоты. Об этом говорят характерные травмы теменной и затылочной части головы, частичная деформация костей черепа и состояние шейных позвонков. Если проще, то вот здесь – видите? – следы мозгового вещества на асфальте, а голова у него болтается, как на веревочке, потому как позвонки компрессионным ударом раздавлены в крошево. Учитывая, что до его окна метров двадцать, а также то, что в землю он воткнулся почти вертикально, все это неудивительно. На торсе и животе множественные ранения, предположительно – запомните, предположительно! – ножевые. Насколько я могу судить здесь и сейчас, они носят поверхностный характер, ни одно ранение не является проникающим и, тем более, смертельным. Но это не точно. Травматическое удаление глазных яблок исполнено несколькими ударами, причем, я бы сказал, неуверенными – видите порезы внутри глазниц? Нет? Присмотритесь. Не хотите? То-то же. На мой личный взгляд, орудие, которым это сделано, не проникло настолько глубоко, чтобы поразить мозг. Хотя это еще нужно проверить.

Я взглянул на кухонный нож с потемневшим от крови лезвием, уже аккуратно упакованный в целлофановый пакет для вещественных доказательств, и вопросительно посмотрел на Левина. Тот замахал руками.

– И не спрашивайте! Понятия не имею. Пока я не могу отвергнуть эту

гипотезу однозначно.

– Сам себя изрезал, – произнес я задумчиво. – Выколол глаза, а потом выбросился в окно вниз головой. Потому и нож рядом.

– Витя, избавьте меня!..

– А что у него с руками?

Лицо несчастного Бори было тем зрелищем, на которое непросто смотреть, но если уж посмотрел, то оторвать взгляд получалось с трудом. На кисти рук я обратил внимание только сейчас: они были изуродованы множеством рваных ран, таких глубоких, что в некоторых местах сквозь вывороченную плоть тошнотворно белели кости. На нескольких пальцах вместо ногтей багровели свежие раны.

– А вы наверху были? – ответил вопросом на вопрос Генрих Осипович.

– Нет.

– Ну так поднимитесь, сделайте одолжение. Все поймете. Там сейчас Леночка работает, заодно с ней обсудите свои смелые версии. Она любит с ходу начинать фантазировать. Вам под стать собеседник.

За тяжелыми двойными дверями пологая узкая лестница через высокую арку с лепными узорами вела на основной лестничный марш, изгибающийся вправо, как винтовые ступени в замковой башне. Сверху неслись голоса, шарканье ног, стук дверей. Где-то заходила залюбленная лаем маленькая собачка. Навстречу спустился усатый дородный мужчина в трикотажных тренировочных брюках и наброшенной на майку белой выглаженной рубашке – типичный гражданский, поднятый по внезапной тревоге. На этажах было по две квартиры, некоторые двери приоткрыты, из них выбивался слишком яркий для раннего утра свет и слышались нервные разговоры.

Обе створки дверей в квартиру Рубинчика были распахнуты настежь. Полузнакомые и незнакомые вовсе мне люди входили и выходили, как бесцеремонные незваные гости. Лестничным маршем выше на площадке стояла высокая женщина царственной внешности в длинном черном халате; она стискивала пальцы, унизанные перстнями, и недовольно смотрела вниз. Рядом мыкался испуганный человечек в серой пижаме и круглых очках, плешивый, неопределенного возраста и такой же внешности. У самого порога кинолог Шамранский, усатый и немолодой уже дядька, похожий на гвардейца петровских времен, присел на корточках рядом с прижавшимся к полу служебным псом и негромко увещевал: «Спокойно, Цезарь, ну что ты, Цезарь, успокойся». Цезарь тяжело дышал, вывалив влажный язык, и виновато посматривал из-под рыжих бровей. Шамранский кивнул мне, вздохнул и снова принялся то ли успокаивать, то

ли уговаривать своего пса. «Спокойно, ну всё, Цезарь, спокойно».

Я вошел в просторный широкий холл. Первое, что я почувствовал – запах: резкий аромат алкоголя и еще один, чуть заметный, неуловимый, похожий на то, как пахнут перегревшиеся электроприборы. Справа от входа располагался камин – я обратил на него внимание еще в свой первый визит: огромное облицованное мраморной плиткой сооружение высотой почти в человеческий рост, полкой, на которой можно было бы уложить спать приезжего родственника, ажурной кованой решеткой и топкой размером с гостиную в стандартной пятиэтажке. Собственно, камин – единственное, что не изменилось, вернее сказать, устояло перед тем, что обрушилось на квартиру Бори Рубинчика.

Почтенный мозаичный паркет холла был заляпан бурными пятнами крови и усеян осколками вазочек, керамических подсвечников, ювелирных подставок и семейства из семи слоников, сметенных с каминной полки. Вешалка сорвана со стены, опрокинута и как будто растоптана; телефонная тумбочка опрокинута, а сам аппарат – последней модели, с кнопками вместо диска – превратился в пластмассовую труху, среди которой одиноко поблескивала полусфера звонка. Стены холла иссечены беспорядочными надрезами, как если бы кто-то яростно бился с незримым противником, то и дело коварно уворачивающимся от ударов. Кухня пострадала меньше, только ящики со столовыми приборами были вытащены из стола и брошены на пол, по линолеуму разлетелись вилки, ложки, ножи, и на металлических стенках массивного финского холодильника виднелись две глубокие окровавленные вмятины.

Дверь в спальню находилась напротив входа и была приоткрыта. Я осторожно толкнул ее и заглянул внутрь. Огромное тройное зеркало трюмо обрушено на пол и расколото на куски; дверцы платяного шкафа размером с сарай проломлены и вдавлены внутрь, как если бы в них врезался самосвал. Матрас и постель на огромной кровати вздыблены так, словно кто-то пытался под ними спрятаться, но безуспешно. Я перевел взгляд на стену над высокой ажурной спинкой: там чуть заметно темнел прямоугольник обоев на месте пропавшей картины, в центре которого выступала массивная дверца сейфа. Она была приоткрыта, и я знал, что там пусто.

Из гостиной тянуло дымным сквозняком, сладким спиртом и сверкали вспышки фотоаппарата. Я осторожно переступил сорванные бамбуковые занавески и заглянул внутрь.

Шикарная гостиная Бори Рубинчика из визитной карточки преуспевающего человека превратилась в свалку варварски изломанной мебели, забрызганной и залитой кровью. В роскошной румынской «стенке»

не осталось ни одного целого шкафа: стеклянные дверцы серванта разбиты вдребезги, полки обрушены, все, что было внутри – фарфоровые сервизы, чешский хрусталь и стекло, редчайшая отечественная коллекционная анималистика – грудями и россыпями окровавленных осколков усеивало глубокий ворсистый ковер вперемешку с сувенирными фигурками, свечами, безделушками из тех, что бесконечно передаривают друг другу по праздникам, изорванными и растоптанными подписными изданиями Мориса Дрюона, Агаты Кристи, собраниями сочинений русских классиков, дефицитными журналами «Англия» и почти подсудными яркими номерами «PlayBoy», которые, похоже, рвали на части с особой жестокостью. Откидная крышка бара открыта, оторвана, и лампочка внутри освещала мягким янтарным светом варварски расколоченные бутылки Havana Club, Beefeater, Martel, Cinzano, причем орудием разрушения, судя по всему, была избрана бутылка виски Johnny Walker, метко запущенная в бар на манер биты при игре в городки. На диване валялась сорванная с петель внутренняя дверь с треснувшим матовым стеклом, а сам диван – роскошный, серо-голубой, плюшевый, мягкий, как райское облако – был беспощадно вспорот от подлокотника до подлокотника. Довершали картину чудовищного разгрома сброшенная со стены на пол старинная икона в большом темном киоте с разбитым стеклом, опрокинутый цветной телевизор, тяжелый полированный корпус которого был расколот, а в центре лопнувшего потемневшего экрана торчал, как засевшая пуля, один из семейства слоников с каминной полки, и разбросанные видеокассеты, некоторые с предосудительным до уголовной ответственности содержанием: в частности, «Эммануэль» и «Греческая смоковница». Это в наше благословенное время они кажутся не эротичнее голого манекена в витрине, а тогда были способны вогнать в краску любого бабника со стажем и обеспечить владельцу судимость за распространение порнографии.

– Привет, Адамов! – раздался голос откуда-то снизу. – Когда в кино меня пригласишь?

Я опустил глаза. Рядом с журнальным столиком на корточках сидела Леночка Смерть и с любопытством смотрела на меня.

Вообще-то фамилия у Лены была Сидорова, и она являлась одним из лучших экспертов-криминалистов, работающим по сложным случаям тяжких преступлений против личности. Почтительное и жутковатое прозвище свое она заслужила из-за удивительной стойкости перед самыми страшными и кровавыми сценами насилия, и даже некоторого удовольствия, с которым разбиралась в делах об убийствах.

Проницательностью при этом она отличалась невероятной, картину происшествия восстанавливала так, что даже потерпевшим напоминала некоторые детали, не говоря уже о традиционно забывчивых преступниках, и фору в следственном деле могла дать и многим из тех, для кого это дело было профессией. Внешность Лены хорошо рифмовалась с ее прозвищем: очень темные волосы с медным отливом, которые она заплетала в тугую короткую косу, необычно бледная кожа, коричневые крупные веснушки, яркие голубые глаза и острый нос. Сейчас ее назвали бы интересной и оригинальной, и быть может, даже модный фотограф пригласил бы на съемки для известного бренда, но в то время с такими данными, да еще и вкупе с резким характером, шансов на популярность у Леночки было немного, а потому в свои двадцать девять она оставалась девушкой незамужней и, кажется, не особенно этим тяготилась. Сейчас на ней было синее платье в крупный белый горох, из-под подола которого торчали острые бледные коленки, босоножки без каблука и тоненькие резиновые перчатки на длинных пальцах, в которых она держала маленький пластиковый пинцет с зажатым между лапок чем-то неразлично микроскопическим. Фотограф слегка улыбнулся мне, отвернулся, прицелился аппаратом куда-то в угол и снова щелкнул вспышкой.

– Привет, Лена! Вот как победим преступность, сразу же приглашу.

– Так это уже на следующей неделе! – воскликнула она и вздохнула: – Обманешь ведь наверняка. Ну что, уже есть версии?

– Какие версии Лена, это же не мое дело. Я тут так, на экскурсии.

Она погрозила мне затянутым в латекс пальчиком.

– Брось, Адамов, я тебя знаю! Ты сыщик, у тебя сыскная мышца автоматически срабатывает.

Она обвела взглядом комнату.

– Та еще картинка, верно? На следы борьбы не очень похоже?

Я согласно кивнул.

– Скорее, на погром, бессмысленный и беспощадный.

– Точно! А теперь обрати внимание вот сюда.

Леночка широко раскинула руки и выразительно посмотрела на меня. Я взглянул и сначала не понял, что именно она имеет в виду. Потом взглянул еще раз и даже присвистнул от изумления.

– Ага! – торжествующе сказала Леночка. – Знала, что оценишь.

Дальний угол гостиной справа от разбитого окна оставался совершенно нетронут. Я не сразу заметил это в общем кавардаке. Журнальный столик со стеклянной столешницей, рядом с которым примостилась Лена, широкое серо-голубое кресло, кровная родня

безжалостно погубленного дивана, высокий торшер с двумя абажурами, светящимися желтым и розовым, чеканка на стене с профилем Нефертити – все было в целости и даже, кажется, не сдвинуто с места – жутковатый островок мира и тишины в самом центре тайфуна. Больше того, на столике имели место пепельница с истлевшей сигаретой, красная пачка Marlboro, широкий бокал с жидкостью цвета мореного дуба на доньшке и округлая бутылка с широким горлышком, выглядевшая на два моих месячных оклада. Этот нетронутый угол комнаты среди общего хаоса навел жути больше, чем окружающий страшный разгром – об него разбивались логика и здравый смысл.

Я подошел ближе, осторожно ступая по превратившемуся в хлам зажиточному быту, и не без труда прочел надпись на этикетке:

– Соурвоисиер.

– Господи, Адамов, ты дикарь. Это Курвуазье, чтоб ты знал. Покойник понимал толк в хорошем коньяке.

– И к чему это его привело? – риторически парировал я. – Наверное, теперь моя очередь спрашивать, есть ли версии?

Леночка многозначительно приподняла бровь и загадочно усмехнулась.

– Побудешь здесь еще полчаса? Я первичное описание закончу, можем потом сходить покурить.

– Договорились. Погуляю тут пока.

Стрелки часов показывали начало шестого, и делать все равно было нечего. Во дворе Шамранский выгуливал повеселевшего Цезаря, который на радостях навалил огромную кучу на газончик в центре двора. Я нашел Пукконена из второго отдела и перекинулся с ним парой слов; познакомился с суровой царственной дамой в черном – Ядвига Ильинична, вдова генерала внутренних войск Расторгуева, – «того самого», добавила она многозначительно, хотя мне эта фамилия ни о чем не сказала; переговорил со Львом Львовичем, главным инженером «Турбостроителя», в характеристические черты которого, кроме серой пижамы, очков и плешивости добавился густой дух доброкачественного перегара; заглянул к соседям напротив: молодая пара, Сережа – учится на восточном, длинный, тощий, со впалой грудью, выпирающим кадыком, весь какой-то костистый, как гриф; и Маша – косящий взор, крутые бедра, полные губы и челка.

Хронологическая картина происшествий складывалась довольно четкая.

Примерно в четыре утра соседи Рубинчика проснулись от шума. Ни криков, ни громкой музыки, ничего такого, что обычно нарушает

священный ночной покой граждан – просто какой-то топот и словно бы звуки передвигаемой мебели, которые очень скоро превратились в раскатистый грохот. Некоторое время соседи деликатно терпели, злобно таращась в темноту и возмущаясь вполголоса, но, когда к шуму добавились звуки бьющегося стекла, а потом что-то тяжеломерно грянулось так, что с потолка на нос Ядвиги Ильиничны посыпалась штукатурка, она не выдержала и поднялась к соседу.

– Я к людям очень терпелива и скандальных сцен не люблю. Да и Боря, что про него ни говори, мог приходиться поздно, ночами не спать, но никогда себе безобразий в доме не позволял. А сегодня у него будто черти отплясывали! У меня даже Пополь проснулся и завыл от испуга, бедняжка, а он спит очень крепко. Вот я и пошла.

Дверь в квартиру Рубинчика была приоткрыта, и этот факт несколько обескуражил Ядвигу Ильиничну. Она остановилась в неуверенности, не решаясь на активные действия в одиночку, но через пару минут к ней присоединился Лев Львович с пятого этажа – грохот пронял даже его, а потом из соседней двери выглянули Сережа и Маша. В конце концов поднялся и Матвей Архипович со второго – почтенный усатый муж в белой рубашке, которого я встретил на лестнице. К тому времени из квартиры доносились уже совершенно кошмарные звуки.

– Это было какое-то светопредставление! Все гремело так, что стены тряслись! И вот что странно – больше ничего. Понимаете? Ни голосов, ни воплей. Просто на фоне мертвенной тишины какое-то остервенелое громыхание. А еще запах: такой, электрический, как бывает во время грозы.

– Нет, если бы крики какие-то или на помощь кто-то звал – то да, мы бы все. Как один. – Лев Львович старался дышать в сторону, виновато пряча глаза.

– Я сразу про ограбление вспомнил, – признался Сережа. – Борису же ограбили, дней десять назад, Вы в курсе? Ну вот и подумал, вдруг злодеи вернулись и ищут что-то.

– На самом деле был еще один звук, противный, – вспомнила Маша. – Писк, как бывает, когда телевизор не выключили, у меня от такого уши закладывает.

– Лично я ничего никогда не боялась и не боюсь, – решительно сообщила Ядвига Ильинична. – Но один в поле не воин, а нас было мало. Сейчас многие на дачах, Терешенки у себя во Мшинской, Хотимские под Зеленогорск укатили. Лев Львович, кстати, тоже жену с котом и сына отправил на дачу, а сам взял отпуск и пьянствует. Отдыхает, с позволения

сказать. Не с ним же идти в бой. Да и не с Сережей. Вы его видели? Неосторожным взглядом можно убить.

В итоге, когда Ядвига Ильинична все же набралась отваги и толкнула дверь, из квартиры донесся звон стекла, треск рам, а потом во дворе кто-то закричал.

– Это Коминтерн Леонидович был, из второй парадной, профессор медицинского, – рассказал Сережа. – Он часто выходит курить по двор спозаранку, вот и увидел...

Соседи гурьбой кинулись вниз, оставив у открытой двери квартиры только Льва Львовича.

– Я покараулить оставался, мало ли что, – пояснил он.

– Лёва, знаете ли, трусоват, – с легким презрением прокомментировала Ядвига Ильинична. – Мы все на улицу побежали, а он отстал. Якобы посторожить. Тоже мне сторож.

Лев Львович, впрочем, недолго выдержал одиночество и тоже спустился вниз, встретив несущегося через три ступеньки Сережу, который бежал к себе в квартиру вызвать милицию и «Скорую помощь».

Дальше все толклись во дворе, ахая вокруг распростертого Бори. Коминтерн Леонидович отважно кинулся к пострадавшему, пытаясь оказать ему помощь, но в итоге лишь растормошил тело, изгваздался кровью, после чего провозгласил «Мертв!», вызвав Машины крики и исполненный достоинства обморок Ядвиги Ильиничны. Скоро во двор выбрались почти все обитатели дома: опасливо любопытствовали, качали головами, переговаривались и ждали милицию. Пренебрегли этим общим собранием только Марфа Игнатъевна с первого этажа, которой не так давно сравнялось девяносто пять лет и которая предпочитала наблюдать жизнь из окна квартиры, и Серафима, дама полусвета из мансарды, не отягощенная определенными занятиями, а в то утро и избытком одежды: в длинном перламутровом неглиже стояла она на маленьком своем балконе и сонно щурилась на переполох.

– Между прочим, дочь самого Лепешинского, – скорбно сообщила Ядвига Ильинична. – Ныне единственный позор нашего дома. Раньше еще был вот Боря... Ну, а что вы так смотрите? Жулик, прохвост, болтался ночами неведомо где, машину свою ставил не в гараже, а прямо во дворе, как бродяга, – вот этот агрегат цвета детской неожиданности, видели? Я, кстати, вашим коллегам неоднократно сигнализировала, не скрою. И была бы не против, чтобы его посадили. Но такого конца, конечно, никто ему не желал.

Через полчаса я снова вышел во двор. Тело уже увезли, отправив туда,

где ему предстоит пройти последний допрос с пристрастием, отвечая на вопросы, задаваемые при помощи хирургической пилы и ланцета судебного патологоанатома. Уехал и Шамранский с Цезарем. Костя Золотухин укатил на своей новенькой травянисто-зеленой «тройке». У высоких ворот оставались только микроавтобус РАФ криминалистической лаборатории, патрульный автомобиль и пара машин сотрудников второго отдела, которые разошлись вслед за гражданами по квартирам, заканчивая процедуру опроса. Постовой мыкался у входа в двор, сдвинув на затылок фуражку и меряя шагами, как цапля, расстояние от столба до столба. Я уселся на лавочку напротив «шестерки» Рубинчика и закурил. Через окна мне были видны белые мохнатые чехлы на сидениях, разноцветная оплетка руля и фигурка полуголой русалки под лобовым стеклом – богатый советский тюнинг. Из парадной вышла Леночка, махнула мне рукой, сунула сигарету в зубы, подошла и уселась рядом.

– Любуешься? – кивнула она на машину.

– Все, что осталось от человека, – отозвался я. – Кроме хлама в квартире. Ни семьи, ни детей. Даже похоронить будет некому.

Лена пожалала плечами и ничего не ответила. Мы помолчали.

– Ну что, сравним наблюдения? – предложила она. – Начнешь первый?

– В спальне и на кухне почти нет следов крови, только на холодильнике вмятины, похоже, от ударов кулаками. И разрушения минимальны, в отличие от гостиной.

– Точно! Смотри, что получается. Рубинчик спокойно сидит себе дома, выпивает в ночи, думает о своем. Потом встает, идет в холл и открывает входную дверь. Предположим, что к нему кто-то пришел, причем визитеры настроены были, скажем так, недружественно. Он это сразу же понимает, бежит в спальню – она как раз напротив входа в квартиру. То, что я увидела в спальне, можно теоретически назвать следами борьбы, хотя и диковатыми: уверена, что, например, дверцы платяного шкафа проломлены чьей-то спиной, зеркало на трюмо просто опрокинули в схватке. На кровать обратил внимание?

– Да. Как будто кто-то под одеялом прятался.

– И его оттуда вытащили. Это первый штрих к картинке безумия, потому как трудно представить, чтобы взрослый человек всерьез попытался спрятаться от налетчиков, забравшись при них под матрас. После этого, еще не израненный, Рубинчик отправляется на кухню и лупит кулаками по холодильнику, да так, что разбивает в кровь руки. Потом рывком вытаскивает ящик со столовыми приборами и находит нож. Наносит себе первые раны – в холле характерная дорожка из пятен крови, пока

небольших, которая тянется из кухни к гостиной – и как саблей кромсает лезвием стены. Сметает мелочь с каминной полки, топчет вешалку и телефон. Потом входит в комнату и устраивает чудовищный разгром: режет диван, громит шкафы, рвет книги с журналами, голыми руками разбивает стекла в серванте – я почти уверена, что он еще и головой туда пару раз въехал – кулаками дробит посуду, швыряется слоником в телевизор, не забывая при этом резать себя ножом, доходя до того, что выкальвает глаза, а потом и вовсе выскакивает головой вперед через закрытое окно.

– Думаешь, сам себя резал?

– А ты, можно подумать, иначе считаешь. Если бы его пытали, то связали бы и рот заткнули, чтобы не орал. А Боря и так ни звука не издал, что тоже чрезвычайно странно. Да, будет еще анализ образцов крови с ножа, результаты сбора материалов и отпечатков пальцев в квартире, исследование трупа, но пока это больше всего похоже на внезапный приступ буйного помешательства.

– Но? Кажется, кто-то упоминал про налетчиков и таинственных визитеров.

Леночка глубоко затянулась, прищурилась и выпустила дым в небо, и без того уже подернутое дыханием далеких пожаров.

– С одной стороны, человек, который вдребезги разбивает сервиз «Мадонна» – точно псих. У меня сердце кровью облилось, когда осколки увидела. И тут нам посмертная психиатрическая экспертиза в помощь. С другой – это какое-то странное безумие, которое заставляет избирательно разнести к чертям только одну комнату в квартире, и при этом почему-то не тронуть угол с креслом и столиком. Он туда даже не бросал ничего. И почему открыта входная дверь? И что за запах такой, как после грозы? И почему Цезаря так и не удалось в квартиру затащить: ты вот не видел, а у него даже шерсть дыбом встала, скулил, упирался, так и не вошел ни в какую. А Цезарь – пес старый, опытный, он и на пепелище работал, и на убийстве в Синявино в прошлом году, где пять трупов на даче две недели лежали, в закрытом доме, в жару. У меня твердое ощущение, что кто-то еще был в квартире, сидел в этом кресле под торшером, с удобствами, и наблюдал, как Рубинчик свое жилище громит и кромсает себя ножиком. Что его заставили это сделать. А в окно он выпрыгнул, чтобы избавиться от страданий. Как будто в этой комнате произошло и убийство, и самоубийство одновременно, с какой стороны посмотреть.

Она взглянула на меня, широко распахнув бледно-голубые глазищи, словно ей воочию представилась описанная картина. Я вздохнул и мягко ответил:

– Лена, ты перемудрила. В безумии нет логики. Потому и дверь открыта, и один угол не тронут. Мало ли, что бедняге Борюсику там привиделось. Но даже если предположить, что в квартире кто-то был посторонний, выйти он оттуда никак не мог. Соседи несколько минут толклись у дверей, когда там продолжался этот бедлам, пока Рубинчик не выбросился из окна. Потом у квартиры оставался Лев Львович, а когда он тоже стал спускаться вниз, то навстречу ему уже поднимался Сережа, молодой человек из квартиры напротив: забежал к себе и позвонил в милицию. Телефон у него в коридоре, дверь он не закрывал. Но даже если представить, что злодеи как-то успели незаметно выйти на лестницу, пока он разговаривал с оперативным дежурным, то как бы они прошли мимо столпившихся у тела Бори жильцов, если бедняга лежал почти у самого входа в парадную? Позже это и вовсе было бы невозможно, тут сотрудников собралось почти как на концерт в День милиции. Им даже в какой-нибудь квартире было не спрятаться, Пукконен со своими ребятами их все обошел.

– А Цезарь? И запах?

– Испугавшейся служебной собачки и неопределенного запаха маловато для квалификации смерти, как убийства. Как и твоих ощущений, прости.

– Ладно. – Леночка бросила сигарету в урну в форме античной вазы, встала и потянулась. – Попробую хоть что-то найти еще, а потом с Генрихом Осиповичем пообщаюсь. Да, он, старый зануда, но дело знает. А тебя, Адамов, приглашаю зайти как-нибудь свободным вечерком в морг, если уж ты меня в кино не зовешь.

– Звучит неплохо.

– Ага. Чаю попьем, посеCRETничаем. Не так, чтобы очень, но все же.

На проспекте уже всю шумели машины. Сержанта у входа во двор совсем сморило от вынужденного безделья. Среди высоких деревьев, окружавших туберкулезный диспансер, надсадно закаркал ворон и улетел в дым над Аптекарским островом. В городе начинался новый день – уже без Бори Рубинчика.

Я поднялся со скамейки и пошел к машине. У ворот оглянулся: на балконе мансардного этажа томная Серафима, теперь уже единственный позор приличного дома, курила сигарету в длинном мундштуке. Она увидела меня и махнула рукой на прощание.

00.35–00.50

– Ну, давайте помянем Борю, – предложил Адамов и поднял рюмку.

Мы помянули, не чокаясь, по обычаю. Поезд снова нырнул в межзвездную пустоту, и за окном клубился мрак с белесыми проседями дыма.

– Надо сказать, что основания для нервного срыва и даже самоубийства у Рубинчика были, правда, я тогда еще не знал, насколько серьезные. Гипотетически можно было бы ожидать, что он повесится или застрелится, если найдет из чего. Но такой вот самоистребительной бойни и вообразить было невозможно. Да и сам Борюсик никак не походил на потенциального самоубийцу. Всего за несколько дней до фатального понедельника он сидел у меня в кабинете: яркий желтый пиджак, невозможно голубые джинсы, модные бежевые «корочки» на ногах, рубашка с попугаями – и сам он был похож на попугая, вертлявый, говорливый, с крепким, похожим на клюв, носом, такой типичный жизнелюб, которому жизнь отвечает взаимностью. Он казался бы веселым, если бы не был тогда явно напуган.

– Вы что-то говорили про ограбление? – напомнил я.

– Разбой, – уточнил Адамов. – Ну да. Надо, пожалуй, рассказать немного про тогдашнюю ситуацию, просто для понимания дальнейших событий. Знаете, кто в начале восьмидесятых фактически возглавлял кампанию по борьбе с коррупцией и хищениями?

– ОБХСС?

– Комитет государственной безопасности. Потому что для государства казнокрады, взяточники и спекулянты страшнее ядерных бомб. И не тем, что кто-то выведет из экономического оборота несколько миллионов рублей, нет, а тем, что уничтожают идею социальной справедливости и порождают гибельное для советского строя расслоение общества, классовое неравенство и элитаризм, причем в самых уродливых формах. Нет ничего опаснее для любой идеологии, чем ложь, лицемерие и двойные стандарты, а к первой половине восьмидесятых они стали нормой общественной жизни, когда содержание подменялось выхолощенными ритуалами. Вас ведь принимали в пионеры?

– Разумеется, – ответил я. – В четвертом классе, одним из первых, как отличника. В музее Ленина это было, очень хорошо помню.

– А остальных? Ну, тех, кто не отличники? – полюбопытствовал Адамов.

– Их позже, недели на две. В школе, не так торжественно.

– Но всех ведь приняли, да? Потому что он уже ничего не значил, этот пионерский галстук. Так, часть школьной формы. Каким ребятам должен быть примером юный пионер, если пионеры – все? Мелочь, кажется, но ведь так было во всем, что касается ключевой идеологии: одна оболочка без сути и содержания, правила игры, которые принимает молчаливое большинство, совершенно их не разделяя и не понимая даже. Система гнила изнутри и походила на прикрытую выцветшим пафосным транспарантом руину, в обветшавших залах и коридорах которой шныряют разжиревшие крысы, толкуются по углам жулики и спекулянты, граждане попроще свинчивают уцелевшие унитазаы и тащат их по малогабаритным квартирам, а дочь первого лица государства барыжит бриллиантами в компании альфонсов и проходимцев.

Попытка КГБ переломить ситуацию почти удалась. Состоялись десятки, если не сотни громких дел, в том числе в отношении представителей высшего партийного, государственного и милицейского руководства, не говоря уже о торговой мафии, которую не щадили вовсе. За хищение государственного имущества в особо крупных размерах расстрел предусматривался статьей уголовного кодекса, но всегда оставался вопрос применения высшей меры, а тогда обществу нужно было послать недвусмысленный и однозначный сигнал – и он прозвучал. В ноябре 1983-го за воровство приговорили к смертной казни директора универмага «Елисеевский», а в августе того же года расстреляли БERTУ Бородкину, руководителя треста общепита в Геленджике, которую не спасли ни высокие связи, ни покровительство на уровне руководства страны. Это был единственный случай в послевоенное время, когда женщине вынесли смертный приговор не за массовые убийства во время войны, как печально известной Антонине Макаровой, и не за серийные отравления, как душегубке Иванютиной, а именно за хищения.

Люмпены преступного мира, как водится, интерпретировали этот сигнал по-своему и с азартом присоединились к борьбе с расхитителями социалистической собственности. Идея отъема излишков у зажиточных сограждан, мягко говоря, не нова, но в восьмидесятые нападения на квартиры и дачи людей состоятельных участились, порой принимая формы дикие, жестокие, а иногда и бессмысленные. В том же 1983-м, например, я поучаствовал в раскрытии серии разбойных нападений, совершенных бандой Короленкова – шесть эпизодов и девять убийств, причем в одном случае не пожалели и семилетнего ребенка. Налетчики врывались в квартиры, стреляли и резали всех, кто был в доме. Брали все, что казалось им ценным: магнитофоны, шубы, хрустальные вазы, украшения, мелочь

всякую вроде солнечных очков, ручек, отрезков ткани и сувенирных брелоков, даже книги один раз утащили, несколько томов «Библиотеки приключений». Квартиры выбирали случайно: или следили от гаражей за владельцами хороших машин, или скажет кто-нибудь, что знакомый купил новый цветной телевизор, а один раз просто с улицы увидели через окно дорогую хрустальную люстру – всё, готово, основание для налета.

Но те, кто 2 августа ограбил Борю Рубинчика, к насилью не прибегали и имели свой особенный стиль и историю, длиной более чем в полгода.

23 февраля, вечером, в дверь старшего товароведа «Ленкомиссионторга» товарища Семенцова настойчиво позвонили. Семенцов жил один, недавно приобрел себе однокомнатную квартиру в кооперативном доме в Купчино; в «глазок» увидел мужчину, который стоял как-то боком и вполоборота, так что лица разглядеть не удалось, а в ответ на вопрос «Кто там?» ответил: «Сосед снизу, вы нас заливаете!». Этот один из самых универсальных паролей сработал особенно эффективно в новом доме, где текло все и отовсюду, а соседей никто толком не знал. Когда Семенцов открыл, в квартиру уверенным шагом вошли двое в низко надвинутых вязаных шапках, темных очках и шарфах, повязанных так, чтобы закрывать нижнюю половину лица. Третий вошел чуть позже, видимо, ему было нужно несколько секунд, чтобы тоже нацепить очки и шарф. Вошедшие вежливо, но твердо предложили хозяину передать им деньги. Когда Семенцов, стараясь не растерять остатки присутствия духа, попытался отделаться вынутой из кошелька десяткой, ему продемонстрировали пистолет («такой, немецкий, как в фильмах про войну») и порекомендовали не упорствовать, с некоторым сожалением пообещав в противном случае применить насилие. Рекомендация сработала, и Семенцов выдал незванным гостям из заначки, по его словам, триста рублей, хотя очевидно было, что сумму он решительно занижает. По оценке коллег из ОБХСС, у которых Семенцов уже некоторое время был «на карандаше», налетчики взяли не менее десяти тысяч. Такие деньги, особенно полученные предосудительным путем, хранились обычно только дома, потому как в «Сберкассе» их происхождение объяснить было бы затруднительно. Ни ювелирные изделия, ни магнитофон Sharp, ни кинокамера, ни пыжиковая шапка с болгарской дубленкой разбойников не заинтересовали. Они забрали деньги, вежливо поблагодарили, простились, после чего изъяли у хозяина оба комплекта ключей и удалились, заперев входную дверь. Злосчастному Семенцову потребовалось около получаса, чтобы привлечь внимание соседей неистовым стуком по батарее, ибо телефона в новом доме еще не было.

Заявление приняли, дело попало ко мне. Была сформирована оперативная группа из сотрудников моего отдела и шестого, по борьбе с бандитизмом. Проведенные мероприятия результатов не дали: лица мнимого соседа Семенцов не разглядел, особых примет сообщить не мог – ну, был один из разбойников выше и крупнее других, ну, другой, который явно был главным, стоял, прислонившись к стенке и вальяжно засунув руки в карманы; на головах – шапки «петушок», на лицах – темные очки и шарфы, на руках – перчатки, вот и все. Свидетели видели вроде бы, как в интересующее следствие время от дома отъезжал автомобиль «жигули», то ли первой, то ли одиннадцатой модели, и, кажется, красного цвета, но этот след привел только к угнанной тем же утром машине, которую обнаружили брошенной во дворах у метро «Купчинская». Оставалось ждать, потому что очевидно было, что этот рейд у налетчиков не последний, а может быть, и не первый.

И точно. Через два месяца, 22 апреля, в воскресенье, эта же группа наведальась в гости к начальнику треста общественного питания Калининского района Леонову. В квартиру на Светлановском проспекте они зашли, когда жена ответственного работника повезла дочку на занятия в секцию фигурного катания. На этот раз в ответ на резонное «Кто?» из-за двери грозно рявкнули «Милиция!» – еще одно заклинание, в то время почти гарантированно открывающее все запоры. Дальше все шло по той же схеме: требование наличных денег, демонстрация «парабеллума», изъятие записки, сумму которой Леонов, после некоторых колебаний, оценил в пятьсот рублей, а наши консультанты из ОБХСС, с интересом наблюдавшие за злоключениями своих подопечных, в несколько десятков тысяч – и спокойный отход. Та же безупречная вежливость: «пожалуйста», «будьте добры», «мы будем вынуждены» и все такое. Тот же образ действия: двое заходят первыми, третий, судя по всему главный, стоит у стенки, засунув руки в карманы, и ведет переговоры. Единственное отличие – перерезанные провода у двух телефонных аппаратов и то, что Леонову не пришлось колотить по батареям: двери открыла жена, вернувшаяся домой через час. Ну и шарфы сменились косынками, повязанными на манер ковбоев с Дикого Запада. В деле, правда, появился четвертый: несколько случайных свидетелей заметили, как группа молодых людей садилась в машину, где их ждал водитель. Это знание тоже не стало находкой для следствия, как и марка, цвет и даже номер автомобиля, который угнали за несколько часов до налета. Преступная группа получила оперативное название «Вежливые люди», и их образ действия, послуживший причиной для выбора такого наименования, был пока единственной особой приметой.

Обычно чем длиннее серия, тем легче найти преступника. Это жестокое правило, особенно жестокое, когда речь идет о серийных убийцах или насильниках, но оно работает. Чем больше эпизодов – тем больше информации для сыска и тем больше шансов на ошибку злодеев. Но в этом случае объем информации прибывал с трудом, а вот новый эпизод не заставил себя ждать.

На этот раз заявление от потерпевшего не поступало, а саму жертву разбоя пришлось везти в управление чуть ли не под конвоем.

От моего приятеля из спецотдела Кости Золотухина, тесно общавшегося со специфическим контингентом, пришла информация об ограблении широко известного в узких кругах валютчика Саши по прозвищу Нос, промышлявшего у «Альбатроса»^[5]. Сам Саша в милицию не спешил, но у Кости нашлись для него аргументы, и показания мы получили. История вышла занимательной.

Саша Нос жил на Охте, в очень скромной квартире, в хрущевке, с мамой-инвалидом. Свою состоятельность не демонстрировал, в ресторанах гулять на широкую ногу привычки не завел, передвигался на общественном транспорте и имел единственную слабость – дорогая одежда, хорошие пальто и костюмы, пошитые по индивидуальному заказу. 19 мая, в субботу, он возвращался домой как раз из ателье, где с него сняли мерку для новой пиджачной пары.

– Задумался, – объяснял он. – Погода хорошая, листочки распускаются, птички поют, настроение приподнятое. Вот и не обратил внимания.

А не обратил внимания Саша Нос на то, что в парадную за ним кто-то зашел – да и то сказать, мало ли, может, соседи. Не тревожным он шел. Поэтому полной неожиданностью стало, когда две пары сильных рук прижали его к стене рядом с дверью квартиры, а тихий, но твердый голос произнес негромко: «Александр, откройте, пожалуйста, дверь. И ведите себя благоразумно». Саша только выдавил в ответ, что дома больная мама, на что после некоторого замешательства ему ответили в том смысле, что маме ничего не грозит. И не обманули. Нос открыл дверь, и все вместе вошли в тесную полутемную прихожую. Из маминой комнаты доносился звук телевизора. Показывали «Очевидное – невероятное». «Мама, я с друзьями!» – крикнул Саша, стараясь, чтобы голос не особо дрожал, и под аккомпанемент маминого голоса, призывавшего к угощению и гостеприимству, быстро и без дополнительной мотивации в виде «парабеллума» отправился за деньгами. Сумму похищенного Саша Нос цинично обозначил в пятьдесят рублей, так что об истинном размере

добычи можно было только догадываться.

История эта стала не очень хорошей новостью: она означала, что «вежливые люди» переключились на откровенно преступную публику. Во-первых, это снижало почти до нуля вероятность получения заявления от потерпевших; а во-вторых, учитывая особенность контингента, разбойникам почти наверняка рано или поздно должны оказать сопротивление, и тогда «парабеллум», как чеховское ружье, непременно выстрелит и в деле появятся трупы. Так оно в итоге и вышло.

Собственно, только благодаря этому выстрелу мы и узнали об очередном налете. На сообщение об огнестрельном ранении вызвали «Скорую помощь», врачи моментально передали информацию районным оперативникам, а те, оценив обстоятельства и ситуацию, сообщили в Главк.

На этот раз налетчики наведались в катран^[6] на Желябова, который держал некий Алик, человек известный и уважаемый, с лысой, как бильярдный шар, головой, пышными усами и пальцами, на которых золотые перстни перемежались с татуированными печатками, являвшими впечатляющий конспект долгой и пестрой преступной карьеры.

Случилось это тихим летним утром 22 июня, ровно в четыре часа. Судя по всему, «вежливые люди» следили за парадной, дождались конца игры в буру^[7], потом поднялись на пятый этаж и позвонили в дверь. Трудно сказать, какое волшебное слово было припасено у них на этот раз, потому что сам Алик считал свой гешефт, сидя за заваленным наличностью круглым столом под абажуром, а открывать пошла его женщина Лора, которая после бессонной ночи и изрядной дозы кокаина проявила беспечность и просто отворила дверь, не спросив. Разбойники забежали внутрь, но дальше дело пошло не так гладко. На квартире оставался один из игроков, Юра Седой, сам лютей налетчик из Новосибирска, находящийся во всесоюзном розыске. Он изрядно проигрался в ту ночь и запивал горечь поражения коньяком, коротая время за разговорами о превратностях блатной удачи, этой коварной ветреницы, которая, только что изменив ему, решила не останавливаться на достигнутом. Когда в комнату, бесцеремонно втолкнув внутрь опешившую Лору, ворвались «вежливые люди», жизненный опыт и крутой нрав не дали Седому безропотно сделать из себя потерпевшего, и в дело пошел увесистый венский стул, каковым Юра и запустил в стоявшего, по обыкновению, в стороне лидера группы. Позже Алик давал показания о происшествии со вкусом и даже весело, как будто рассказывал свежий одесский анекдот:

– Вы Юру видели? Это же зверюга размером с рояль, белый медведь и

снежный человек в одном лице! Он его стулом – а тот даже рук из карманов не вынул, только чуть отклонился так, быстро, как кобра. Стул летит в горку, стекла – вдребезги, полки – вдребезги, антиквариат, хрусталь – вообще все вдребезги! Один крикнул, как предупредил: «Замок!», и тут второй бах – и выстрелил, точно в бедро. Кровь фонтаном! Юра упал, рычит, Лорка – в обморок, халат распахнулся, лежит, в чем мать родила, порохом завоняло, а я сижу за столом, смотрю на все это и только думаю: кого они теперь первым кончат, меня, Юру или Лорку?

Но дальше произошло удивительное. Один из налетчиков мгновенно присел рядом со стремительно бледневшим Юрой, ловко распорол складным ножом брюки, и наложил жгут на пробитую бедренную артерию так быстро и сноровисто, что Седой даже сознание потерять не успел. Конечно, в сложившейся ситуации никто дальнейших переговоров не вел и заначки открывать не просил: разбойники просто сгребли со стола все, что там было – по некоторым оценкам, могло быть тысяч сто, а то и побольше – подобрали с пола стреляную гильзу и скрылись в утреннем тумане на угнанном той же ночью «ушастом» «Запорожце» вызывающе лимонного цвета.

Прозвучавшая кличка Замок вначале вызвала у сыска прилив оптимизма, впрочем, очень скоро угасшего. При всей простоте, она встречалась нечасто, и в принципе, если поразмыслить, была какой-то нелепой: ну что за Замок такой? Проведенный поиск дал всего двух фигурантов с такой «погремухой»: один шнифер^[8] старой закалки, отбывающий шестой срок в омской колонии, и некто Замоскворецкий, мелкий мошенник, убитый в прошлом году в пьяной драке в Мытищах. И все.

Иногда на детективные романы и фильмы сетуют из-за того, что там процедуры следствия показаны очень упрощенно. Я тоже порой ворчу, по-стариковски, но понимаю, что если показывать все, как оно есть, то получится сериал из сотни, а то и тысячи серий, который никто не будет смотреть. Встречали когда-нибудь в криминальных новостях такие сообщения: «Подсудимый начал знакомиться с делом, составляющим сорок томов»? Сорок томов! И это еще не выдающийся объем. Все материалы осмотра мест происшествия, экспертизы, протоколы допросов – как вы думаете, сколько свидетелей было опрошено по делу «вежливых людей» на начало августа? Почти четыре тысячи. Жильцы окрестных домов, дворники, прогуливающиеся во дворах собачники, домоседы-пенсионеры, сторожа гаражных кооперативов, откуда были угнаны автомобили, владельцы этих автомобилей, осведомители, осужденные, отбывающие

срок по аналогичным преступлениям. Добавьте к этому отработку друзей и знакомых по записным книжкам потерпевших, поиск возможных наводчиков: метрдотели, спекулянты, ювелиры, портные, таксисты – в Ленинграде было не так много способов потратить шальные деньги, – и объем пересекающихся контактов тех, кто мог поставлять информацию, составлял сотни и сотни имен. Я это говорю затем, чтобы вы поняли – работали мы всерьез, на совесть, потому как «вежливые люди» были бандой, причем прекрасно организованной, вооруженной, а значит, опасной: в другой раз выстрел из «парабеллума» мог стать для кого-то смертельным. Мы ждали и боялись такого исхода. Нам не хотелось, чтобы они превратились в убийц.

Что ни говори, а очень сложно отделять в нашем деле личное от профессионального. Когда ловили шайку разбойников и убийц Короленкова, все причастные к делу работали без выходных, а после того, как на пятом налете бандиты вырезали целую семью вместе с семилетней девочкой, так и спать перестали. Мы знали, что ищем, простите уж за громкое слово, опасных зверей, и когда самого Короленкова застрелили при задержании – восемь пуль, одно посмертное ранение в ногу, – никому из начальства и в голову не пришло устраивать проверки с пристрастием. Если бы при налетах «вежливых людей» пролилась кровь, то ни о каком моем отпуске и путевках и речи бы идти не могло. Но пока эти ребята вызывали невольное уважение. У них был свой шарм, стиль, как у благородных разбойников: вот эта подчеркнутая корректность, четкость исполнения, стремление избежать насилия, отсутствие глупой жадности, которая вынуждает обычных грабителей хватать все, что кажется ценным, – а потом попадаться на продаже. Случай на катране у Алика и вовсе был из ряда вон: стреляли не на поражение, оказали первую помощь, а потом сами еще и медиков вызвали из телефона-автомата, хотя очевидно было, что это не в их интересах – Юра Седой лучше дал бы себе ногу отрезать или вовсе помереть согласился, чем, находясь в розыске, обратился с такой раной к врачам, и о налете, скорее всего, никто не узнал бы, причем о налете, который дал следствию пистолетную пулю, невольно произнесенную кличку и новые штрихи к портрету подозреваемых. И еще – вы обратили внимание на даты?

– День Советской армии, день рождения Ленина, начало Великой Отечественной... только вот что такое 19 мая, не помню.

Адамов одобрительно покивал.

– Ясно, что учились в советское время, только кое-что подзабыли. День рождения пионерской организации, вот что. И в этом выборе дат нам

виделось какое-то послание, некая робингудская революционная идея, которая не могла не импонировать. Служба в милиции – работа тяжелая и грубая, пролетарская, можно сказать, в самом лучшем смысле этого слова. Что-то между войной и уборкой мусора. Мизантропические эстеты со скрипками и яйцеголовые умники с холеными нафабранными усами тут не приживутся. Нужна уличная закалка, умение бить и держать удар, привычка драться со шпаной – и чтобы шпана, увидев тебя по другую сторону стола для допросов, это чувствовала и понимала. Я был оперативником уголовного розыска, рабочим классом службы правопорядка, а рабочему классу сложно питать сочувствие к публике, у которой рыльце не то что в пушку, а в щетине по самые брови, а еще трудно убеждать себя, за сто пятьдесят рублей в месяц разгребая человеческие нечистоты, что закон должен защищать спекулянтов и вороватых товароведов, к которым сбегают невесты.

Адамов замолчал, отвернулся и стал смотреть в окно. Зазубренные черные силуэты огромных елей стремительно проносились мимо окна, как тени воспоминаний.

– Вы про Рубинчика начинали рассказывать, – напомнил я.

– Ах, да. Боря. Человек пестрой судьбы. Из семьи ученых, квартира в «академическом» доме осталась еще от деда, который участвовал в разработке не то первых атомных станций, не то космических кораблей. Окончил факультет журналистики, отслужил срочную в войсках связи, а потом понеслось: был корреспондентом молодежной газеты, ездил на Целину, трудился в геологической партии на Крайнем Севере, пару лет зачем-то работал лаборантом в Пулковской обсерватории, пока не нашел себя в нелегальном бизнесе. Начинал, как фарцовщик, а к тридцати восьми годам стал персонажем почти краеведческим: имел две подпольных пошивочных мастерских, где в три смены строчили, кроме прочего, фальшивые Lee, Levis и Montana, и налаженные каналы поставки из-за границы оригинальных вещей этих и многих других марок, а также элитного алкоголя, порнографических журналов, видеокассет с боевиками и фильмами ужасов, ментоловых сигарет – в общем, всего, чем империалистический Запад коварно прельщал уставших от вынужденной аскезы советских людей. И оперативники шестого отдела уголовного розыска, и сотрудники второго главного управления КГБ разрабатывали Борюсика не первый год, но его системы поставок и сбыта были отлично организованы, исполнители при задержании упорно отмалчивались, и оснований для ареста не находилось.

«Вежливые люди» навестили Рубинчика в четверг, 2 августа, ранним

утром, когда Боря еще не очухался ото сна: он был полуночником и обыкновенно спал допоздна. «Глазка» на дверях в старом доме не имелось – когда его строили, они были попросту не нужны. Суровый мужской голос представился новым начальством из жилконторы, где Боря, как водилось в то время у людей подобного рода, был оформлен дворником на полставки, чтобы не подставляться под уголовную статью о тунеядстве. Дверная цепочка, которую Рубинчик все-таки накинул осторожности ради, не выдержала мощного удара плечом и была вырвана из деревянной притолоки вместе с креплениями и шурупами. Сначала все шло по обычному сценарию: «парабеллум», тактичное изъятие денежных средств, обрезание телефонного провода, и Боря уже готовился распрощаться с непрошеными гостями, как один из них заметил картину, висевшую над кроватью в спальне.

– «Беломорская гавань» Коровина, – пояснил позже Рубинчик. – Оригинал, от деда осталась.

Это был первый случай, когда налетчиков заинтересовало что-то еще, кроме денег. Как всякое исключение, он заслуживал особого внимания, и как любой сбой в отлаженной системе, привел к драматическим последствиям.

Один из разбойников, тот, что с «парабеллумом», увидел картину через неплотно притворенную дверь спальни – и, судя по всему, смог оценить увиденное с первого взгляда. Характерно, что массивная икона Казанской Богоматери в тяжелом темном киоте никакого внимания грабителей на себя не обратила; потом, уже задним числом, когда следственная группа с экспертами работала на месте происшествия, выяснилось, что икона эта, пусть и вековой давности, серьезной художественной ценности не представляет, в отличие от коровинского оригинала. Очевидно, что стрелок с «парабеллумом» не чужд был искусствоведческой науке, а потому, едва взглянув издали на «Беломорскую гавань», молча толкнул дверь, вошел, без церемоний влез ботинками на разобранную постель, еще хранившую уютное тепло мирно спавшего Бори, и потянулся к картине.

– Нет, – коротко сказал лидер группы, по обычаю, стоявший у двери, засунув руки в карманы.

Но в этот раз абсолютная дисциплина и слаженность действий дали трещину: стрелок молча стащил-таки со стены картину. Замок сделал шаг вперед, и кто знает, чем бы кончилась эта мизансцена, если бы за картиной не обнаружился сейф.

Конечно, о банде, которая грабит нечистых на руку «белых воротничков» и подпольных дельцов, знали не только сотрудники милиции.

Известно было, что они не применяют физического насилия и берут только то, что жертвы отдадут добровольно; я лично уверен, что Саша Нос, при всей своей любви к маме, точно не выдал последнего, да и перепуганные Семенцов и Леонов, пусть и не обладавшие уголовной закалкой, тоже могли не раскрыть всех заначек. Предусмотрительный Боря, как и многие другие его коллеги, отложил в сторонку некую сумму, достаточную для того, чтобы откупиться при случае, так что обнаружение сейфа стало неприятным сюрпризом.

– Борис Леонидович, откройте, пожалуйста, – вежливо попросили его.

Но Борюсик уперся.

– Сейф старый, пустой, ключ потерял, шифра не помню.

Возникло секундное замешательство, а потом Боря получил страшный удар под дых. Было ли этого достаточно, или налетчики привели ему еще несколько убедительных аргументов – неизвестно, но сейф Рубинчик в итоге открыл. Когда человека бьют, очень быстро обнажается его внутренняя сущность и проявляется, кто он на самом деле есть, а Боря был не идейным блатным и не засиженным уголовником, а мальчиком из интеллигентной семьи и ловким барыгой. Так что в итоге сейф открылся и его содержимое покинуло «академический» дом вместе с пейзажем Коровина, бережно завернутым в газету и перевязанным бумажной веревкой.

Я тогда решил, что именно обидная потеря семейной реликвии заставила Рубинчика обратиться в милицию с заявлением, что в его положении было поступком по меньшей мере парадоксальным. И его слишком заметное волнение тоже списал на стресс от пропажи картины. Боря аккуратно вписал «Беломорскую гавань» в очень короткий перечень похищенного, обозначил сумму денежных средств в тысячу рублей, проигнорировав шутки о том, сколько же нужно работать дворником на полставки, чтобы скопить такую сумму; был слишком оживлен, слишком много вертелся на стуле, пытался хохмить, угощал всех клубничной жвачкой «Адамс», запах которой неделю потом не выветривался из отдела, – но видно было, что он весь на нервах.

Я не знал тогда, что Рубинчик не просто волновался, а напуган был до смерти.

Глава 2. Иррациональное множество

На работе меня ожидал сюрприз. Я едва успел скинуть пиджак, усесться за стол и опустить кипятильник в стакан, как зазвонил телефон.

– Товарищ капитан, к полковнику Макарову, срочно.

Я вздохнул, выключил кипятильник и отправился в кабинет к руководству, прикидывая в уме, что рассказать о своей последней встрече с Борей Рубинчиком.

Иван Юрьевич Макаров сидел за столом с выражением лица человека, который знает, что виноват, но еще не до конца понял, в чем. Свои полковничьи погоны он заслужил честно, дело знал, но годы нервной начальственной службы, в которой соблюдение правил игры, постоянно меняющихся от года к году, порой было важнее реальных результатов работы, и прошедшие в последнее время масштабные чистки личного состава, во время которых половина, а то и больше, его товарищей и коллег были уволены без сохранения выслуги лет, наложили на него свою скорбную печать. Самому Макарову до ухода на пенсию оставалось два года, и он хотел просто спокойно отбыть их, без потрясений и стрессов, чтобы отправиться на заслуженный отдых, к тихим радостям рыболовства, кроссвордов и домино. Сейчас под линией чуть тронутых сединой поредевших волос у него выступили капельки пота, шея над форменным галстуком побагровела, и выглядел он хуже и старше, чем Генеральный секретарь на изрядно отретушированном портрете в золоченой рамке, висящем у Макарова над столом. Еще две такие же рамки высывались из угла за книжным шкафом.

– Здравия желаю, товарищ полковник! Вызывали? – бодро поприветствовал я.

– Проходи, Виктор Геннадьевич. Вот, товарищ Жвалов из Комитета госбезопасности. Хочет с тобой переговорить.

Формально в визите товарища Жвалова ничего необычного не было, но приятной беседы ожидать не приходилось. После окончательной и разгромной победы, одержанной в поистине эпической схватке двух сверхгигантов, КГБ и МВД, сотрудники госбезопасности курировали почти все более или менее значимые милицейские дела, не утруждая себя лишними церемониями и процедурами, усвоив священное право победителей приказывать, вязать и решить. Мы понимали, что в конечном счете делаем общее дело, но чувствовали себя то крестьянской пехотой при

конных рыцарях в недосыгаемо сверкающих латах – это если повезло с куратором из Комитета, а то и вовсе жителями оккупированной территории, живущими в ожидании распоряжения идти за околицу и начинать копать ров. Дело «вежливых людей», несомненно, было значимым: в потерпевших фигурировали расхитители, валютчики и спекулянты, бандиты намекали на что-то, выбирая для нападений дни и даты государственной важности; но самым неприятным была крепнущая уверенность в том, что к действиям преступной группы причастны сотрудники милиции, а то и вовсе, банда из них и состоит. Случай на катране у Алика показал, что налетчики не просто умеют, но и привыкли обращаться с оружием, причем специфическим образом: выстрелить именно в ногу в критической ситуации куда сложнее, чем жახнуть на поражение в грудь или живот. Добавить к этому умело оказанную первую помощь, прекрасную организацию и дисциплину, отличную информированность об уголовных элементах, понимание психологии жертв и тех, кто ведет расследование – и выводы напрашиваются едва ли не однозначные. Это создавало некоторую напряженность как между отделами, так и в отношениях с куратором из Комитета, хотя своему я бы свечки ставил в церкви за здоровье и молился еще, будь я верующим. Звали его Пегов, в дело он не лез, внезапными появлениями не пугал, спокойно принимал от меня рапорт раз в неделю, вежливо благодарил и исчезал до следующей среды. Золото, а не человек. И вот, пожалуйста, Жвалов какой-то.

Он сидел за столом для совещаний спиной к двум большим окнам, и утреннее солнце, пробивающееся сквозь дымные облака, окружало его туманным светящимся ореолом. Средних лет, стрижка под бокс, мохнатые брови, мощные челюсти и подбородок настолько суровый, что им можно было бы колоть кирпичи. Несмотря на жару, одет в громоздкий серый двубортный пиджак, ворот рубашки туго схвачен широким узлом галстука. Большие руки с толстыми сильными пальцами сложены перед собой на тонкой кожаной папке.

Я сел напротив. Жвалов насупился и молча смотрел на меня. Может быть, ждал, что я сразу сознаюсь в измене Родине и шпионаже.

– Товарищ Жвалов, это капитан Адамов, руководитель оперативной группы, работающей по «вежливым людям», – представил меня полковник.

– Не очень много пока наработал, – отрубил Жвалов, мгновенно определив и дальнейший характер общения, и уровень моей заинтересованности в сотрудничестве. – Подполковник Жвалов, первое главное управление Комитета государственной безопасности, управление

«К».

– Чем могу быть полезен контрразведке, товарищ подполковник? – поинтересовался я.

– Полезен – это слишком громкое слово в данном случае.

Он дал мне пару секунд, чтобы осознать сказанное и продолжил.

– По делу о смерти Рубинчика будешь докладывать мне лично. Все материалы от второго отдела, протоколы, экспертизы я уже запросил. Все, что будет появляться нового – вот сюда, – он постучал толстым пальцем по папке. – В случае появления любой информации – звонить немедленно.

– Насколько мне известно, – осторожно возразил я, – никакого дела о смерти еще нет. Причина не установлена. Да и потом, для меня Рубинчик потерпевший в эпизоде разбойного нападения, так что...

– Не умничай, капитан, – перебил Жвалов. – Тебе не к лицу. Еще раз: незамедлительно докладывать обо всем, что ты или твои друзья нароете в отношении этого спекулянта, неважно, по факту смерти или в рамках расследования разбоя. Ясно тебе?

– Предположим, это понятно...

– Приятно удивлен.

– Предположим, это понятно, – невозмутимо продолжил я. – Означает ли это, что я больше не должен рапортовать о ходе расследования майору Пегову?

– Адамов, не прикидывайся дурнее, чем есть! – повысил голос Жвалов. – Пегову – пегово, полковнику, – он кивнул на Макарова, – то, в чем ты перед ним должен отчитываться. Меня интересует только Рубинчик и все, что с ним связано. Доступно изложил?

Я посмотрел на Ивана Юрьевича. Тот кивнул и с тоской посмотрел в угол, откуда высывались кромки портретов почивших генсеков.

– Так точно, предельно доступно.

– Вот и молодец. Может, в майоры выйдешь. К пенсии.

Жвалов встал, проигнорировал протянутую было руку приподнявшегося со стула Макарова и зашагал к дверям.

– Да, – он обернулся. – И побрейся, Адамов. А то выглядишь, как...

Метафора не находилась, поэтому Жвалов только обвел свирепым взором кабинет, рыкнул что-то и вышел.

– Это оперативноекрытие! – крикнул я ему вслед, но дверь уже с треском захлопнулась.

Я подождал, пока уляжется пыль, и вопросительно посмотрел на Макарова. Полковник закричал, ослабил узел галстука и страдальчески посмотрел на меня.

– Ну что, Витя?

– Позволю себе любопытствовать, товарищ полковник, что это было?

– Витя, все же сказано тебе. Отчитываться лично по Рубинчику. Вот, перепиши телефон, он оставил.

– А почему не через вас?

Макаров поморщился.

– Сказал, что, пока мы тут в уголовном розыске будем друг другу информацию передавать, время уйдет. Куда оно уйдет и зачем – не объяснил. И в чем интерес к Борюсику, земля ему пухом, тоже не рассказал. Это же контрразведка, Витя. Одни секреты, которые лучше и не знать, а то оглянуться не успеешь – а уже на Литейном сидишь и показания даешь. Признательные. К тому же, ты знаешь, какая сейчас у них обстановка.

Обстановку я знал.

Пять дней назад, 8 августа 1984 года, по запросу КГБ СССР был внезапно и практически полностью закрыт выезд из страны «всем категориям граждан, отбывающим в экскурсионные поездки, на отдых, обучение и по иным нуждам за рубеж, кроме дипломатических работников от 2 класса и выше, а также лиц, чья служебная деятельность связана с обеспечением безопасности или экономических интересов Советского Союза». И так не особо бурный ручеек граждан, отправляющихся за границу, иссяк почти полностью; «Интурист» принимал обратно путевки, театры и творческие коллективы отменяли гастроли, научные работники с сожалением оповещали иностранных коллег о своем отсутствии на конференциях и симпозиумах. В официальном сообщении в газетах, по радио и телевидению это объяснялось необходимостью особых мер для обеспечения безопасности проведения игр «Дружба-84» в ситуации беспрецедентной международной напряженности – то есть не объяснялось никак, что очередной раз дало гражданам возможность поупражняться в домыслах, выдаваемых друг другу за истину («приятель работает в Комитете, так вот он сказал...») и еще пристальнее вслушиваться в ночной шепот вражеских голосов, которые, впрочем, на эту тему помалкивали, добавляя интриги.

Утром 9 августа весь личный состав сотрудников уголовного розыска в должности от заместителя начальника отдела и выше собрали в актовом зале; как стало известно, такие же мероприятия прошли во всех структурных подразделениях МВД по всей стране. На трибуну поднялся человек непримечательной внешности, означенный как «представитель Комитета государственной безопасности», который отчасти прояснил

ситуацию. До всех присутствующих – а через них и до отсутствующих – сотрудников была доведена особой важности ориентировка на поиск и немедленное задержание двух человек. Пара была примечательной: Ильинский Савва Гаврилович, 1949 года рождения, старший научный сотрудник НИИ связи ВМФ СССР, рост 178 сантиметров, среднего телосложения, волосы русые, глаза серые, может носить бороду, без особых примет, и все прочее, как обычно. На листке с синим уголком – так помечались запросы по линии госбезопасности – было две вполне пристойного качества фотографии: чуть вытянутое лицо, тонкий нос, высокий лоб, отрешенный взгляд, только на одной искомый научный сотрудник был гладко выбрит, а на другой – с длинными волосами и бородой, что делало его похожим не то на обитателя «Сайгона», не то на готовящегося к рукоположению семинариста. Зато второе описание было крайне скупым: женщина, на вид 18–22 лет, рост примерно 160–165 сантиметров, худощавого телосложения, волосы светло-рыжие, глаза голубые, без особых примет. И довольно сомнительного качества фоторобот, узнать по которому реального человека было бы затруднительно.

Листовки с синим уголком в потребных количествах были направлены во все линейные отделы милиции, а вечером того же дня их черно-белые копии висели на каждом газетном стенде в городе, на вокзалах, автобусных станциях и в аэропорту, с лаконичной формулировкой «разыскиваются» без указания причин. Такие же объявления показали по каналу Ленинградского телевидения, а 10 августа их демонстрировали уже по всем трем телевизионным каналам не меньше четырех раз в день.

Основной груз ответственности перед Комитетом принял на себя по ключевому профилю деятельности пятый отдел, который бросил искать пропавших без вести, алиментщиков и устанавливать личности неопознанных трупов, сосредоточив все силы на розыске канувшего куда-то ученого и таинственной рыжей девицы. Прочих подразделений это коснулось в меньшей степени, разве что у постовых и участковых появился благовидный предлог не торопиться с исполнением просьб уголовного розыска, мотивируя это проверкой сигнала по приоритетной ориентировке. Сигналы действительно шли в количестве, достаточном, чтобы на дежурство по городу пришлось ставить усиленные смены операторов. Подозреваю, что большинство звонков поступало от граждан, не уехавших в Прагу или на Золотые пески.

Я заварил чай в стакане и попытался было прикинуть, как может быть связан Рубинчик с управлением контрразведки, и имеет ли к нему

отношение пропавший ученый, и почему в разгромленной комнате остался нетронутый угол, и чего испугался Цезарь, но сказывался ранний подъем, да и Жвалов немного выбил из колеи, поэтому я скоро оставил свои попытки и просто пил чай, глядя в окно на сквер военного госпиталя через дорогу и деревья, понуро встречавшие жаркий день, укутавшись в тяжелые зеленые кроны.

* * *

После обеда ко мне зашел Костя Золотухин и предложил сходить вечером в «Вислу».

– Пропустим по кружечке, посидим, поболтаем. Лады?

Лучшего завершения дня, начавшегося в пять утра с мертвого Бори и продолжившегося знакомством с товарищем Жваловым, и придумать было нельзя.

Я съездил домой, отдал отцу ключи от машины, сменил пропотевшую и пропахшую за день дымом рубашку, побрился и пешком отправился к метро.

«Висла» располагалась в угловом доме на пересечении улицы Дзержинского^[9] с набережной Мойки и в то время считалась одним из самых приличных пивных баров: там был гардероб, столы, за которыми можно сидеть, неплохой выбор закусок, даже официанты, и, как следствие, постоянная табличка на двери «Мест нет», что на практике означало входную плату гардеробщику от рубля до трешки, в зависимости от дня недели и времени суток. Впрочем, для Кости места находились всегда, и не только в «Висле», а и в заведениях посolidнее на всем протяжении Невского проспекта и в его окрестностях. А вот, кстати, и он сам: модная цветная рубашка с длинным воротником, манжеты подвернуты, на руке рубиновым блеском сияют часы Seiko с граненым стеклом и автоматическим подзаводом, фирменные темные очки-«капельки», удлиненные волосы закрывают уши – в общем, выглядел Костя не как сотрудник органов правопорядка, а как один из своих подопечных.

В специальный отдел ГУВД, который занимался раскрытием преступных посягательств на иностранных граждан, а проще – контролировал всю криминальную грядку в окрестностях Невского проспекта, от карманников и фарцовщиков до ломовщиков и кидал – Костя перевелся три года назад. А начинали мы вместе. Он был хороший, толковый оперативник, хотя продвижению по службе мешали серийные

браки: у Кости только официальных их было три, сейчас он жил с женщиной, у которой от двух прошлых мужей осталось то ли трое, то ли четверо детей, но Золотухина это не смущало, потому что, по некоторым признакам, останавливаться на достигнутом он не собирался и возможностей разнообразить личную жизнь не упускал, что согласно существующим правилам игры для советского милиционера и комсомольца было вовсе недопустимо. Три с лишним года назад Костя нарвался на нож: отправился проверить оперативную информацию о местонахождении разбойника, который к тому времени уже совершил три нападения – все на молодых девушек, все сопряжены с ножевыми ранениями, и все – ради грошовой добычи. Личность злодея установили довольно быстро, как и место жительства матери, где тот был прописан. Костя пошел проверить адрес, один, даже местного участкового не позвал – никто и подумать не мог, что тип, изувечивший ради нескольких рублей троих молодых девчонок преспокойно сидит дома у мамы. Он сам и открыл дверь, и пока Костя шел на него в узком полутемном коридоре, произнося обыкновенное «Лейтенант милиции Золотухин, гражданин, предъявите документы», полоснул его финкой по глазам. Костя успел отвернуться, но бритвенно острое лезвие срезало ему верхнюю часть правого уха, а второй удар пришелся в низ живота – классическая комбинация ударов для персонажей, учившихся обращаться с ножом не в спортзале. Каким-то чудом Золотухин сумел оттолкнуть злодея, вытащить пистолет и прострелить тому сначала колено, а потом, для верности, и правое плечо. По итогам этого не совсем эталонного задержания Костя получил благодарность с занесением в личное дело, пятьдесят рублей премии, шрам в почти интимной области, отрезанное ухо и предоставленное согласно поданному рапорту право ношения длинных волос, прикрывающих увечье. Возможно, по этой причине, а может, из других соображений, он почти сразу перевелся в специальный отдел, считавшийся местом привилегированным: публика, продающая интуристам под видом черной икры подкрашенную пшеничную кашу, с ножом на милицию не бросается, а вот договариваться готова. Договариваться Костя умел прекрасно, был сообразительным, и быстро принял правила иной игры, где успех измерялся не звездочками на погонах, а умением маневрировать в той «серой» зоне, которая образовалась между ранее непримиримыми позициями правопорядка и организованной преступности. Я, с одной стороны, его не осуждал: в конце концов, он не насильников отмазывал от суда, а просто поддерживал паритет с теми, кто занимался вещами не более предосудительными, чем многие ответственные товарищи из партийного руководства, – но и не

поддерживал его выбор. Компромисс – хорошая штука в семейной жизни, но с него же начинается гибель империй.

Оформленный на ставку гардеробщика спортсменов на «воротах» Вислы просиял широкой улыбкой:

– Здравствуйте, Константин Константинович!

– Привет, Женя! Что, столик мой свободен?

– А как же!

В «Висле» висел приятный пивной дух, табачный дым и негромкий, сдержанный гул голосов. Ленивые вентиляторы под низким потолком гоняли застоявшийся теплый воздух. Ряды бутылок за стойкой приветливо подмигивали отражением огоньков в полумраке. Мы уселись за стол в самом дальнем и самом темном уголке зала, взяли по паре «Адмиралтейского» с «прицепом» в сто грамм, соленой хлебной соломки и копченой скумбрии. Я бережно сдул пену и с наслаждением сделал несколько длинных глотков холодного горьковатого пива. В голове сразу же прояснилось. Потом мы помянули Борю Рубинчика, закусив скумбрией «прицеп» из «Пшеничной».

– Твои знают уже? – спросил я Костю.

– Конечно, – отозвался он. – Слухами земля полнится.

– Что говорят?

Он вздохнул.

– Ну а что тут сказать? Большинство считает, что Боря сам себя порешил. Не выдержал потрясения.

– А меньшинство?

– Ну, фантазеров всегда хватает. Кто-то говорит, что его те же самые налетчики убили: узнали, что он им не все отдал, и вернулись за тем, что в первый раз не взяли. Ну и замучили до смерти.

– Не выдерживает никакой критики, – заметил я.

– Да знаю я. Но это же слухи. Вот Аркаша Котик, валютчик такой с Рубинштейна, вовсе считает, что Борюсика агенты госбезопасности замочили. И что за ним самим незримо следят с помощью новейших волновых технологий.

Мы посмеялись и выпили еще по одной. Потом, уже под «Мартовское», я рассказал Косте о визите товарища Жвалова.

– Да, интересно, – задумчиво прокомментировал мой приятель. – Какая-то нездоровщина вокруг бедняги Бори творится. Кстати, если уж заговорили... Ты Пекарева знаешь?

– А как же.

Да и кто же его не знал в Ленинграде. Толя Пекарев был тем

человеком, который еще во второй половине 70-х начал, а к моменту описываемых событий уже практически завершил процесс установления контроля над всей некогда слабо организованной вольной тусовкой жуликов Невского проспекта. В далекие и романтические годы хрущевской оттепели фарцовка и прочий связанный с иностранцами сомнительный промысел были чем-то революционно-бунтарским, формой общественного протеста, когда в большей степени важны были не деньги – хотя и деньги, само собой, – а образ жизни, яркий, рискованный, иной, чем у большинства, которое всегда представляется молодым пассионариям унылым и серым. Фарцовщики были стилягами капитализма, у иностранцев выменивали на копеечные сувениры с советской символикой пластинки Beatles и Элвиса Пресли, вились вокруг автобусов «Интуриста», замирая от сладкого страха и прячась от сопровождающих особистов, как шкодливые школьники от строгих учителей, тратили выручку на девочек, рестораны и внешнюю атрибутику того манящего призрака, что называется красивой жизнью. Потом времена изменились, денег стало больше, дела – серьезнее, нравы – круче, и пришло время, когда суровая система неизбежно приходит на смену веселому хаосу. Архитектором этой системы и стал Пекарев. Сам родом откуда-то из Карелии, кажется, из Кыдыжмы, мастер спорта по самбо, бывший чемпион СССР, он собрал вокруг себя тех, в честь кого еще несколько лет назад играл государственный гимн на международных спортивных соревнованиях, и у кого теперь из видов на будущее были только работа тренером в подростковом клубе или должность школьного физрука.

Люди в своем большинстве охотно обменивают свободу на безопасность, стабильность и отсутствие необходимости самостоятельно решать проблемы. Довольно скоро Пекарев контролировал не только «центровых», но и вообще практически всех в городе, чей род деятельности был косвенно или прямо связан с иностранцами и поставками из-за границы. Его уважали, ему платили, на него работали, а он, как мог, поддерживал разнонаправленный хаос противоречивых интересов, амбиций, конфликтов и недоразумений в состоянии большего или меньшего стазиса.

– Само собой, знаю. А что?

– Тут такое дело... в общем, он хочет с тобой пообщаться.

– Вот как?

– Ну да. Мы тут пересекались с ним на днях, он интересовался, кто ведет дело «вежливых людей». Ну, я сказал, что ты человек уверенный, грамотный, с тобой можно иметь дело...

– Спасибо за рекомендацию.

– Да ладно тебе! А сегодня он сам мне позвонил, попросил, чтобы я организовал встречу.

– Зачем?

– Виктор, честно, я без понятия. Как-то связано с Рубинчиком, вот и все. Вроде бы у него есть информация по эпизодам, о которых нам неизвестно, что-то такое.

– Может, тогда мне его повесткой вызвать?

Костя кисло усмехнулся и развел руками.

– Как знаешь. Меня просто просьбу передать попросили – вот я и передал.

Он был моим другом, и я понимал, что по каким-то причинам для него было важно не только передать приглашение, но и выполнить просьбу Пекарева о встрече. Да и разговор с персонажем, прекрасно осведомленным о жизни и быте подледного Ленинграда, мог выйти полезным.

– Ладно. Когда и где?

– Он ждут тебя завтра утром у себя, в кафе «Три звезды», – быстро ответил Костя. – Знаешь, где это?

* * *

В десять утра жара стояла, как в солнечный полдень. Воздух был неподвижным и липким от влажной густой духоты. Сизое небо накрыло город, как плотная ткань, ветры замерли, ни дуновения, ни сквозняка, чтобы разогнать дымный жар, и пожилые деревья в старом парке дышали тяжело и со скрипом, не в силах стряхнуть пыль и копоть с темной зелени перезрелой августовской листвы.

Я вышел из вестибюля метро и словно шагнул в разогретый парник, который заботливый садовод вознамерился окурить дымом от вредителей. По широкому Московскому проспекту гремели трамваи, с тоскливым воем проползали троллейбусы, рейсовый желтый «Икарус», закашлявшись, выдал порцию удушающего угольно-черного выхлопа. Справа раскинулся Парк Победы; слева выстроились монументальные ряды семиэтажных «сталинских» зданий, похожих на ветеранов славной ушедшей эпохи: основательные, спокойные, неторопливые, знающие цену себе и своим достижениям.

Кафе «Три звезды» располагалось в угловой части одного из таких

домов. Название было, что называется, обиходным: фасад над кафе некогда украшали три жестяные четырехконечные звезды, похожие на розу ветров, но ныне от них остались только темные силуэты на стене, как если бы эти звезды вспыхнули, взорвавшись сверхновыми, и навеки запечатлели на желтовато-сером камне свои призрачные тени. Вход с проспекта был закрыт, заколочен, стекла в двойных дверях замазаны белой краской, чтобы никому из случайных прохожих не вздумалось вдруг зайти сюда перекусить.

Заведение «Три звезды» предназначалось исключительно для своих.

Я перешел Московский проспект и обошел дом с торца. По правую руку виднелся монументальный памятник литератору, некогда задавшему вопрос «Что делать?», на который вот уже сто с лишним лет так и не нашлось удовлетворительного ответа.

Простая деревянная дверь без вывески была распахнута настежь. На небольшой заасфальтированной площадке напротив двери стоял отливающий перламутром темно-зеленый «Талбот Тагора». Двое мальчишек лет десяти стояли рядом и, открыв рты, заворожено разглядывали через окно приборную доску. Рядом с открытой дверью в кафе возвышался, привалившись к стене, здоровенный блондин в белой футболке с олимпийской эмблемой. Он лениво сжимал огромной ручищей резиновый кистевой эспандер, жевал жвачку и наблюдал за мальчишками из-под полуприкрытых век. Выглядел блондин как атлант, сбежавший из портика Эрмитажа: верных два метра ростом, футболка натянута на плечах, каждое размером с мою голову, массивные бицепсы и грудь, как две каменные плиты. Я не вызывал у него ровным счетом никакого интереса, пока не направился к двери. Тогда он перевел на меня прищуренный взгляд и сообщил сквозь жвачку:

– Мест нет.

– Ничего, я постою.

Блондин отлепился от стенки и шагнул мне навстречу.

– Мужичок, ты глухой? Я сказал, мест нет, закрыто на спецобслуживание.

Он был на голову выше меня и тяжелее килограммов на тридцать. Я молча достал из нагрудного кармана рубашки удостоверение, раскрыл и сунул ему под нос. Атлант внимательно почитал, покачал головой и сказал:

– Извините, товарищ капитан, но мест все равно нет.

Даже если бы я ничего не знал о том, кто такой Пекарев, уверенности блондинистого охранника хватило бы, чтобы понять масштаб и размах: если паренек на дверях позволяет себе не пускать к хозяину капитана

уголовного розыска, предъявившего служебное удостоверение, это значит, что сам хозяин периодически выпивает в сауне с генералами.

– Меня ждут, – сказал я.

– Кто?

– Дон Корлеоне, – я толкнул его плечом в грудь и протиснулся в дверь, желая в глубине души, чтобы он попытался меня остановить. Но не сбылось.

Внутри был только один небольшой зал, весьма просто обставленный, без излишеств и роскоши: на стенах декоративная колючая штукатурка цвета морской волны, десяток круглых столиков на металлических гнутых ножках, рядом с ними такие же стулья с веселенькими желтыми сидениями, справа короткая барная стойка с не особенно богатым набором бутылок на зеркальных полках. Только вентиляторы здесь, в отличие от ленивых пропеллеров в «Висле», крутились с завидным энтузиазмом, давая хоть какое-то подобие прохлады. За ближайшим столиком сидели два близнеца отважного хранителя входа: короткие стрижки, футболки едва не лопаются на мощных торсах – и смотрели маленький черно-белый телевизор со складной антенной, стоящий на стойке. На экране два обаятельных мультяшных гангстера пели про сладкую жизнь:

Постоянно пьем чинзано,
Постоянно сыто-пьяно,
Держим в банко миллионно
И плеванто на законо...

Пекарев расположился за столиком у окна. Рядом лежала рыжая пачка Camel и стояла миниатюрная чашечка кофе, которая в его руках казалась посудой из кукольного набора. На нем была салатового цвета рубашка с коротким рукавом и крошечной эмблемой в виде зеленого крокодила; русые волосы аккуратно причесаны на пробор, покатые сильные плечи борца и цепкий взгляд бывалого человека. Он увидел меня, улыбнулся и приветственно помахал рукой. Я подошел.

– Привет, – Пекарев поднялся и протянул руку. – Ты Витя?

– Да.

Ладонь у него была сильной и жесткой.

– Толя, – представился он. – Садись. Что-нибудь будешь? Есть кофе отличный, у меня его по-турецки варят, на песке.

Я покачал головой.

– Мне воды и похолоднее.

– А чего-то покрепче?

Я задумался, вспомнил и спросил:

– «Курвуазье» есть?

Пекарев понимающе подмигнул, кивнул и крикнул:

– Паша! Сделай товарищу капитану «Курвуазье». И мне тоже плесни, за компанию.

За стойкой парень с ушами, которые как будто прожевал и выплюнул бультерьер, вынул откуда-то снизу округлую граненую бутылку, сверкнувшую как бриллиант. Через минуту на столике появились два широких бокала с коньяком, два стакана, бутылка «Боржоми» и блюдечко с лимоном, нарезанным мощной, старательной, но неумелой рукой. Я поднял бокал и вдохнул. Вальжный насыщенный аромат закружил голову: пахло солнечными виноградниками, старой кожаной мебелью, гаванской сигарой и искушением.

Мы молча чокнулись, выпили и закусили безжалостно истерзанным лимоном.

– Костя сказал, ты тоже самбист?

– Занимался в молодости. На КМС сдал, мастера не успел получить, ушел в армию.

– Ясно. А за какой клуб боролся?

– За «Динамо».

– А сейчас занимаешься?

– Так, иногда, для себя. Толя, ты же не про спортивные достижения хотел со мной поговорить, верно? Давай ближе к делу.

Пекарев согласно кивнул.

– Верно, давай по делу.

Он покрутил бокал с коньяком, посмотрел в окно, взглянул на меня и сказал:

– Как ты догадываешься, речь пойдет про Борю Рубинчика. Он со мной работал.

Я молча ждал.

– У него из сейфа кое-что пропало.

Я достал сигарету. Пекарев лязгнул крышечкой золоченой бензиновой зажигалки, дал мне прикурить и закурил сам.

– Короче, Боря держал у себя общественные деньги. Не просто держал, а, можно сказать, управлял финансами коллектива: распределял, переводил в облигации, валюту покупал. На момент налета у него скопилась приличная сумма.

– Сколько? – спросил я.

– В долларах триста тысяч, и еще полтора миллиона рублями и облигациями, плюс-минус тысяч десять.

Я предполагал, что у Бори взяли немало, но таких сумм не мог и представить. В одно пекаревское «плюс-минус» укладывалась моя зарплата лет так за пять.

– За эти деньги можно убить десять Борюсиков, – заметил я.

Пекарев энергично замотал головой.

– Нет, это не мои, отвечаю. А никому больше Борю убивать нужды не было. Хотя вопросы у меня по этому делу есть, но другие. Первое – то, что он сам эти деньги отдал. Все же знают, что в городе какие-то казачки нахлобучивают деловых. У Рубинчика специально на такой случай было двадцать тысяч отложено. Ладно, это, предположим, он объяснил: один из этих казаков-разбойников позарился на картину и сейф нашел, ну а Боря – не герой-партизан, да и деньги, даже большие – не полковое знамя, чтобы за него умирать. Объяснение так себе, потому что, насколько я знаю, никогда раньше эти ребята ничего, кроме денег, не брали. Но допустим.

– Кто-то из ваших знал про сейф за картиной?

– Только если Боря сам сдуру кому-нибудь проболтался, что на него не похоже. Где сейф и есть ли он у Рубинчика в квартире даже я не знал. Можно было бы предположить, что он спьяну какой-нибудь бабе про него рассказал, но такого точно не мог сделать тот Боря, которого я знал.

– Опыт показывает, что как раз те, кого мы хорошо знаем, могут удивить сильнее всего. Про первый вопрос я понял, но ведь есть и второй?

– Да, и непростой, я бы сказал. Примерно через неделю после налета дошла информация, что Боря по своим каналам активно интересуется возможностью срочно выехать за границу. Положение сейчас сам знаешь, какое, КГБ закрыл все дыры, даже такие, о которых никто и не вспоминал уже годами. У нас все поставки остановились. Дошло до того, что несколько дней назад ко мне чекист приходил, бровастый такой, с челюстями. Жевалов, кажется. Разговаривал, как со ссученным, приказал, чтобы, если в нашей системе координат появится этот пропавший ученый с девицей, я немедленно ему позвонил. Потом оказалось, что комитетские ко всем приходили, кто имеет какой-то вес в обществе и работает с заграницей. Ну, я согласился, конечно. КГБ ни зла, ни добра не забывает, почему бы и не помочь Родине. И вот представь, что в этой ситуации Рубинчик начинается метаться, будто ему приспичило. В сочетании с очень странно пропавшими миллионами выглядит, мягко говоря, некрасиво. Ну, мы же не звери, допросов с пристрастием устраивать не стали, но

наблюдение я поставил, чтобы, если он вдруг рванет куда-то с чемоданами, успели перехватить. Выделил на такое дело машину и пару бойцов. Дальше – больше. В первую же ночь мой человек, который дежурил у дома Борюсика, заметил неприметную такую «копейку», которая стояла напротив него, по другую сторону входа во двор. И два человека в салоне. Ну, пока мой боец соображал, что по этому поводу предпринять и нужно ли вообще что-то делать, его тоже заметили: из «копейки» вышел какой-то мужик, не спеша подошел, попросил прикурить и так же спокойно удалился. Номер мой наблюдатель переписал. Комитетская машина.

– Почему?

– Потому что я попытался номера через ГАИ проверить – и не вышло, вот почему.

Я еще раз отметил про себя широту возможностей Пекарева и спросил:

– Мне запишешь номерок?

– Да, пожалуйста. Но на вторую ночь уже никто чужой за домом Рубинчика не следил, или просто боец мой не заметил. В ночь смерти Бори он тоже там был, и вроде бы видел, как примерно в половине четвертого утра двое зашли во двор дома, но кто – не разглядел, и даже почему-то не был уверен, что кого-то видел. Кажется, вышли из-под деревьев на противоположной стороне проспекта. Или нет. Но как они выходили обратно, он точно не заметил, а потом поднялась суматоха, милиция подъехала, ну и паренек мой тоже задерживаться не стал. Вот такие дела.

– Это все? – осведомился я.

– Да вроде.

– Тогда спасибо вам, товарищ Пекарев, от лица советской милиции за неоценимую помощь следствию. Я пошел, счастливо оставаться.

Я залпом допил коньяк, что по отношению к такому напитку было почти кощунством, будто наследную принцессу по заднице шлепнул, и поднялся. Пекарев усмехнулся.

– Ладно тебе, капитан, не спеши. Я еще не закончил.

Я снова сел.

– Слушай, Костя Золотухин сказал, что ты человек толковый. Он, кстати, о тебе очень хорошо отзывается и верит, что ты и это дело раскроешь, и «вежливых людей» найдешь. Просьба у меня к тебе: когда будешь точно знать, кто это, шепни мне. Мы их потом тебе отдадим – арестовывай, под суд отдавай, но нам бы деньги вернуть. Понимаешь? За это дело готов заплатить два процента от суммы в рублях. Тридцать тысяч. Извини, дал бы больше, но не могу, деньги не только мои. Согласен?

Хорошая трехкомнатная квартира в новом кооперативном доме стоила тысяч десять-двенадцать. Еще за десять можно было взять новую «Волгу», а «Жигули» последней модели и вовсе за шесть. В воображении ярко вспыхнули образы: триада советского счастья – квартира, машина и дача, Тонечка, рвущая светлые кудри и запоздало проклинающая товароведа, а из красного уголка памяти рыкнул голос с мужественной хрипотцой: «Да ты, Копченый, и впрямь без ума! Чтобы Жеглов твои поганые деньги взял!..»

– Обсудим, когда результат будет, – ответил я.

– Деловой подход, одобряю. А сам что думаешь про этих «вежливых людей»?

– Думаю, что кто-то из вашей среды наводки дает.

– Может, и так, среда-то гнилая, – согласился Пекарев. – А может, и из вашей, так сказать, среды. Как считаешь? В обществе есть мнение, что это милиционеры сами налеты устраивают. Очень уж все четко и гладко выходит. Знают много, все имена, адреса, обращаются по имени-отчеству, не уродуют никого. Одни грабят, а другие, например, их прикрывают в ходе расследования.

Взгляд у Пекарева стал холодным и твердым, как закаленный барочный гвоздь. Парень с переломанными ушами невозмутимо протирает стаканы за стойкой. В телевизоре капитан Врунгель уже завершил на сегодня свои похождения, звучала песня на титрах, а двое спортсменов за столиком продолжали молча смотреть в экран. Казалось, что они прислушиваются к чему-то или ожидают сигнала. Светловолосый атлант подпирал плечом дверной косяк, перекатывая во рту спичку и задумчиво глядя мне в затылок.

– Всякое в жизни бывает, – рассудительно ответил я. – Скажем, Борю могли замучить до смерти потому, что заподозрили в краже общественных денег, а когда поняли, что ошибка вышла, обратились за помощью к милиционерам. Так, например.

Стало как-то особенно тихо. Все вокруг задержало дыхание. Пекарев рассмеялся.

– Ладно, Витя, давай, у меня тоже дела еще сегодня... Увидимся. Если что – звони в любое время, здесь у меня всегда кто-нибудь сидит, даже ночью, будет что-то срочное – передадут. Тебя подвезти куда-нибудь?

Подвозить меня был не надо. Я попрощался и не без некоторого облегчения вышел за дверь, провожаемый распевным напутствием из телевизора:

Порой не верится, друзья,

Но в жизни так бывает,
Порой не верится, друзья,
Но в жизни так бывает.

* * *

У метро «Парк Победы» я зашел в телефонную будку и набрал номер, подглядывая в записную книжку. Мне нужно было кое-что проверить, да и приятно шумевший в голове «Курвуазье» настраивал на игривый лад.

– Жвалов! – буркнуло в трубке.

– Здравия желаю, товарищ подполковник! – гаркнул я так, что в будке задребезжали стекла. – Капитан Адамов, уголовный розыск! Разрешите доложить?

– Докладывай! – рявкнул он.

– Согласно полученной оперативной информации за квартирой Бориса Леонидовича Рубинчика велось наблюдение посредством слежки из неопознанного транспортного средства! – взревел я, надсаживаясь, как на плацу. – Номерной знак государственной регистрации...

Пожилой мужчина в летней шляпе из светлой сетчатой ткани подошел было к будке, но шарахнулся и отошел, озираясь.

– Знаю! – заорал Жвалов в ответ. – Продолжайте работу!

И повесил трубку. Понятие сарказма было подполковнику контрразведки неведомо.

Я вышел, улыбаясь раскаленному солнцу. Пекарев не ошибся: за домом Бори действительно наблюдали сотрудники госбезопасности.

Человеку свойственно стремление к объяснению окружающего мира. Так уж устроен наш разум: он требует стройной системы, которая бы внятно и непротиворечиво разъяснила все обстоятельства жизни, сформировала представление о ее смысле, не упустила бы ни одной детали и ответила на все вопросы бытия. Нам нужна единая теория всего, и неважно, будет ли она научной, религиозной или вовсе мифологической. По большому счету нам даже не нужно ее понимать; достаточно быть уверенным в том, что есть книга, трактат, меморандум, где все изложено, и если будет к тому потребность, то достаточно открыть обложку, прочесть несколько строк и воскликнуть: «Ах, вот, оказывается, в чем тут дело!».

Однако следует избегать в решении кажущихся запутанными задач искушения уложить все, зачастую противоречивые исходные, в одну

красивую схему. Мишка пукнул в лесу; сова ухнула; лиса съела зайчика. Если попытаться объединить все это единой историей, можно додуматься до генетически модифицированного медведя, испустившего вызывающие агрессию газы по сигналу совы, после чего подпавшая под их воздействие лиса напала на зайца, который должен был сове денег. Но, как правило, все оказывается ровно тем, чем кажется с первого взгляда: медведя пучит, сова – пустобрех, лисичка голодная, а зайчик – лопух.

Вокруг злосчастного Рубинчика действительно происходило что-то странное, и разговор с Пекаревым только добавил неизвестных в это и без того иррациональное множество. Если общественные деньги стали добычей «вежливых людей», то зачем Боря вдруг начал лихорадочно искать способы выехать за границу, да еще и в такой неподходящий момент? Испугался, что его обвинят в воровстве? Или Пекарев все-таки нажал на него, запугивал, требовал вернуть деньги? Но целую неделю после налета Рубинчик оставался спокоен, а потом вдруг заметался, как подстреленный. Если Боря действительно не устоял перед искушением присвоить себе миллионы и списать их пропажу на банду разбойников, то куда разумнее было бы подождать, пока улягутся страсти, а потом через полгода-год спокойно уехать и начать новую жизнь в любой точке мира, а не бегать по городу в панике, привлекая внимание и порождая опасное недоумение. Фатальный приступ безумия и последующее самоубийство кое-как укладывались в версию оказанного давления или даже просто могли быть вызваны сильным испугом, но можно было бы ожидать такого развития событий сразу после налета, а не через десять дней, из которых неделю Боря не проявлял никаких видимых признаков беспокойства, а в последние три дня вдруг принялся искать возможность к побегу. Внимание со стороны госбезопасности, с одной стороны, было легко объяснимым при роде занятий покойного Бори, но оставалось неясным, откуда такой энтузиазм в желании знать обстоятельства последних дней его жизни и трагической смерти.

Факты не сочетались друг с другом как грани в кубике Рубика, где стоит собрать сторону одного цвета, и другая тут же превращается в безнадежный хаос. В таких случаях полезно бывает начать с исходной точки, и я, больше повинувшись чутью, нежели логике, отправился с повторным визитом в «академический» дом.

По случаю жаркого дня многие окна, выходящие в длинный и узкий двор, были открыты, некоторые завешаны влажными простынями, дававшими хоть какое-то чувство прохлады и защиту от вездесущего дыма; на паре балконов беспардонно сушилось белье, из окон неслись

телевизионные голоса и звуки музыки, что все вместе придавало строгому «академическому» дому какой-то расслабленный южный колорит, столь же неуместный рядом с пилястрами и кариатидами, как легкомысленный купальный костюм на престарелом профессоре. Золотисто-желтый автомобиль Рубинчика все так же стоял на своем месте, как верный пес, не знающий еще, что хозяин ушел навсегда. Асфальт на том месте, где Борюсик завершил свой земной путь, тщательно вымыли, но, приглядевшись, еще можно было различить неприятного вида темное пятно.

Я вошел в тихий подъезд и поднялся на третий этаж, решив для начала нанести визит Ядвиге Ильиничне. На дребезжащие звонки в дверь никто не отозвался, даже Пополь не откликнулся лаем. Я поднялся этажом выше. Дверь в квартиру Рубинчика была опечатана бумажной лентой с синей казенной печатью. Из квартиры напротив слышалась музыка: Алла Борисовна Пугачева сетовала на ледяной нрав океанского айсберга. Я прислушался и нажал на кнопку звонка. За дверью мелодично пропел гонг. Я подождал немного и позвонил еще раз. Музыка стала чуть тише, мягко прошелестели шаги и дверь открылась. На пороге стояла уже знакомая мне соседка Маша с бокалом, до половины заполненным рубиновой жидкостью, и в кое-как прихваченном поясом шелковом длинном халате, не скрывающем щедрых даров благосклонной природы. Из квартиры пахло хмельным и теплым.

– Здравствуйте, – сказал я. – Сергей дома? Я хотел с ним поговорить.

Маша смерила меня оценивающим взглядом из-под черной блестящей челки, сделала рукой с бокалом неопределенный жест и сообщила:

– А его нет.

Потом прищурилась, улыбнулась и добавила:

– Он в исполком поехал. Может, зайдешь?

Маша повела бедром. Надо отдать должное, толк в движении бедрами она понимала.

– Нет уж, спасибо. Как-нибудь в другой раз, – и я зашагал по лестнице выше, думая, что Ядвига Ильинична была слишком оптимистична, когда говорила о Серафиме Лепешинской как о единственном позоре приличного дома.

– Он только через два часа вернется! – крикнула Маша мне вслед, потом что-то проворчала разочарованно и с лязгом захлопнула дверь.

В квартиру Льва Львовича я позвонил уже без особой надежды, но на этот раз мне повезло: хозяин был дома и встретил меня, заспанно щурясь и дыша вчерашним спиртным. Я представился, потом напомнил, что нам уже

приходилось встречаться, и еще с минуту ждал, пока Лев Львович очнется настолько, чтобы осознать полученную информацию.

– А! – сказал наконец он и отступил на шаг в коридор. – Входите. Только давайте пройдем на кухню, у меня в комнатах некоторый беспорядок.

Глядя на Льва Львовича, в это легко верилось.

Мы прошли в большую, но уютную кухню. В ней чувствовалась заботливая женская рука, которая, впрочем, уже некоторое время не касалась своих владений: герань и фиалки на подоконнике не мешало бы полить, нарядная клеенка на столе была покрыта неопрятными липкими пятнами, в глубокой раковине, вмонтированной в светлого дерева кухонный гарнитур, скопилась посуда с присохшими остатками пищи. Форточка была закрыта и в воздух пропитали запахи перегара и не вынесенного вовремя мусорного ведра. В тишине громко тикали ходики с кукушкой и гирьками.

Лев Львович кое-как нацепил очки, сел напротив меня за стол, слегка покачнувшись на скрипнувшем стуле, и произнес извиняющимся тоном:

– Вы простите меня, я в отпуске. Уже вторую неделю. Супруга с сыном на даче, у нас домик под Гатчиной, а я вот тут, на холостяцком, так сказать, положении.

– Выглядите отдохнувшим, – заметил я.

Он смущенно засмеялся и поправил очки.

– Ну, это я так, для расширения сосудов. Знаете, у меня такой стресс на работе весь год: подготовка проектов, приемные комиссии, между смежниками эта вечная грызня – хочется просто провести время в покое и одиночестве. Крепкий сон, книги, телевизор... Вы меня понимаете?

Я заверил, что да.

– Лев Львович, я по поводу смерти Бориса Рубинчика. Хочу кое-что уточнить в обстоятельствах той ночи.

Он как-то дернулся, обеспокоенно посмотрел вниз и в сторону и спросил:

– А что же еще уточнить? Я уже все рассказал.

Я откинулся на спинку стула, проницательно прищурился, постучал пальцами по столу и веско сказал:

– Не все, Лев Львович. Не все.

– На что это вы намекаете? – попытался возмутиться он, но вышло не очень. Уверен, что у себя в «Турбостроителе» и на пике формы возмущение у Льва Львовича могло бы получиться что надо, но сейчас я застал его похмельным утром, едва очнувшегося ото сна, во вчерашней майке и кое-как натянутых тренировочных брюках, и поэтому уверенно продолжал:

– Не упрямитесь, вы же серьезный, взрослый мужчина. Я только что был у вашего соседа снизу. Он мне все рассказал.

– Так, значит, Сережа тоже видел!.. – воскликнул Лев Львович, посмотрел на меня, осекся и сник.

– Ну что же вы, – подбодрил я. – Смелее! Что мог видеть Сережа?

– Как ребенка, ей-богу, – махнул он рукой. – Я могу чайник поставить?

Как известно, когда грохот в квартире Рубинчика оборвался треском и звоном выбитого окна, а со двора донесся испуганный крик и соседи устремились по лестнице вниз, Лев Львович остался стоять перед дверью.

– Сам не помню, зачем, – признался он. – Может, решил, что раз не заперто, нужно присмотреть за квартирой.

И тут дверь широко распахнулась. На пороге стояли мужчина и женщина.

– Я большего страха в жизни своей не испытывал. Если бы оттуда какой-нибудь громила выскочил с топором в руке или бандиты в масках, и то не было бы так страшно. А тут, после всего этого жуткого громыхания, вдруг совершенно обыкновенные люди, приятные даже. Это было так странно, так неправильно, что у меня в прямом смысле мороз по коже пошел.

– Как они выглядели?

Лев Львович задумался.

– Женщина такая, на артистку похожа. Высокая, статная. Красивая очень. Платье, можно сказать, нарядное, кажется бордового цвета. Бусы крупные, яркие, я на них внимание обратил. В общем, эффектная дама.

– А мужчина?

– А он, знаете ли, типичный американец.

– Это значит какой?

– Ну вот, понимаете... – Лев Львович пошевелил скрюченными пальцами, как будто ощупывая себе лицо, – иностранец, одним словом. Тоже рослый, можно сказать, крупный. Мужественный такой. В клетчатой рубашке.

Со двора доносились крики и гомон. Лев Львович стоял неподвижно и таращился на незнакомцев. Женщина вдруг улыбнулась и подмигнула ему, чем привела в еще больший ужас, если только это было возможно. Мужчина посмотрел на часы – у него большие, массивные часы были на запястье, – кажется, подвел стрелки, а потом они молча повернулись и стали спускаться по лестнице.

– Я инстинктивно пустился за ними следом. Не знаю, что я хотел сделать – догнать, задержать... Они меня опередили на пару лестничных

маршей, свернули за угол – и тут смотрю, мне навстречу мчится Сережа, запыхался весь, и пробежал мимо меня наверх. Я бегом вниз – никого. Выскочил во двор, осмотрелся – только наши вокруг, а этих двоих и след простыл. Всё.

Он замолчал.

– Почему сразу не сообщили?

Лев Львович развел руками.

– А что сообщить? Никто, кроме меня, их не видел. Да я и сам не уверен, видел кого-нибудь или нет. Я же отдыхаю уже две недели, вот и подумал... ну, мало ли... примерещилось.

– Ладно. Есть бумага и ручка?

Он встал, вышел из кухни и вернулся с форматным листом бумаги и остро заточенным карандашом.

– Вот.

Я написал несколько слов и цифр, отдал ему листок и сказал:

– Завтра жду вас с утра у себя в управлении. Здесь время, адрес и телефон. Пропуск будет на проходной. И постарайтесь сегодня не слишком сильно отдыхать.

Лев Львович понуро смотрел на лист бумаги, который заметно дрожал у него в руке. Потом вздохнул и обреченно спросил:

– Меня теперь привлекут?

– За что же? – удивился я.

– Ну, за то, что не сообщил... не просигнализировал...

– Бросьте, Лев Львович, что за глупости! Честно говоря, на вашем месте мало кто рассказал бы о случившемся, – великодушно успокоил я. – Просто показания зафиксируем под протокол, а потом фоторобот составим этих ваших «артистки» и «американца». Ну и альбомы с фотокарточками посмотрите, вдруг узнаете их. Кстати, не в курсе, где Ядвига Ильинична? Я к ней заходил, а ее дома нет.

Приободрившийся Лев Львович взглянул на часы и ответил:

– Так она в это время с собачкой гуляет. У нее пуделек, маленький такой. В саду Дзержинского, тут, рядом.

Я поблагодарил и ушел, на прощание еще раз убедительно попросив выйти из отпуска хотя бы на один завтрашний день. Он пообещал, но без особой уверенности в голосе.

В саду Дзержинского среди живописных старых деревьев и очаровательных ландшафтов из заросших кувшинками узких проток прохаживались по дорожкам молодые мамы с колясками, и бабушки присматривали за внуками, возившимися в мокром песке у пруда и

ковырявшими прутьями тину. На маленьком изогнутом мостике с ажурными перилами стояла, обнявшись, молодая пара и смотрела в счастливое будущее. У старинной деревянной купеческой дачи в глубине сада старушки бросали хлебный мякиш сизым голубям и отважным взъерошенным воробьям. На лавочке у памятника железному основателю ВЧК расположились за шахматами двое пенсионеров, поблизости маялся мальчик лет шести, катал на веревочке большой пластмассовый самосвал и поглядывал на увлеченного шахматами деда.

Ядвигу Ильиничну я увидел издалека: она стояла у постамента, сама похожая на строгое изваяние в черных одеждах, а по зеленым газонам вокруг носился стремительными кругами маленький персиковый пудель, распугивая недоумевающих голубей. Я подошел ближе. Песик заметил меня и стрелой устремился навстречу. Ядвига Ильинична проследила за пуделем взглядом и тоже увидела меня. Я улыбнулся и помахал рукой. Она беспокойно задвигалась и возгласила:

– Пополь! Пополь!

Пудель подбежал ко мне и заплясал рядом, раскрыв пасть в восторженной собачьей улыбке, вывалив язык и напрыгивая перепачканными лапами на штанины.

– Пополь! Отойди от милиционера, мы уходим!

Я подхватил песика одной рукой и не спеша направился к Ядвиге Ильиничне. Она нервно переминалась с ноги на ногу и стискивала в руках поводок. Ополоумевший от восторга пудель изворачивался и пытался лизнуть меня в нос.

– Здравствуйте, Ядвига Ильинична! Куда это вы так заспешили?

– И вам не хворать. У нас закончилось время прогулки, а у Пополя режим. Ему пора обедать и спать.

Она защелкнула карабин поводка и опустила песика на землю. Он немедленно запрыгал вокруг, крутанулся, оплел поводком ноги хозяйке и запутался сам.

– Ах, да перестань же егозить, несносное создание! – Ядвига Ильинична с трудом присела, насколько позволяли возраст, юбка и собственное достоинство, и принялась высвобождать себя и Пополя из пут. Я решил воспользоваться моментом и тоже опустился рядом на корточки.

– Ядвига Ильинична, – начал я с мягкой укоризной, – а что же вы не рассказали, что видели в доме посторонних?

– Каких еще посторонних? – раздраженно спросила она, совладала наконец с поводком и поднялась. – Единственными посторонними в нашем доме в ночь смерти Бори были милиционеры, уж простите меня за прямоту.

И я все еще тогда рассказала, причем неоднократно, и вам – в том числе.

– Значит, добавить вам нечего? – произнес я профессиональным задумчивым тоном, словно мысленно определяясь со статьей уголовного кодекса, по которой непременно привлеку вздумавшего упрямитесь свидетеля.

– Абсолютно нет.

– А вот сосед ваш, Лев Львович, кое-что все-таки вспомнил.

– Господи, нашли, кого слушать! Лёве скоро будет трудно вспомнить, как его звать. Если у вас ко мне все, мы пойдем. Пополь хочет домой.

Песик действительно натягивал поводок, скреб лапами землю, азартно хрипел и упирался, как единственный в связке бурлак, пытающийся сдвинуть с места груженую баржу.

– Давайте, я вас провожу, мне все равно в сторону метро.

– Извольте, – недружелюбно согласилась Ядвига Ильинична, и мы тронулись в путь, держась друг от друга на неприязненном расстоянии, как поссорившиеся супруги.

– Послушайте, – я не сдавался. – Речь идет о лицах, подозреваемых в совершении тяжкого преступления, и, возможно, причастных к смерти Бориса Рубинчика. Вы уверены, что ничего не хотите мне сообщить?

– Боже мой, вы об этом! – воскликнула Ядвига Ильинична. – Так я уже все сообщила куда следует.

– Куда же?

– В Комитет государственной безопасности, – веско ответила Ядвига Ильинична.

Это был неожиданный поворот.

– Что вы им сообщили? – спросил я, чувствуя, как глупо прозвучал мой вопрос.

– Это невыносимо! Вы с ума меня хотите свести? О лицах, подозреваемых и причастных, как вы сообразовали выразиться. Вот о ком!

И Ядвига Ильинична сердито ткнула пальцем в газетный стенд на стене, где красовалась комитетская ориентировка: фотография исчезнувшего ученого Саввы Ильинского и фоторобот молодой девушки с распахнутыми по-детски глазами.

– Вы видели их двоих? – быстро спросил я.

– Нет, только ее. Бледная рыжая худосочная девица. Я с ней на лестнице буквально столкнулась в прошлый четверг. Выходила с Пополем на вечернюю прогулку, в начале девятого, чтобы успеть вернуться к программе «Время», а она мялась у Бориной двери. Не поздоровалась, кстати, только зыркнула так, настороженно. Потом дверь открылась, она

туда юркнула – и всё.

– И вы ее сразу узнали?

– У меня феноменальная память на лица, – сообщила Ядвига Ильинична. – Да тут и запоминать нечего, если на всех углах расклеены листовки и по телевидению их показывают чаще, чем членов Политбюро. Разумеется, едва мы с Пополем вернулись домой, я позвонила – не по 02, а по другому телефону, длинному. Там ответили «Комитет государственной безопасности, оперативный дежурный», – так я и поняла, кто их разыскивает. Ко мне потом и сотрудники приезжали, вежливые, внимательные, хорошо одетые, между прочим.

Она бросила колючий взгляд на мою клетчатую рубашку и выдавшие виды отечественные джинсы.

– Больше вы ее здесь не встречали?

– Нет. Кстати, если это не государственная тайна, кого Лёва якобы видел в ночь гибели Бори?

– Он утверждает, что, когда все спустились во двор, из квартиры Рубинчика вышли двое, мужчина и женщина.

– С хвостом и рогами? – ядовито осведомилась Ядвига Ильинична.

– Нет, вполне приятной гражданской наружности.

– И куда же они подевались?

– Спустились по лестнице и исчезли.

Она фыркнула.

– Ну, все понятно. И вы, стало быть, хотели поинтересоваться, не наблюдала ли я пьяных галлюцинаций Льва Львовича?

Я виновато развел руками.

– Получается, что так.

Ядвига Ильинична искоса посмотрела на меня, потом чуть улыбнулась, а потом вдруг рассмеялась неожиданно молодо и задорно. Я подумал, что лет тридцать назад она способна была влюбить в себя без памяти кого угодно.

Мы подошли ко входу во двор и остановились. Ядвига Ильинична взглянула на осиротевшую «шестерку» и покачала головой.

– А я знала, что все так и закончится. Вся эта красивая жизнь нувориша, сомнительные знакомства, странные вылазки по ночам... Да, кстати, вспомнила, может, это будет вам важно. Боря в последние две ночи перед кончиной к кому-то ходил.

– Именно ходил? Не ездил?

– Довольно странно пользоваться машиной, когда идешь в соседнюю парадную. Я в последнее время взяла себе привычку ложиться спать

довольно поздно, иногда даже за полночь. Наверное, это возраст, не знаю. У меня весьма приличная библиотека, я выбираю какую-нибудь себе книжку из непрочитанных, иду в кабинет покойного мужа, включаю лампу и читаю за его рабочим столом. Пополь спит, кругом ночь, тишина. В тишине хорошо и читать, и думать. И вот буквально в пятницу, на следующий день, как я видела здесь эту девицу с плаката, слышу – этажом выше хлопнула дверь. Потом шаги, кто-то спускается мимо моей квартиры. На часах полночь. Я подошла к окну – в кабинете окна как раз выходят во двор, посмотрела: вышел Боря, остановился под фонарем, потоптался, а потом так крадучись, вдоль стены, аки тать в ночи, тихонько идет налево и заходит в соседнюю парадную. Мне, как вы понимаете, стало любопытно. Если бы он направо пошел, я бы могла подумать, что он-таки сговорился с Серафимой, про нее давно уже ходят такие слухи. Но Серафима в первой парадной живет, а Боря зашел в третью, а к кому он мог там пойти среди ночи? Не к Марфе же Игнатьевне. Я осторожно так из-за портьеры стала смотреть, не загорится ли где-нибудь свет. Но нет, в окнах темно. Думаю, если бы он даже в прихожую к кому-то зашел, я бы увидела отсвет. Хотела было дожждаться, когда он обратно вернется, но до часу ночи Боря оттуда не вышел, а потом я уже легла спать. Но так интересно стало, я даже весь день думала: ну к кому мог Боря наведываться? И зачем? С вечера уселась у окна в кабинете и стала ждать. И что бы вы думали? Ровно в полночь Рубинчик таким же манером вышел – и туда же, в третью парадную. Я решила, что, если еще раз туда же отправится, я за ним прослежу.

– Вы отважная женщина, Ядвига Ильинична.

– Ах, оставьте, – отмахнулась она. – Чего мне бояться? Но в третью ночь Боря никуда не пошел. Я ждала, ждала его у окошка, как Аленушка, до половины первого, а потом пошла спать. Ну, а под утро проснулась от грохота...

Ее темные глаза чуть затуманились, черты постаревшей античной богини немного смягчились, как будто потеплел мрамор. Она и сама, вероятно, почувствовала, что вдруг дала слабину: вздрогнула, приосанилась и холодно произнесла:

– Прощайте. Надеюсь, я ответила на все ваши вопросы и даже более того.

– Спасибо большое, Ядвига Ильинична, – искренне сказал я. – Вы очень помогли.

Она молча кивнула и вошла в парадную, таща за собой на поводке присмирившего пуделя.

Из открытого окна четвертого этажа звонкий итальянский дуэт пел

песню о счастье. Маша высунулась во двор, осмотрелась, увидела меня и быстро нырнула обратно. Я подошел к соседней парадной и потянул на себя тяжелую створку двери. Внутри было пусто и тихо. Лестница уходила наверх, но, в отличие от парадной Бори Рубинчика, здесь имелся и второй выход: в конце короткого полутемного коридора виднелась простая деревянная дверь. Я открыл ее и оказался в узком, как галстук стилиаги, переулке между домами. Напротив в приземистом желтом доме темнела низкая арка. Слева переулок заканчивался тупиком, справа шумел оживленный Кировский проспект. Я вошел в арку и попал в широкий квадратный двор, окруженный чумазыми стенами. Тут жили люди попроще, чем в «академическом доме»: в разгар рабочего дня окна были закрыты, мелодии и ритмы зарубежной эстрады не нарушали застоявшейся тишины, неподвижный воздух наполняли запахи тушеной капусты и острая вонь от прокисших помойных баков. По замусоренному потрескавшемуся асфальту праздно слонялись похожие на шпану облезлые голуби. Я немного покружил по дворам, стараясь держать направление в сторону метро, миновал желтый облупленный флигель с приоткрытой рассохшейся дверью, за которой в пыльном сумраке виднелись старые метлы, повернул направо и вышел на проспект. «Академический» дом остался далеко позади. Почти напротив меня серым памятником конструктивизму высился Дом культуры им. Ленсовета, а слева, не доходя до метро и Дома мод, стоянка такси. Сейчас машин там не было, и под круглым знаком с большой синей буквой «Т» топтался высокий сутулый гражданин в желтой рубашке и с портфелем в руке, поглядывая на часы и не теряя надежды.

Ядвига Ильинична, наверное, обладала глубокими знаниями в области человеческих страстей и пороков, но в случае с Рубинчиком не владела всеми обстоятельствами дела, поэтому напрасно ждала, что где-то в окнах соседней парадной вспыхнет свет. Если Боря и наведывался к кому-то в гости, то уж точно не по-соседству. Простой и изящный маневр позволил ему уйти от наблюдения и пекаревских спортсменов, и даже сотрудников госбезопасности. Единственным способом передвижения по городу за полночь было такси, и я не сомневался, что именно им Рубинчик и пользовался.

Надо будет наведаться на эту стоянку попозже вечером, когда таксисты, эти хищники ночи, покинут дневные убежища.

Утром следующего дня в курилке Игорь Пукконен из второго отдела сказал мне, что в возбуждении уголовного дела по факту смерти Рубинчика было отказано. Результаты проведенной экспертизы однозначно указывали на самоубийство. С учетом предшествующих и сопутствующих обстоятельств, по факту доведения до самоубийства дело тоже решили не заводить. Игорь воспринял эти новости с видимым облегчением, и я его понимал.

Я вернулся в кабинет и набрал номер Леночки Смерть.

– Привет, Адамов! Что, уже победили преступность?

– Нет, Лена, пока еще боремся. Смежники подводят.

– Ну вот, а я уж думала, что дождалась. Видно, так и помру раньше, чем ты меня в кино позовешь. Чего позвонил тогда?

– Ты в курсе, что по Рубинчику отказали в возбуждении дела?

– Ну да.

– Вот я и подумал, может, встретимся у Левина в морге, поболтаем, расскажете мне все поподробнее. Ты же приглашала как-нибудь вечером заехать.

– Коварный мужик ты, Адамов. Я тебя когда приглашала? Еще в понедельник, а ты проигнорировал. А теперь, когда понадобилось, вспомнил про Лену, да? Я, если хочешь знать, сегодня к Левину и не собиралась, у меня тут и своих дел по горло.

Я виновато молчал.

– Ладно, – сказала Лена. – В обед подъезжай, сможешь? Я постараюсь вырваться. Если не выйдет, с Генрихом Осиповичем без меня пообщаешься.

– Леночка, без тебя он даст мне свое заключение почитать и больше ни слова не скажет.

– Как знать. Ты его недооцениваешь. Мы же тебя не просто так звали, лясы за чашкой чая поточить. Хорошо, давай в два часа в судебно-медицинском бюро. Только не опаздывай.

Я пообещал.

Лев Львович тоже явился без опозданий, даже на пятнадцать минут раньше: умытый, бледный и немного растерянный, как человек, впервые за долгое время вдруг оказавшийся трезвым и подзабывший, как на самом деле выглядит этот мир. На нем был старомодный летний костюм и вязаный галстук. Мы оформили свидетельские показания, постаравшись деликатно обойти необъяснимое исчезновение подозрительных лиц и обстоятельства отпуска Льва Львовича. Потом он долго и уныло рассматривал казенные синие альбомы с фотокарточками подозреваемых, как скупающий пионер, пришедший в гости к школьной подружке и

вынужденный составлять компанию ее бабушке за жидким чаем и просмотром семейных архивов.

– Никого не узнали?

Он покачал головой.

– Одна женщина похожа вроде на нашего главбуха, Ирину Петровну, но та, что на фотографии, посимпатичнее.

Я не особо рассчитывал на иной результат, поэтому сдал альбомы в архив, отвел Льва Львовича в информационно-аналитический отдел на первом этаже и наказал быть внимательным и не торопиться.

– Спешка нам ни к чему. Постарайтесь добиться максимального сходства, это чрезвычайно важно.

Напутствовав его таким образом, я взял потрепанную боевую «копейку» своего отдела и поехал на Пискаревку.

Машина стояла полдня на солнечной стороне улицы, и внутри можно было бы с успехом запечь карася. Я открыл все окна, но снаружи в салон лезли только асфальтовый жар, душная пыль и выхлопные газы автобусов и грузовиков. Через четверть часа, что заняла у меня дорога до Бюро судебно-медицинской экспертизы, я пропотел, прожарился, прокоптился и запылится вдобавок, будто ехал не в машине по городу, а верхом гнал стадо мустангов по выжженной прерии.

Достойная пара почтенных экспертов поджидала меня неподалеку от входа в бюро, с удобством расположившись под сенью деревьев, высаженных по краю круглой площадки с аляповатой чашей пересохшего фонтана посередине. Генрих Осипович был светел и свеж, облачен в распахнутый белый халат, безупречную кремовую рубашку и, назло погоде и моде, коричневый галстук-бабочку. Он сидел на скамейке-качелях под пластиковым козырьком и курил прямую короткую трубку. Леночка устроилась рядом, скрестив и вытянув длинные тонкие ноги, бледные настолько, что отливали какой-то мертвенной синевой. На ней было короткое темное платье с белым отложным воротничком и манжетами, что в сочетании с длинными черными волосами и худым остроносом лицом делало ее похожей на обитательницу местного морга, которую временно вернул к жизни и вывел из холодных подземных глубин на прогулку сидящий рядом эксцентричный ученый.

Работа судебно-медицинского эксперта и криминалиста предполагает тесное взаимодействие, но Леночка с Левиным общались больше и чаще, чем это обуславливали их служебные обязанности, что давало некоторым досужим умам основания для предположений интимного свойства. Я этих предположений не разделял; на мой взгляд, это была дружба двух

увлеченных профессионалов, которые нашли много общего и как специалисты, и как люди. Может быть, Левин отчасти видел в Леночке себя такого, каким был сам много лет назад: азартного, увлеченного и готового с ходу набросать несколько версий, объясняющих самые диковинные картины на местах преступлений. Жизненный опыт научил его сдержанности; наверное, это была горькая наука, основами которой стало отвечать только на заданные вопросы и излагать исключительно подтвержденные исследованиями факты, умалчивая о странностях и несостыковках. Леночка Смерть, напротив, молчать не умела, на сомнительные нюансы дела, могущие порушить стройную версию следствия, указывала с удовольствием, особенно если ее об этом не спрашивали; она была негативом Левина, его зеркальным двойником, и вместе они составляли дуэт столь же по-своему гармоничный, сколь и эффективный.

А может, и было в их отношениях что-то личное, я не знаю. Никогда не умел этого замечать. Трудно ожидать проницательности в подобных вопросах от человека, невеста которого полгода встречалась с товароведом.

– Привет, Адамов! – Леночка махнула рукой и прищурилась. – Как доехал?

– Отлично. Есть свободные места в морозильнике?

– Здравствуйте, Витя, – отозвался Левин. – Не торопитесь, мы все там будем и, уверяю вас, без опозданий к назначенному сроку. Давайте лучше тут посидим. Здесь тень и относительно свежий воздух.

Леночка подвинулась, и я уселся между ними; лавка качнулась на чуть скрипнувших цепях.

– Вот, Генрих Осипович, – начала Лена как-то нарочито громко, как если бы представляла дальнего родственника глуховатому деду, – Витя приехал поговорить с вами о деле Рубинчика.

Левин выпустил из трубки клуб дыма, которому позавидовал бы паровоз, подумал немного и монотонно заговорил:

– Следствие поставило перед экспертами ряд вопросов, на которые были даны ответы в рамках проведенного патологоанатомического исследования. Из них основные: причина и время смерти. Вкратце ответ таков: смерть наступила между 3.45 и 4.45 утра в результате травм, полученных от падения с высоты, в частности, открытой черепно-мозговой травмы с фрагментарным раздроблением костей черепа и компрессионного перелома шейных позвонков, с первого по третий, с повреждением спинного мозга. Следующий вопрос: происхождение зафиксированных сопутствующих телесных повреждений. Ответ: множественные раны

кистей рук, а также раны мягких тканей головы возникли в результате порезов о стекло и ударов о твердые поверхности, предположительно, предметы мебели, находившиеся на месте происшествия.

– Помнишь, я сразу сказала, что Рубинчик в застекленный сервант несколько раз головой въехал? – встряла Леночка.

– Далее, – спокойно продолжил Генрих Осипович, – на вопрос о том, могли ли колото-резаные раны поверхности грудной клетки, живота и глазниц быть нанесены обнаруженным на месте происшествия и переданным для исследования кухонным ножом, экспертиза ответила однозначно утвердительно. Повреждений, нанесенных другим колющим или режущим предметом на теле не выявлено. И последнее: мог ли потерпевший самостоятельно нанести себе упомянутые телесные повреждения? Ответ: да, мог. Характерные особенности ран, их глубина, угол нанесения позволяют предположить это с высокой степенью достоверности.

– Значит, самоубийство?

Генрих Осипович пожевал мундштук трубки, подумал и кивнул:

– Несомненно.

– Способ, я бы сказал, несколько экстравагантный.

Левин кивнул.

– Согласен, но мне приходилось видеть и не такое. Помню, в 1978-м топором себя зарубил человек: поднял над головой и несколько раз ударил по темени нижним заостренным краем лезвия, можете себе представить? Будто клювом долбил, пока не пробил череп. Или в 1980-м, как раз Олимпиада была, летом: самоубийство двумя ударами ножа в сердце. Звучит, как недобрый какой-то анекдот, но ведь было: при остановке сердца человек не умирает мгновенно, проходит от десяти до двадцати секунд, прежде чем мозг отключает сознание из-за недостатка притока крови, и еще несколько минут, пока изменения не станут необратимыми. Но картина в обоих случаях, как вы понимаете, на первый взгляд была однозначной: вот труп с множественными рублеными ранами черепа и окровавленный топор рядом, а вот, пожалуйста, сидит в кресле весь белый, рукоятка финки торчит из груди и рядом еще одна проникающая рана в межреберье. А то, что мы на Кировском проспекте увидели, очень похоже на острое биполярное расстройство. В посмертной психиатрической экспертизе нам отказали, но на мой дилетантский взгляд, там словно две личности боролись, причем одинаково обезумевшие: одна заставляла несчастного Рубинчика крушить голыми руками свое жилище и биться головой в шкафы и стены, а другая пыталась все это прекратить: сначала ножом

заколоться – на груди очень характерные для неуверенных попыток самоубийства ранения, – потом, вероятно, достать через глаза до мозга, ну а потом просто выпрыгнуть из окна вперед головой.

– Боря никогда психопатом не был, – заметил я.

– Если человек находится в состоянии стресса или невроза, то спровоцировать острое психотическое состояние может любой раздражитель. Хотя бы даже и алкоголь, он же как раз выпивал тогда.

Левин замолчал, сопя трубкой. Повисла странная пауза. Не затем ведь они меня приглашали, чтобы послушать художественное чтение краткого содержания экспертизы? Я пожал плечами и спросил:

– Лена, а что у тебя?

– Ничего, что могло бы однозначно указывать на убийство. Кровь везде только Рубинчика. В квартире такой разгром, что выделить в нем какие-то посторонние включения довольно сложно. Отпечатков полно, в основном конечно, покойного Бори, но и других тоже достаточно, что совершенно нормально: у него бывали гости, и кое-кто из них, кстати, оставил несколько женских волос разной длины и цвета, которые я нашла на полу у зеркала в спальне и в ванной. Дверная ручка захватана, но еще до моего приезда за нее кто только не брался. На стакане и бутылке с коньяком отпечатки пальцев только хозяина, никто больше к этим предметам не притрагивался. В общем, если бы мы понимали, что это убийство, можно было бы попробовать за что-нибудь зацепиться: все отпечатки проверить, волосы по всей квартире аккуратно собрать, чтобы сформировать банк улик, когда злодеев поймают. Но у нас однозначное заключение о характере повреждений и нет ничего, что так же однозначно свидетельствовало бы о присутствии в ту ночь посторонних. Ну... кроме нетронутого угла в комнате. И моей личной в этом глубокой уверенности.

– Есть новые свидетельские показания, – сообщил я и рассказал о разговоре со Львом Львовичем.

Леночка захлопала в ладоши и торжествующе закричала:

– Ага! Я же говорила!

– Ну, выводов экспертизы это же не отменяет, не так ли? – резонно заметил Левин. – Да и показания, как я понял, неоднозначные.

– Неоднозначные, – согласился я. – Свидетель сейчас у меня в управлении, фоторобот рисует, посмотрим, что получится. Для повторного представления к возбуждению дела об убийстве оснований это не даст, да я и не собираюсь второму отделу работы подкидывать – зафиксирую для себя и приложу к делу «вежливых людей», на всякий случай. Хотя все это странно.

– Очень странно, – согласился Генрих Осипович.

– Запутанная история, – добавила Леночка.

Они снова замолчали. Я ждал. Левин вздохнул и принялся раскуривать погасшую трубку. Леночка бросила на него быстрый взгляд. Он чуть заметно кивнул.

– Странности вообще в последнее время зачастили, – начала она.

– А мы можем их только фиксировать, – продолжил Левин, справившийся, наконец, с трубкой. – И отвечать на поставленные вопросы.

– Чернорабочие следственного дела, – вздохнула Леночка.

– И, если что-то происходит совсем уж из ряда вон, нам остается только удивиться про себя, провести экспертизу согласно вопросам, которые задавали не мы, и спокойно жить дальше.

– Вас еще можно чем-то удивить, Генрих Осипович? – усомнился я.

– Редко, но можно. Вот, скажем, неделю назад, 8 августа, в среду. Ответственный работник Ленгорисполкома, товарищ Трусан. Руководитель выездной комиссии, между прочим, – это которая разрешения выдает на выезд за границу и занимается всем, что с этой темой связано.

– Молодой, тридцать пять лет всего. На должности хорошей и не женат, – добавила Леночка.

– А что с ним случилось? – спросил я.

– Сгорел на работе, – отозвалась Лена.

– В прямом смысле слова.

– Секретарша почувствовала, что жареным пахнет, зашла к нему в кабинет, а он на полу догорает, весь почерневший. Ковер насквозь прожжен и паркет обгорел.

– Меня там не было, на место другой эксперт выезжал, но тело сюда привезли на экспертизу. Труп весь обуглен, ожог даже не четвертой, а какой-то абсолютной степени, 100 % поверхности тела. Волос, понятно, нет, глаз тоже, малых выступающих частей тела – носа там... ну и другого – тоже нет. Сверху почерневшая, осыпающаяся углем корка, внутри все запеклось и свернулось, как в сгоревшей котлете по-киевски. Ребра при вскрытии хрустели и крошились. Мозг стал размером с теннисный мяч. В постановлении два вопроса: первый – причина смерти. Ну, я с чистой совестью фиксирую все повреждения, вызванные термическим воздействием – коагуляцию белка, обугливание мягких тканей, прочее и прочее, и заключаю: ожоговый шок. Второй вопрос о происхождении ожога, а я думаю про себя, что ответить вряд ли получится, потому что товарищ Трусан не горел, он в один миг обуглился, весь разом. Пишу, что теоретически такой эффект мог бы дать удар электрическим током

чрезвычайно высокого напряжения, причем воздействующим на всю поверхность тела одновременно. Тут даже об ожоговом шоке, если уж быть честным, говорить неуместно, потому что мозг умер мгновенно, еще до того, как испытал какой-либо шок. Ну что ж, зато всем все понятно: током ударило, с кем не бывает. Через два дня некролог в «Ленинградской правде» в пять строчек: трагически погиб в результате несчастного случая. Соболезнуем.

– А я как раз там была, – продолжила Леночка. – Подъезжаем на своем «рафике» к Ленгорисполкому, две милицейские машины стоят, сотрудники курят на улице, провожают меня взглядами. «Скорая помощь» рядом. Дежурный милиционер проводит до этажа. Коридор перекрыт, стоят уверенные в себе люди в костюмах, проверяют документы, пропускают меня и фотографа. Сами не представляются. У приемной еще двое, эти уже и фотографа не пропустили, только меня. Захожу в кабинет. Там еще двое в штатском, секретарша – пожилая такая тетка, бледная вся и перепуганная насмерть, дежурный судебно-медицинский эксперт – Надя Татарская, я ее знаю, и все. Кабинет хороший, большой, солидный, от порога до стола совещаний ковер постелен, посередине которого и лежит труп. Начинаю осмотр: никаких следов горения, ни копоти, ни бензиновых пятен, ни спичек, ничего. Чистота, порядок, часы тикают, тишина. Только жареным пахнет, похоже, как если бы на кухне котлеты сгорели, и еще такой характерный запах озона, как во время грозы. Пока работала, один из тех, что в костюме, в углу стоял, как изваяние, а второй мне за плечо постоянно заглядывал, смотрел, что я пишу. Спрашиваю, куда высылать протокол осмотра. Отвечают: согласно ведомственному подчинению в данном случае следователю района, которого, к слову сказать, на место происшествия вовсе не допустили. Вот так.

– Какого числа это было, говорите? – уточнил я.

– Восьмого, – ответила Леночка. – А потом сразу на следующий день, девятого, да, Генрих Осипович?

Тот кивнул.

– Да. Капитонов Дальвин Платонович. Капитан дальнего плавания торгового флота. Да, вот такое имя.

– Красавец, моряк. Дальнобойщик соленых просторов, – вздохнула Леночка. – Наверное, очень горячего нрава был, вот кровь и закипела. Тоже в буквальном смысле.

– Во всяком случае, я ничем другим то, что увидел, объяснить не могу. Не в том смысле закипела, как вода в чайнике, а как при резкой и очень мощной декомпрессии. Только такой декомпрессии в природе не бывает,

чтобы вся жидкость в теле – кровь, лимфа, желчь, моча, уж простите, еще кое-что – вдруг в один миг вскипели. Я даже не знаю, с какой глубины нужно в один миг подняться для подобного эффекта. Глаза взорвались, сосуды всех калибров, капилляры, лимфатические каналы, желчный и мочевой пузыри – в клочья. Когда тело сюда привезли, одежда вся уже заскорузла от крови, с трудом разрезали. Зрелище, в общем, то еще. Опять же, вопрос: причина смерти. Ну, если у человека в мозгу разом лопаются все сосуды, гадать не приходится. Чем могло быть вызвано подобное воздействие? Тут уж я, как говорится, сову на глобус натягивать не стал, пишу – неизвестно. В общем, в итоге заключение после согласования с начальством выходит с формулировкой «острое сосудистое заболевание невыясненной этиологии». Всё, вопрос закрыт.

– Я на этот случай не ездила, но, когда Генрих Осипович рассказал, какого покойника к нему доставили, поинтересовалась. Капитонова в собственной машине нашли, ранним утром, на Васильевском острове, у пляжа за гостиницей «Прибалтийская», знаешь? Там еще валюту меняют. Ну вот, кто знает, может он тоже менял, встречался там с кем-то. Волновался или обманули, рассердился на кого-то, вот кровь и вскипела. Пляж – это не исполком, так что все было сделано по процедуре, с осмотром, протоколом, выездом следователя. В общем, без людей в штатском.

– Они потом приехали, – спокойно добавил Генрих Осипович. – Сюда. Забрали тело, дали расписку на бланке Комитета государственной безопасности и были таковы. И, кстати, труп товарища Трусана тоже прихватили с собой, наверное, чтобы два раза не ездить.

Он опять засипел трубкой. Леночка раскрыла сумочку, достала пачку «Стюардессы», вынула сигарету и тоже закурила. Оставалось только мне задымить за компанию.

– Мы с Леной ученые, – произнес Левин задумчиво. – В очень специальной прикладной области, но все же. А главная черта настоящего ученого – это любопытство.

– Как и настоящего сыщика, кстати, – вставила Леночка.

– Но у нас не всегда достаточно средств и возможностей, чтобы свое любопытство удовлетворить. Я вот уже человек немолодой, многое повидал, знаю цену молчанию и разумному компромиссу, но от некоторых вещей просто так отмахиваться не могу, хотя такое и случается все реже и реже. Но это, согласитесь, случаи из ряда вон, да еще и подряд.

– А теперь вот и Рубинчик еще, – добавила Лена.

– Ну да, тоже история по-своему странная, хотя с двумя предыдущими

не сравнить. Мы с Леной еще в понедельник перекинулись парой слов, когда были на Кировском, и решили, что вам, Витя, наверное, все это будет интересно. Так?

– Так.

– Ну вот и славно. И если вдруг любопытство сыщика побудит вас к каким-то действиям и результаты будут занятными, вы же не откажете в любезности поделиться ими с нами?

– Можете на это рассчитывать.

– Ура! – воскликнула Леночка. – Поделись, пожалуйста, когда будут готовы результаты фотороботов, хорошо? Очень интересно, кто в кресле сидел.

– Лена, это самое простое и самое быстрое, что я могу сделать.

Я посмотрел на часы.

– Думаю, Лев Львович уже справился.

И не ошибся. Верный моим заветам быть внимательным и добиваться сходства, Лев Львович до изнеможения довел Яшу Гольдмана, эксперта по фотокомбинированным портретам, перебирая варианты бровей, носов и глаз со тщательностью великих художников-портретистов. Когда я появился, Яша с обреченным видом сидел за клавишами машины, а Лев Львович без пиджака, в ослабленном галстукe стоял, выставив ногу вперед, и с прищуром оценивал лицо на тускло светящемся матовом экране. Он наклонил голову вбок и потер подбородок.

– Пожалуй, оставим вот так, – сказал Лев Львович, – хотя я бы еще добавил выразительности взгляду.

Он повернулся, увидел меня и не без гордости объявил:

– Товарищ капитан, принимайте работу!

С первого фотопортрета смотрел мужчина с волевым подбородком, мощными надбровными дугами и взглядом истребителя бизонов и делаваров. Лицо его показалось мне смутно знакомым, как будто я встречал его несколько раз, но вот где – никак не получалось припомнить.

– Это американец, – сообщил Лев Львович.

– Да, и правда, похож, – одобрил я. – А женщина?

Ее я узнал сразу.

Кошачий разрез глаз, широкие скулы, ярко очерченный выразительный рот, темные волосы, модная короткая стрижка.

– Красивая, – прокомментировал Яша Гольдман. – На артистку похожа.

Это была та самая молодая женщина, которая сидела за столиком у окна в «лягушатнике» на Невском в тот день, когда Тонечка сообщила мне о своем намерении строить личное счастье с товароведом. Я еще послал ей

на столик бутылку шампанского. И это была хорошая новость: «артистка» существовала на самом деле, а не была плодом алкогольных галлюцинаций злоупотребляющего отдыхом инженера.

Глава 3. Эффект гориллы

Неделя пролетела, осыпавшись отрывными листками календаря. Август перевалил свою середину, зарделась еще бледным красным цветом рябина, в перезрелой тяжелой листве вдруг замелькали мазками желтого цвета первые увядшие листья, как обидная ранняя седина. Жара не кончалась, дождей не было и дым все не проходил, как будто все мы засиделись у пионерского костра, давно погасшего, но еще чадающего из-под серого пепла, и уже все прокоптились, и надышались до одури дымом, но все равно сидим молчаливым кружком, хотя никто, даже вожатые, больше не верит, что в тлеющих сырых головнях осталась искра, из которой может разгореться пламя.

Вражеские голоса все так же усердствовали по ночам, словно потерявшее страх воронье, окружающее смертельно раненного, но еще грозного витязя. Жена диссидента академика Сахарова Елена Боннэр готовилась укатить в ссылку в Горький, сопровождаемая хором плакальщиц из ВВС, «Голоса Америки» и «Свободной Европы». Торжественно открыли игры «Дружба-84». Исчезнувшего ученого – как его? Ильинский? – так и не нашли, как и его спутницу. На границе совсем закрутили гайки, а «Интурист» прекратил продажу путевок даже на год вперед вплоть до особого распоряжения. «Вежливые люди» тихо отсиживались где-то, и я не думал, что они когда-то снова объявятся, учитывая сумму, которой они разжились на последнем налете. Борю Рубинчика похоронили на Южном кладбище рядом с мамой.

На рынке подержанных автомобилей на проспекте Энергетиков вместо попрятанных нами хитроумных мошенников Черного Гоги появились дерзкие парни, не утруждавшие себя изобретением изощренных способов отъема средств у граждан, а просто вырывавшие из рук деньги, бывшие жертву кулаком в лоб и бесхитростно убегавшие прочь. Грабежи были по моей части, организованные преступные группы – ребят из шестого отдела, и боксеры с автомобильного рынка добавили всем нам работы.

Тем не менее, дело, которое я привычно называл «делом Рубинчика» не выходило у меня из головы. В четверг поздно вечером я съездил к стоянке такси у «Петроградской» и часа два потратил на разговоры с шоферами, пока не нашел двоих, подвозивших Борю в последние ночи его жизни, с 10-го на 11-е и с 11-го на 12-е августа. Адрес был один и тот же: набережная канала Круштейна^[10], недалеко от площади Труда, в самом

центре города. Оба раза Боря выходил из машины рядом с одним из домов и скрывался во дворах. Думаю, что назад он возвращался или тем же манером, сев в такси на одной из ночных стоянок, или просто поймав с руки частного.

Днем в пятницу я выкроил время и для начала наведалься в исполком. В вестибюле на высокой тумбе, обтянутой черным крепом, стояла большая фотография в траурной рамке. С нее смотрел, широко открыв глаза и вперив взгляд в неизвестное, светловолосый молодой мужчина с упрямо сжатыми губами. Рядом в высокой вазочке стояли две красные гвоздики. На двери, ведущей в приемную, висело рукописное объявление: «Приема нет». Тем не менее секретарша Трусана была на рабочем месте: невысокая, приятная дама лет пятидесяти. Звали ее Валентина Федоровна, и она была из тех верных и закаленных опытом секретарей, что способны и решительно осадить слишком назойливых посетителей, и трогательно позаботиться о горячем чае для руководителя, не дожидаясь просьб и напоминаний.

– Капитан Адамов из управления, – представился я, не уточняя, какое именно управление имею в виду.

– Был обычный приемный день, – рассказала Валентина Федоровна. – Вам ведь известно, какая сейчас ситуация с выездом за рубеж, но люди все равно идут и идут, как будто Петр Сергеевич мог что-то изменить.

Я разложил перед ней листки с портретами «артистки», «американца», Саввы и его спутницы.

– Кто-нибудь из этих граждан приходил к Петру Сергеевичу?

Она мельком взглянула и сразу ответила:

– Ну да, вот эти двое, – и уверенно показала на фотороботы, составленные при помощи Льва Львовича. – Пришли как раз перед обедом, без записи, я еще их пускать не хотела, но женщина эта как-то так ловко мимо меня прошмыгнула – и в кабинет. Ну, я слышу, что Петр Сергеевич с ней поздоровался, заговорил, вроде как не против, и тогда уже мужчина тоже зашел. Они пробыли недолго, минут пять, и ушли. Дверь закрыта была. Потом я смотрю – на часах уже два, а товарищ Трусан очень пунктуальный... был, он и на работу, и на перерыв выходил всегда вовремя, минута в минуту. А тут – нет и нет. Ну, я постучала сначала, думаю, может, заработался. Тишина. Потом первую дверь открыла, и тогда уже почувствовала этот запах... Пойдите, я же это уже вашим товарищам рассказывала?

В ее затуманившихся было глазах быстрой тенью мелькнуло недоверие.

– Проверка, – сурово ответил я и откланялся.

Дворник у гостиницы «Прибалтийская», долговязый нескладный юноша со старческой бородой, который обнаружил в машине то, что осталось от капитана дальнего плавания, по фотопортретам никого не опознал.

– У меня зрение минус восемь, – объяснил он, поправляя толстые круглые очки в металлической оправе. – Я и в армии поэтому не был. А этих двоих видел издали, и то со спины: я как раз дорожку мел, под балюстрадой, с обратной стороны гостиницы, а они из машины вышли и направились в другую сторону. Заметил только, что мужчина и женщина, на женщине еще платье было такое, яркое, красное, кажется.

Дежурство в субботу оказалось на диво спокойным, и я решил заняться анализом собранной информации. Для начала выделил две группы потерпевших: погибших при обстоятельствах, которые без всякой натяжки можно было назвать необычными, и потерпевших от налетов «вежливых людей». Рубинчик входил в обе группы, что дало мне основания объединить их. Я взял лист бумаги, вывел наверху «Боря» и выписал все известные факты, которые считал важными:

- смерть от невыясненных/необъяснимых причин
- был ограблен «вежливыми людьми»
- занимался незаконной деятельностью
- имел связи с преступными кругами
- при ограблении, кроме денег, похищен предмет искусства
- был хранителем «общественных» денег
- находился под наблюдением КГБ
- был в разработке сразу нескольких отделов уголовного розыска
 - имел связи с иностранными гражданами/отношение к поездкам за рубеж
 - контакт с разыскиваемым лицом (девушка из ориентировки госбезопасности)
 - на месте гибели видели пару «артистка и американец»
 - незадолго до гибели ездил ночью на канал Круштейна
 - связи с другими потерпевшими (по номерам в записных книжках): Саша Нос, Алик.

Я посмотрел на получившийся словесный портрет личности яркой и поистине незаурядной, убедился, что не упустил ничего важного, и

применил этот список, как лекало, к остальным своим фигурантам, принимая отсутствие информации за «нет». Очень важное правило при логическом анализе, помогающее избежать надуманности и предположений, способных окончательно запутать все дело. Стоит допустить, что Саша Нос тоже катался ночами к площади Труда, или что товарищ Трусан, при всей его кристальной репутации ответственного работника, имел связи в криминальных кругах, и аналитика пойдет прахом, напротив всех пунктов вместо бескомпромиссных, как единица и ноль, «да» и «нет» появится одно сплошное «возможно», а в строгих уравнениях когнитивной логики места вероятностям быть не должно.

Трусан

- смерть от невыясненных / необычных причин
- имел отношение к поездкам за рубеж
- незадолго до смерти на месте происшествия видели «артистку» и «американца».

Капитонов

- смерть от невыясненных причин
- имел контакты с иностранцами, постоянно выезжал за рубеж
- по информации от специального отдела, занимался спекуляцией валютой
- имел связи с преступными кругами
- был известен специальному отделу уголовного розыска
- непосредственно в момент гибели на месте происшествия видели мужчину и женщину, по описанию отчасти схожих с «артисткой» и «американцем»
- связи (по информации от спецотдела): Саша Нос

Саша Нос

- ограблен «вежливыми людьми»
- с энтузиазмом занимается незаконной деятельностью

- прекрасно известен в преступных кругах
- в разработке нескольких отделов уголовного розыска
- имеет контакты с иностранными гражданами
- связи (по оперативной информации): Рубинчик, Алик, Капитонов

Алик

- феерично ограблен «вежливыми людьми»
- ветеран преступной деятельности
- в эпицентре преступных кругов
- наблюдается всеми возможными подразделениями и отделами милиции
- связи (по оперативной информации): Рубинчик, Саша Нос

Леонов и Семенцов

- первые потерпевшие от «вежливых людей»
- воровали в меру своих способностей
- под наблюдением ОБХСС

После некоторых раздумий, я снова разделил группы и выделил более двух признаков, общих для троих погибших. Получился короткий список:

- смерть от невыясненных/необычных причин (3)
- занимались незаконной деятельностью (2)
- имеют отношение к преступным кругам (2)
- находились под наблюдением КГБ или правоохранительных органов (2)
 - имели контакты с иностранными гражданами или отношение к поездкам за рубеж (3)
 - в момент гибели или незадолго до этого на месте происшествия замечены «артистка и американец» (3)

Что из этих объединяющих признаков уникально для мертвых и отличает их от живых? Если исключить сам факт смерти и маячившую поблизости странную пару, то список будет состоять всего из одной

строчки: они все имели отношение к зарубежным поездкам или контактировали с иностранцами. Единственным исключением в виде валютчика Саши Носа можно пренебречь; к тому же, кто знает, долго ли он проживет и не придется ли Генриху Осиповичу Левину в скором времени находить формулировки для описания причин еще одной немислимой смерти.

Я закурил, просмотрел записи, прищурился от дыма, хотел открыть окно, но потом вспомнил, что оттуда поползет запах болотной гари, и продолжил дымить в кабинете. Потом взял еще один лист бумаги и вывел:

8 августа: КГБ закрывает выезд из города и страны; пропал Савва Ильинский; погиб Трусан.

9 августа: погиб Капитонов; визит спутницы Ильинского к Рубинчику.

10, 11 и 12 августа: Рубинчик активно интересуется способами пересечь границу и по ночам ездит на канал Круштейна.

13 августа: Рубинчик погиб.

Медведь пукнул, сова ухнула, лисичка съела зайчика. Или нет?

Я еще раз посмотрел на короткий перечень дат и событий, соединил линиями в разных комбинациях, обвел в неровный круг, заштриховал, скомкал и выбросил в корзину, а потом, за неимением пока лучших решений, подал фоторобот «артистки» и «американца» во внутреннюю ориентировку к поиску, как подозреваемых по делу «вежливых людей». Дежурство заканчивалось, и воскресенье я решил посвятить прогулке по тем местам, куда покойный Рубинчик ездил ночами, выбираясь в город потайными ходами «академического» дома.

Ночью мне приснился кошмар.

Я проснулся в абсолютной, кромешной, какой-то космической темноте. Тело едва слушалось и было онемевшим, будто бы я отлежал себе все конечности разом. С трудом ворочаясь, я ощупал тумбочку в поисках выключателя ночной лампы, не обнаружил его, еле поднялся, покачиваясь и борясь с приступами иррационального, животного страха, направился к двери в коридор – и почувствовал чей-то взгляд. Из потусторонней глубины длинного зеркала в дверце шкафа на меня смотрела высокая женщина с красивым скуластым лицом и темными волосами – только сейчас они были не острижены, а развевались полотнами черного шелка, словно колыхаясь в глубине подземных озер. Холодное изумрудное сияние глаз завораживало,

как хрустальный шар ведьмы. Я замер. Женщина некоторое время пристально смотрела на меня, а потом подмигнула и улыбнулась.

* * *

Узкий и длинный квартал из двух десятков домов вытянулся между каналом Круштейна и Красной улицей^[11] от площади Труда до Ново-Адмиралтейского канала. На старых картах он именовался кварталом Кракенгагена, и был образован, среди прочих, доходными домами Овандеров, Радинга-Пистолькорс и Друкера – такая вот изощренная топонимика, характерная для ленинградского центра, память о времени, когда дома эти гордо высились розовыми, канареечными и голубыми фасадами над темной лентой канала, как юные городские пижоны начала века, разряженные по последней моде и уверенные в том, что будущее – это череда подарков судьбы и успехов. Извинительное заблуждение молодости, которое проходит со временем, одновременно безжалостным и благосклонным. Оно прокатилось через квартал чередой разрушительных волн: анфилады внушительных комнат превратились в узкие коридоры, сами комнаты без всякого сострадания разделялись перегородками на две, а то и на три, новый быт не щадил старый паркет и витражные стекла; проникающие ранения от неразорвавшихся бомб и снарядов оставили шрамы на внутренних стенах и внешних фасадах; дождь, морской ветер, испарения скрытых в подземных глубинах болот, годы и годы постепенно делали свое дело, и розовый, канареечный, голубой под слоем копоти и городской пыли превратились в почти одинаково серые, а крепко сложенные кирпичные стены осели и сгорбились, удерживаемые деревянными перекрытиями, ноющими по ночам, как старые кости. Сгинувшие в чехарде минувших лет Овандер, Радинг-Пистолькорс и Друкер с трудом бы признали свои дома в этих пропитанных сыростью, посеревших, изрытых кротовыми норами узких проходов и коммунальных трупоб, подслеповато тарасившихся мутными окнами инвалидах, как десятилетия не видевшие своих дедов правнуки не могут узнать их в похожих на тени обитателях дома призрения.

Между домами Друкера и Овандеров был проход, довольно широкий для ленинградского центра, что означает невозможность одним плевком покрыть расстояние от стены до стены. Оба таксиста сказали, что Боря именно здесь входил во дворы во время своих ночных экспедиций. Это еще совершенно не значило, что цель его вылазок находилась поблизости: он

мог конспирации ради пройти через дворы на Красную улицу или даже успеть перебраться через мост Лейтенанта Шмидта^[12] до того, как его разведут, и оказаться на Васильевском острове. Проверить этого было нельзя, и я предположил, что Боря ограничился в маскировке своих ночных предприятий тем, что тайно выбирался из дома, да и адрес поездки был всегда один и тот же, он его не менял.

Я прошел между домами и попал в довольно обширный двор с чахлым сквериком посередине и пивным ларьком, уютно расположившимся справа, как привалившийся к стене пьяница, нашедший укромный уголок. Слева была высокая, изжелта-серая неровная стена брандмауэра с грязными потеками и двумя окнами, торчащими посередине. Сквер представлял собой три скамейки, расставленные вокруг неровного пятна пыльной травы с одиноким деревцем в центре. У ларька, по случаю дня воскресного, уже выстроилась оживленная длинная очередь страждущих, являвших социальный срез местного пестрого общества: бодрые балагуры из рабочего класса с эмалированными бидонами и пятилитровыми банками в сетчатых сумках-авоськах, потрепанные философы коммунальных кухонь с нечесаными бородами, маргиналы из котельных и дворницких – кто в нелепой помятой шляпе с опущенными полями, кто в длинном свалывшемся свитере, несмотря на жару, кто в плаще, накинутом на голое тело.

Впереди двор сужался, превращаясь в проход между стеной и выступом дома с окнами на три стороны и входной дверью на лестницу, которую можно было назвать как угодно, но только не парадной. За проходом был узкий продолговатый двор с дверью черного хода в замусоренном тупике и низкой сумрачной аркой, ведущей дальше, в лабиринты квартала Кракенгагена. Я немного покружил по каменным катакомбам: четыре, пять, шесть дворов, тесных, как устремленные в марево жаркого неба печные трубы – и такие же закопченные; дворницкие; открытые настежь толстые двери подвалов, в сырую тьму которых вели стершиеся ступени; покосившиеся сараи с жестяными крышами; потеревшиеся от грязи окна в арках; провалы в асфальте, прикрытые досками, будто волчьи ямы; двери и таблички с номерами квартир, перед логикой последовательности которой спасовал бы и Фибоначчи; недружелюбные озабоченные коты и звуки неистового утреннего скандала, глухим эхом разносящиеся из открытого окна кухни. Я не без труда выбрался обратно на набережную через арку с покосившимися железными воротами, метрах в ста от того места, где зашел во дворы, и вздохнул с облегчением.

Мне требовался проводник.

Штаб-квартира местного участкового располагалась на первом этаже сносно сохранившегося трехэтажного дома на самом углу квартала. Массивная деревянная дверь с двумя врезными замками была закрыта, но не заперта. За дверью находился узкий вытянутый кабинет с зарешеченным тусклым окном, в открытую форточку которого проникали звуки улицы и пыльный горячий воздух. Обстановку составляли несколько шатких стульев с засаленной обивкой, излохмаченной ерзавшими правонарушителями, когда-то зеленое кресло, продавленное до самого пола и с подлокотниками, покрытыми сигаретными ожогами, шкаф с толстыми пыльными папками, оружейный сейф в углу, и в качестве элемента декора – пожелтевший и уже почти раритетный плакат «60 лет советской милиции». На облезлой доске канцелярской кнопкой прижата листовка с синим уголком, с которой смотрели Ильинский и рыжая девушка. В правом углу у окна виднелась решетка узкого, как пенал, помещения для административно задержанных, откуда несло плохо отмытой рвотой. Под окном стояли две табуретки, на одной из которых примостился электрический чайник, а на другой высился большой гипсовый бюст вождя мирового пролетариата с непочтительно нахлобученной набекрень милицейской фуражкой.

Сам участковый потел за выдавшим виды столом. Он был молод, но полноват, редкие волосы прилипли к покрасневшему лбу, расстегнутый галстук лежал на объемистом животе, удерживаемый форменной заколкой. В руках участковый держал журнал «Крокодил» и внимательно изучал карикатуры, прихлебывая чай из стакана и закусывая конфеткой «Каракум», покачивая головой в такт одноименной песни из динамика старого приемника. Когда я вошел, он оторвал взгляд от журнала и посмотрел на меня осуждающе. Я подошел и достал удостоверение.

– Капитан Адамов, уголовный розыск.

Участковый подскочил, задел животом вздрогнувший стол, стремительно сорвал фуражку с головы Ильича, надел на себя и неловко вскинул к козырьку пухлую ладонь:

– Лейтенант Куница! Здравия желаю, товарищ капитан!

Он подцепил пальцами галстук и торопливо принялся прилаживать его на место. Я сел.

– Вольно, Куница, – и, подумав, добавил: – Головной убор можете снять.

Лейтенант с облегчением снял фуражку, бережно положил ее перед собой на стол, выдохнул, сел и спросил:

– Чаю хотите?

– Не время сейчас, лейтенант. Я к тебе по серьезному делу.

Он изобразил озабоченность на лице и подался вперед.

– Видел у себя на земле кого-нибудь из этих граждан?

Куница мельком взглянул на портреты и отрицательно замотал головой.

– Никак нет.

– Уверен?

– Точно. – Он бесцеремонно ткнул пальцем в лоб «артистке» и пояснил: – Я бы ее запомнил.

– Добро. – Я убрал листки в карман и продолжил: – Ситуация непростая. Про «вежливых людей» слышал?

Лейтенант закивал.

– Так точно.

– По оперативной информации, кто-то из них скрывается у тебя на участке. Двое, может быть, трое. Ты когда поквартирный обход делал последний раз?

– На прошлой неделе.

– Новые жильцы, подозрительные лица, что-то необычное, что привлекло внимание?

Куница наморщил лоб.

– Да вроде нет, товарищ капитан. Всё как обычно, без особых происшествий. Драка была в пятницу на Красной, в квартире, где Молоховы и Вавилонские, ну так они там всегда дерутся, война у них. Хорошо, что без поножовщины пока. На забулдыг наших местных жалобы поступали, что ночью песни орут в скверике, где пивной ларек, но с ними беседы провожу регулярно. А так спокойно все.

– Подвалы, чердаки, подсобные помещения регулярно проверяешь?

– Этим мой помощник занимается, два раза в неделю, по средам и субботам. Вчера, получается, должен был обходить.

– Должен был или обходил?

– Да он парень ответственный у меня, товарищ капитан...

Я нахмурился.

– Пойми, Куница, тут дело не только уголовное, но и политическое. На контроле у Комитета государственной безопасности, контрразведка предметно интересуется. Не исключено, что все эти налеты – идеологическая диверсия, часть большой игры империализма против Советского Союза, понимаешь?

– Да, – ответил лейтенант несколько испуганно: то ли действительно

прочувствовал серьезность момента, то ли начал опасаться за мое здравомыслие.

– Ну а если да, то сколько пустующих жилых помещений на вверенном участке?

– Ни одного, – быстро сказал он.

– Куница! Дело государственной важности! Могут и как пособничество квалифицировать.

– Ну, хорошо, – сдался участковый. – Четыре комнаты всего. Три в домах по Круштейна, одна на Красной. Трое жильцов сидят на разных сроках, а в одной комнате бабуля померла недавно, родственники пока не объявились.

– Кому сдаешь?

– Бесплатно разрешил пожить, честное слово! – вскинулся он. – Студенты, на одну стипендию существуют! Надо же помогать людям, товарищ капитан!

Я не стал развивать тему альтруистических инициатив лейтенанта Куницы. Меня интересовало другое. К кому бы и зачем ни приезжал по ночам покойный Рубинчик, вряд ли они обделывали свои дела в коммуналке, где из каждой двери торчит любопытный соседский нос, к каждой замочной скважине прижат глаз, а к электрической розетке – ухо.

– Отдельные квартиры есть на участке?

– Есть, но мало совсем. В доме Овандера бывшая дворницкая на первом этаже и в Радинга-Пистолькорс – там хорошая, большая, окна на канал, эркер. В ней доцент Евстигнеев проживает с женой и тремя дочками.

– А пустых нет? В отпуске кто-то, или в длительной командировке, или на дачу укатил на все лето?

Куница засмеялся.

– Нет, товарищ капитан, у нас контингент такой – дач нет, в командировки не ездят.

Я вздохнул. Перспектива анализировать полный список жильцов и искать связи с Рубинчиком, или Трусаном, или Капитоновым не радовала.

– Еще же ведомственные есть, – неожиданно вспомнил Куница. – Да, точно, две отдельные квартиры!

Он полез в ящик стола, достал толстую тетрадь в бумажном переплете и принялся листать пожелтевшие разлинованные страницы.

– Так... сейчас... Квартиры ЛЕНАЭРОПРОЕКТ и ЦНИИ Робототехники и технической кибернетики, одна у Овандера, другая в доме Друкера на Круштейна.

– Живет там кто-то сейчас?

– Никого. Они для тех, кто в командировки из других городов приезжает.

– Пойдем посмотрим.

Куница прицепил галстук, застегнулся, надел фуражку, и мы вышли на улицу. Походка у участкового была неспешной, развалистой и цепкой, какой и подобает быть у представителя органов правопорядка на вверенной территории. Мы снова прошли мимо пивного ларька. Народу прибавилось, очередь стала еще длиннее, вокруг трех покосившихся высоких столов топталось по мокрой от пивной пены земле человек пятнадцать с кружками и поллитровыми банками; у газончика в сквере двое сосредоточенных мужичков расстелили на поребрике газету, прижали углы пивными кружками и раскладывали тараньку. На скамеечке у брандмауэра сообщали на троих, аккуратно разливая поллитра в складные стаканчики. Куница метнул пронзительный взгляд и исподтишка погрозил кулаком. Здоровенный мужик с сивой гривой и выпученными глазами, смотревшими в разные стороны, символически спрятал бутылку под полый засаленного пиджака и стал ждать, когда мы пройдем мимо.

Вход в нужный двор был как раз рядом с лавочкой: узкая арка в глухой стене, ведущая во мрак длинного, как тоннель, тесного лаза. Мы прошли через пованивавшую селедкой темноту арки и попали в небольшой прямоугольный двор довольно пристойного вида. Две арки в левой и правой стене вели соответственно на набережную канала и в глубины кракенгагенского квартала. Рядом с правой аркой находилась дверь под покосившимся железным козырьком.

– Так, здесь квартира ЛЕНАЭРОПРОЕКТа. Нам на второй этаж.

Мы стали подниматься по широким и очень низким ступеням, то семеня, то перешагивая через две или три, то и дело оступаясь при этом. На площадке второго этажа было две двери, расположенных рядом друг с другом. Ведомственную квартиру я определил сразу: на косяке рядом с дверью висел только один, сравнительно новый звонок, а не восемь разнокалиберных кнопок. Куница отдышался после подъема, приосанился и нажал на звонок. Трель отдалась тихим эхом. Мы подождали немного. Куница пожал плечами и для порядка надавил на кнопку еще раз. Результат тот же.

– Я же говорил, никого. В ведомственные если и заезжает кто-то, сразу в жилконтору идут, отмечать временное пребывание, а оттуда мне сообщают.

Мы снова прошли через темный тоннель и отправились в глубь квартала. Опять миновали ларек, где набирала обороты полуденная

вечеринка, прошли мимо выступа дома с входной дверью и окнами на три стороны, вошли в еще одну арку и попали во двор, за которым по Красной улице проезжали редкие автомобили.

– Тут направо, – сказал Куница, уверенный, как опытный лоцман на сложном фарватере.

Он провел меня под коротенькой галереей с пыльным окном, повисшей между двумя домами, и показал:

– Здесь.

Старая разохшаяся дверь открывалась только наполовину, упираясь в асфальт. Командированным робототехникам повезло меньше, чем авиаинженерам: лестница была узкой и какой-то кривой, воняло крысиным ядом, мочой и несвежим дыханием парящих труб из разверстого зева подвала. Железные грязные перила липли к рукам. Между узких оконных рам с разбитыми стеклами сохли мертвые мухи, на треснувшем вдоль подоконнике стояла пустая бутылка из-под портвейна «Агдам» и граненый стакан, полный окурков от папирос.

– Не «Астория», конечно, – прокомментировал Куница. – Зато отдельное жилье со всеми удобствами, а что еще командированному надо, верно? И лестница малонаселенная.

На тесных площадках было всего по одной квартире. Мы поднялись на третий этаж и подошли к двери, через которую в начале века кухарки принимали поставщиков овощей и молока, а горничные, таясь и краснея, бегали на свидания к шоферам. Куница нажал на звонок. Тишина.

– Не работает, – констатировал он и постучал в дверь кулаком.

Ничего.

– Хозяева! – зычно возгласил лейтенант и снова забарабанил кулаком.

Наверху лязгнул замок, скрипнула дверь и старушечий треснутый голос пронзительно закричал:

– Чего стучишь, ирод?!

– Клавдия Макаровна, это участковый! – отозвался Куница. – Все в порядке, отдохайте!

– Чтобы ты сгнил! – взвизгнул голос, а следом дверь громыхнула так, что под потолком закачалась лампочка на лохматом от грязи шнуре.

– Вот такие нравы, – смущенно прокомментировал лейтенант. – Ну что, уходим?

Мы вернулись в его кабинет.

– В общем, так, товарищ лейтенант. Дело, еще раз повторяю, очень серьезное и, возможно, государственной важности.

– Понял, – серьезно кивнул участковый.

– Сегодня же вечером дай задание своему помощнику... как, кстати, его зовут?

– Вася. В смысле, Василий. Старшина Василий Ишков.

– Значит, поставь задачу товарищу Ишкову проверить эти квартиры еще раз. Пусть послушает у дверей, посмотрит на окна, не горит ли свет. Если выяснится, что там кто-то живет, немедленно сообщить мне лично. Вот рабочий телефон, вот домашний.

Я записал несколько цифр на листке перекидного календаря.

– Дальше. Прошу лично и с привлечением помощника патрулировать участок. Желательно, каждый час. Установите посменное дежурство. Приказывать я тебе не могу, только попросить, но, если нужно, придет распоряжение руководству РУВД из Главка.

Куница, проникшись важностью миссии, замахал руками.

– Не надо, товарищ капитан. Одно дело делаем.

– Ориентировку я тебе оставляю. Тебе должны такую же из РУВД передать, но это пока еще будет – несколько дней пройдет. А время дорого. Если эти двое здесь появятся – один или оба – немедленно сообщай мне. Не найдешь – звони начальнику третьего отдела полковнику Макарову, требуй у дежурного, чтобы соединил, ссылайся на меня. Не получится – просто вызывай дежурную оперативную группу из района, говори, что здесь «вежливые люди», они разберутся.

– Задачу понял. Не волнуйтесь, товарищ капитан, не подведу.

Я встал и протянул руку.

– Спасибо, лейтенант. До встречи.

Воскресный полдень наваливался торжествующим жаром. Даже голуби куда-то попрятались, но у меня был выходной, и захотелось прогуляться пешком. Я родился и вырос на Лесном проспекте, после армии жил в новостройках, и центр города с детства был для меня чем-то вроде заповедной старинной гостиной дворянского дома, в котором я обитал сначала в людской, а потом и вовсе в какой-то конюшне. Тут все было иным: непохожие друг на друга дома, узкие нарядные улицы, балконы, статуи, мосты, парки, дворцы и музеи, и даже сумрачные лабиринты дворов-колодцев или inferнальные трущобы Коломны для меня, мальчишки из рабочих кварталов Выборгской стороны, казались наполненными хоть и непривычным, но по-своему очаровательным колоритом. Поэтому я вышел на площадь Труда и отправился к мосту Лейтенанта Шмидта, намереваясь пройти потом по набережным Васильевского.

Я переходил набережную Красного Флота^[13], когда справа

послышались многоголосые торжествующие крики. Из дверей Дворца бракосочетания выходили свежесочетанные молодожены, и собравшиеся по такому случаю в ликующую толпу друзья и родственники встретили пару победным ревом, который через пару секунд превратился в неизбежное и ритмично пульсирующее «Горько! Горько!». В воздух полетели рис и мелкие деньги. Молодые супруги принялись целоваться, подняв градус всеобщей радости до небывалых значений. Я топтался на переходе, ждал зеленого сигнала светофора и поглядывал в сторону готовой к пению и пляскам свадьбы. На невесте было пышное, как зефир, платье и фата объемом со стог сена.

Уже мрачней, я перешел дорогу. По мосту мне навстречу промчалась белая «Волга» с двумя переплетенными кольцами на крыше и свадебной куклой на радиаторной решетке. У куклы задорно развевались по ветру синтетические светлые кудри.

Настроение испортилось окончательно. Жаркий влажный воздух лип к телу, как горячий компресс. Дым сигарет был горек, как торфяной чад в воздухе, но я все равно выкурил по дороге полпачки. Ни по каким набережным, я, естественно, гулять не пошел, а просто угрюмо вышагивал, стремясь поскорее добраться до какой-нибудь станции метро, а так как ближе всего была «Василеостровская», то довольно скоро я оказался на Среднем проспекте, в том месте, где он пересекается с Первой линией. Пройти оставалось всего ничего, но по пути оказался пивной бар «Шмель», а я к тому времени уже успел так накрутить себя разными мыслями – от того, что надо было все-таки поговорить со знакомыми из ОБХСС по поводу Тонечкиного товароведа, до оценки смысла и ценности собственной жизни, – что мимо пройти не смог.

Если «Висла» была вполне приличным пивным рестораном с элементами роскоши в виде гардероба, меню, официантов и вышибалы на входе, то «Шмель» являл собой классический образчик пролетарской пивнушки с простыми нравами и неприхотливым обычаем. Никаких сидячих мест не было и в помине – только высокие круглые столы с мощными утяжелителями, которые мешали использовать их, как оружие, или свалить, облокотившись в пьяном бессилии. Пол был покрыт выщербленной крупной плиткой, из закусок предлагались сухари, липкая килька на кусочках заветрившегося хлеба, зерна вареной кукурузы и почему-то яйца под майонезом, так долго лежавшие под заляпанным стеклом маленького прилавка, что выглядели резиновым муляжом. За стойкой царила выдавая всякие виды буфетчица такой могучей наружности, что ни в каких вышибалах не было нужды, и мастерски

создавала купаж из собственно пива, водопроводной воды, дрожжей, димедрола и стирального порошка, смешивая эти ингредиенты в различных пропорциях в зависимости от настроения, симпатий и личных финансовых планов.

В моем тогдашнем состоянии это было ровно то, что нужно.

В воскресенье «Шмель» гудел, как разогретый переполненный улей: громкий гомон, выкрики, перебранка, ядреный потный дух, перегар, запах вяленой рыбы, разлитой водки и единственного туалета, лишенного двери на случай, если там кто-то уснет. Я кое-как протолкался к стойке, взял сразу две кружки «Жигулевского» и нашел себе место у окна рядом со входом. Поверхность стола была горячей и липкой. Я залпом выпил сразу половину кружки, закурил и стал смотреть в окно, рассеянно прислушиваясь к разговорам. Говорили, как водится, о злободневном: о дыме, рассказывая небылицы о том, что в области уже сгорело несколько деревень, но об этом, понятно, молчат; об Америке и неизбежной войне: «друг моего свояка в ракетных войсках служит, так он говорит, что уже и дата назначена»; про Афганистан – и слухи превосходили самые мрачные повести заокеанских пропагандистов; о квартальной премии, начальнике-идиоте, злой жене, мужьях Пугачевой и НЛО, который точно видели прошлой ночью над Сестрорецком. В дальнем углу громко спорили, при ком жилось лучше, при Лёне или при Сталине; дискуссия шла на постепенно повышающихся тонах, но сторонники покойного ныне генсека явно побеждали числом седоусого сурового старика, кричавшего, что Иосиф Виссарионович уж навел бы порядок. Я затушил окурок о подоконник, допил первую кружку и взялся за вторую.

– Простите, не помешаю?

К столику втиснулся какой-то тип, явно попавший в «Шмель» по ошибке. Серый летний костюм пошит на заказ, чуть ослабленный галстук повязан вокруг безупречного ворота светлой рубашки, на манжетах которой поблескивали золотом запонки. Среднего роста, аккуратная стрижка, внимательный взгляд, благообразный, спокойный, точно старше тридцати лет, но меньше сорока – точнее определить возраст я затруднился, ибо у незнакомца был тот тип лица, что, достигнув определенных лет, практически не меняются с годами.

– Нет, присоединяйтесь.

Он осторожно поставил на стол полную кружку и встал рядом, стараясь не касаться рукавами края столешницы. Я опять закурил, искоса наблюдая. Незнакомец вздохнул, поднял кружку, внимательно посмотрел на ее содержимое, словно бы собираясь с духом, и произнес:

– За ваше здоровье, Виктор Геннадьевич!

Я повернулся к нему. Он улыбался, но серые глаза оставались серьезными.

– Ну, и что дальше? – спросил я.

Он пожал плечами.

– Да, в общем-то, ничего. Хотел поинтересоваться, как продвигается дело.

– Какое?

– А вот это.

Он полез во внутренний карман пиджака, вытащил сложенный вчетверо лист бумаги, развернул и положил на стол. Это была поданная мной внутренняя ориентировка с портретами «артистки» и «американца».

– Ваших кистей работа, Виктор Геннадьевич?

– А вы, собственно, кто? – осведомился я.

– Начальник особого отдела 22-го управления Комитета государственной безопасности.

– Очень приятно, а я начальник заготконторы Ватикана. Такого управления не существует, я знаю структуру Комитета.

– Структуру Комитета до конца не знает никто, – назидательно ответил он. – Ибо в доме Отца моего обителей много.

– Удостоверение показать можете?

– Зачем? Мы сейчас говорим неофициально.

– Не убедил. Со всем уважением, товарищ, идите на хер.

Я сделал глоток пива и отвернулся. Тип напротив сокрушенно вздохнул и произнес:

– Вы Адамов Виктор Геннадьевич, 1955 года рождения, уроженец города Ленинграда. С 1973 по 1975 год проходили срочную службу в пограничных войсках на территории Таджикской ССР. Имеете поощрения и награды за отличную службу, участвовали в ликвидации банды Шарипова, демобилизовались в звании старшего сержанта. С 1976 по 1981 год учились в Школе милиции. Кандидат в мастера спорта по самбо, победитель юношеской городской спартакиады 1971 года. В прошлом году представлены к государственной награде за успешную работу по делу банды Короленкова, что я лично считаю вполне заслуженным – и не спорьте, всем известно, кто раскрутил зацепку с похищенными книгами, а потом и самого Короленкова нашел, когда тот скрывался в дачном поселке. В настоящее время проживаете с родителями по адресу: Серебристый бульвар, дом 18, корпус 2, а две недели назад вас бросила невеста Антонина. Теперь убедил?

Соображать было трудно и не хотелось, но упоминание невесты Антонины решило дело.

– Предположим. Что вам нужно?

– Вы дважды подавали заявление на поступление в Высшую школу КГБ, в 1981 и в 1982 годах, оба заявления были отклонены. А потом подавать больше не стали. Что такое? Потеряли надежду или прониклись корпоративной милицейской солидарностью?

– Поумнел.

– Это хорошо. Нам восторженные романтики не нужны. А подавали зачем?

– Хотел заниматься настоящим делом.

– И такая возможность вам представляется прямо сейчас. Насколько я знаю, вот это, – он показал на лежащую между нами бумагу, – Вы составили еще до того, как посетили секретаршу трагически погибшего товарища Трусана. Надо сказать, что получилось у вас поинтереснее, чем у меня. Вот, сравните.

Он снова полез в карман и выудил еще один листок. На нем, очевидно, тоже были изображены «артистка» и «американец», но женщина больше походила на азиатку, а мужчина – на сурового прораба со стройки.

– Грубовато, не находите? Предлагаю начать с разговора о том, какие обстоятельства послужили к составлению вашего варианта портретов этих примечательных граждан.

Я отставил в сторону кружку. Нужно было собраться с мыслями, но местный пивной коктейль этому никак не способствовал. Кем бы ни был мой визави, момент он выбрал прекрасно. Я подумал немного и сделал вынужденный ход, чтобы выиграть время.

– Как вас зовут?

Он чуть улыбнулся.

– Можете называть меня Кардинал.

– Не повезло с именем.

– Считайте, что это оперативный псевдоним.

– Вот что я вам скажу, товарищ Кардинал: не считая моего непосредственного руководства, за последнюю неделю вы третий, кто обращается ко мне с просьбами информировать о ходе и деталях расследования обстоятельств смерти Бори Рубинчика.

– Но я вас и не спрашивал про Рубинчика, – заметил Кардинал. – Это в его квартире видели этих двоих?

Я мысленно проклял и «Шмель», и гнусное пиво, и себя самого.

– Не совсем и не только, – уклончиво ответил я. Блеф был жалким, но

ничего другого не оставалось.

– Вы сказали, что я третий. Положим, первый – это Жвалов, а кто второй?

– Толя Пекарев, знаете такого? Рубинчик распоряжался финансами его группы.

– А, ну это пожалуйста, – махнул рукой Кардинал. – Ну так как, расскажете про «не совсем и не только»?

– Мне хотелось бы объяснений.

– Справедливо. Видите, я пришел с открытым забралом, – он приподнял руки, показывая ладони. – Я расскажу вам, что могу, хотя, честно признаюсь, в этом деле и для меня много неясного. Но слушайте.

Примерно полтора года назад в НИИ связи ВМФ началась работа над проектом особой важности и совершенной секретности. Понятно, что в военном научно-исследовательском институте мало найдется тем, предназначенных для широкой публики, но в данном случае уровень секретности изначально был высоким и со временем только усиливался: если на начальном этапе к оценке предварительного теоретического обоснования еще привлекали экспертов из числа самых авторитетных ученых, то в последний год доступ к материалам имели только члены специальной комиссии Министерства обороны, числом не более десяти. Как вы понимаете, мне суть проекта известна только в очень общих чертах и по понятным причинам я не буду о ней распространяться. Достаточно сказать: значение этих изысканий таково, что работа курировалась на самом высоком уровне руководства военного ведомства, а успех мог бы привести к настолько решительному превосходству над потенциальным противником, что повлиял бы, ни много ни мало, на геополитическую карту мира.

Проект вела группа из двух ученых: Саввы Ильинского и Евгения Гуревича. Масштаб исследований предполагал использование огромного количества человеческих и вычислительных ресурсов – сами о том не догадываясь, необходимую черновую работу выполняли десятки и сотни ученых. Фактически в последнее время на Ильинского и Гуревича работали едва ли не все профильные научные институты Министерства обороны. Это обычная практика: ключевые задачи дробятся на составляющие элементы, каждый из которых в виде приоритетного задания поступает в какой-нибудь «почтовый ящик». Похоже на огромную мозаику, при создании которой сотни подмастерьев науки старательно раскрашивают свой фрагмент, не представляя картины в целом, композицию которой создавали Ильинский с Гуревичем. Первый был идеологом и

интеллектуальным центром; насколько я понял, сама идея возникла у него едва ли не случайно, в ходе какой-то теоретической интеллектуальной игры. Есть такая то ли версия, то ли исторический анекдот, что знаменитая формула эквивалентности массы и энергии из общей теории относительности Эйнштейна стала отправной точкой для исследований, которые привели к созданию атомной бомбы. Видимо, и тут получилось что-то в таком роде. Гуревич – тоже талантливый молодой ученый, одних авторских свидетельств на изобретения больше двухсот – в этой паре отвечал за инженерные разработки и практическую реализацию, а человеком, от которого единолично зависел успех всего дела, был именно Ильинский.

– Полагаю, за ними присматривали.

– Верно полагаете. Жвалов курировал этот проект от контрразведки и в самом начале работы, еще год назад, внедрил в ближнее окружение Гуревича своего человека. Кроме этого было и оперативное прикрытие, и агентурное наблюдение, все, как положено.

– Почему не более серьезная охрана? Могли бы взять такие ценные кадры под полный контроль.

– Не хотели дарить противнику разведпризнак. То, что двух малоизвестных сотрудников ленинградского НИИ вдруг начинают оберегать, как союзного министра, не осталось бы незамеченным. Чаще всего лучшая защита – это секретность, а ценности или важные документы порой находятся в большей безопасности в потертом кейсе у неприметного, скромного клерка, чем в броневике с десятком-другим автоматчиков.

– Тем не менее что-то пошло не так, – заметил я.

– Виктор Геннадьевич, нам противостоит умный, опытный, сильный противник, который не уступает ни в профессионализме, ни в техническом оснащении, ни в уровне внутренней мотивации. В бою двух равных мастеров неизбежен обмен болезненными ударами, а шапкозакидательские настроения оставим пропагандистам, это их хлеб. Жвалов, кстати, при всей своей солдафонской манере, вовсе не так прост: как-то мне довелось быть с ним вместе на одном посольском приеме, и я лично слышал, как он полчаса разговаривал с французским атташе по культуре на его родном языке о Лафонтене и Бомарше, и был при этом деликатен и мягок, как женский парикмахер. Да и работу свою он знает.

Работа над проектом шла неплохо, так что на конец третьего квартала – это практически через месяц – было назначено итоговое заседание специальной комиссии, по результатам которого предстояло принять решение о начале этапа практической реализации. Ставки росли,

контрразведка тоже усилила работу, и в середине июня в Москве раскрыли предателя. Ни много ни мало, сотрудник Министерства обороны и член комиссии по проекту Ильинского и Гуревича. Подробности сейчас не важны, но из оперативных данных следовало, что после совещания, получив, как и все члены комиссии, материалы итоговых разработок, он должен был передать их через связного резиденту вражеской агентурной разведки. Как только данная информация была получена, проверена и подтверждена, в один из просторных кабинетов министерства – тех, что с ковром от двери до массивного стола величиной с сельский аэродром и полным собранием сочинением классиков марксизма в застекленных шкафах из красного дерева, – пришли двое сотрудников контрразведки и в пять минут перевербовали предателя. С учетом вариантов и перспектив, на это обычно и не требуется больше времени. Жвалов собирался через разоблаченного изменника выйти на связного, а потом накрыть и всю нелегальную шпионскую сеть, но вышла осечка. Немного недооценили психологический фактор. Перевербованный чиновник Министерства пришел домой и в тот же вечер повесился в ванной на собственных подтяжках. След оборвался, но стало ясно: вражеская разведка знает о проекте, его сути, прекрасно представляет значимость, имеет информацию о сроках реализации и, что особенно важно, о ключевых персонах. Ильинского и Гуревича с места срывать не стали, но меры приняли: от дома и до работы возили на специальных автомобилях с охраной и машиной сопровождения, каждый раз меняя маршрут, и деликатно ограничили в передвижениях, не связанных с профессиональной деятельностью. В отношении Ильинского это не составляло труда, он и так практически никуда, кроме как на работу, не выходил, а Гуревич – человек общительный, яркий, с насыщенной личной жизнью и периодически пытался выйти из поля зрения сотрудников, как правило, вечерами. Но, во-первых, внедренный к Гуревичу агент под прикрытием контролировал ситуацию ежедневно, докладывая о положении дел, так сказать, изнутри, а во-вторых, за его запутанными ночными маршрутами все же следили, хотя и делали это скрытно, чтобы не давить лишний раз на психику. К тому же одновременно велась отработка контактов и связей удавившегося предателя, а тут еще эта «Дружба» – на подобные мероприятия слетаются под видом членов команд и сопровождающих агенты всех более или менее уважающих себя разведок мира, и шпионов сейчас в стране, как клопов в старом матрасе – так что контрразведке было чем себя занимать. И вот представьте себе, что в такой ситуации за месяц до завершения критически важного этапа работы Ильинский исчезает бесследно. Разумеется, первой и

основной версией стало его похищение.

– Уверены, что не вербовка?

– Исключили практически сразу. Во-первых, ни анализ биографии – совершенно прозрачной, с легко проверяемыми фактами едва ли ни по каждому дню жизни, – ни психологический портрет, ничто не указывало на такую возможность. Никаких сомнительных высказываний, подозрительных интересов. Очень уравновешенный, спокойный, замкнутый, одержимый работой, настоящий ученый, некоторые даже утверждают, что гений. Круг общения крайне узок, можно сказать, что его почти нет: из близких людей только Гуревич и мама, с которой он и живет и к которой очень привязан. А во-вторых, обстоятельства исчезновения. Ильинский в последние несколько месяцев приобрел привычку поздно засиживаться, а то и вовсе ночевать на работе. Вполне объяснимо: человек увлеченный, а тут и сроки подходят, к тому же такой энтузиазм нужно поощрять, особенно с учетом важности задач. Да, беспорядок, и местный особист был недоволен, что на режимном предприятии для кого-то режим не писан, но для Ильинского, несомненно, исключение можно было сделать. Как я уже и говорил, его всегда, без всяких исключений, сопровождали минимум двое сотрудников. В ту ночь они, как обычно, дежурили в машине у главного входа в НИИ. Внутри, кстати, коридоры патрулируются дежурным по этажу, и еще на вахте внизу трое вооруженных людей. Вечером, около одиннадцати часов, к нему заехал Гуревич, провел в помещении их лаборатории около часа и отбыл примерно в полночь на такси. Забегая вперед, скажу, что о его дальнейших перемещениях в ту ночь известно буквально поминутно и ничего подозрительного в них нет.

Ильинский не выходил, а когда примерно в шесть утра в лабораторию вошли сотрудники госбезопасности, то никого не обнаружили. Более того, не обнаружили они и ни одного рабочего документа: расчеты, чертежи, черновые заметки – пропало абсолютно все, и на столах не было не единого листа бумаги, только аккуратно разложенные ручки, карандаши, калькулятор и логарифмическая линейка. Чувствуете масштаб события? Ни дежурный на этаже, где находится лаборатория, ни офицер, обходивший здание, ни смена охраны на проходной ничего подозрительного не заметили. Не видели ничего и двое оперативников, дежуривших в машине у входа. Ключевой разработчик проекта чрезвычайной секретности и особой важности исчез бесследно, а с ним и все материалы с расчетами и обоснованиями по последнему, ключевому этапу работы, восстановить которые не представлялось возможным – только Ильинский знал, как

нужно сложить кусочки мозаики из формул и цифр, для любого другого они представляли просто разрозненный набор бессвязных фрагментов.

Кардинал замолчал, осторожно сделал маленький глоток из своей кружки и сморщился.

– Что говорит Гуревич? – спросил я.

– Нечто бессвязное, – уклончиво ответил мой собеседник. – Ничего такого, что могло бы дать зацепку Жвалову и его людям.

– А мама Ильинского?

– В крайне подавленном состоянии. Савва ее единственный сын, она всю жизнь растила его одна, и для нее это внезапное исчезновение, несомненно, страшный удар.

– Я полагаю, за ней наблюдают?

– И наблюдают, и прослушивают телефон. И за ней, и за всеми, кто в последние лет тридцать был знаком с Ильинскими: соседи, дальние родственники, одноклассники, одногруппники по университету, пусть даже он ни с кем из них не поддерживал связь годами, даже на встречи выпускников никогда не ходил.

Я задумался.

– Без более полной информации по делу трудно что-то сказать. Я бы начал с осмотра рабочего места и всего НИИ, пусть даже ваши коллеги там сто раз все проверили и изучили. Послушал бы еще раз дежурных офицеров и наблюдавших за Ильинским оперативников, потому что ответ «ничего не видел» – это не ответ, после него нужно спрашивать, а что вообще человек видел, что он делал, и восстанавливать все по минутам, а то и по секундам. И в «нечто бессвязном» Гуревича разобраться как следует.

– Все верно, все верно, – покивал Кардинал. – Но это не моя забота. И не ваша, к счастью для вас. Нет, как сотрудник Комитета и как гражданин я, безусловно, озабочен и разделяю, но в этом деле меня интересует нечто совершенно другое.

– И что же?

– Так вот это, – он показал на фоторобот. – А также вот это.

Кардинал снова полез в карман, вынул еще один лист бумаги, сложил его пополам вдоль и тоже положил на стол. Рядом с портретами «артистки» и «американца» поверх сигаретных отметин, засохших пивных пятен и табачного пепла лежало изображение таинственной спутницы Ильинского.

– Вот эта барышня связывает в деле о пропаже засекреченного ученого контрразведку и мое управление.

– А чем занимается ваше управление?

– Пусть пока это останется за скобками нашего разговора.

– А фоторобот откуда?

– Позвольте уклониться от ответа.

– Что-то ваше открытое забрало постоянно падает, товарищ Кардинал, – заметил я.

Он развел руками.

– Специфика работы, не обессудьте. Все, что мог и что было нужно для понимания общей картины, я рассказал.

– Хорошо, а от меня вы чего хотите?

– Когда погиб Трусан, на место вызвали сотрудников моего отдела – в силу особенностей происхождения. Со слов секретарши покойного нам удалось составить портрет тех, кто последним заходил в его кабинет – не слишком удачный, как видите. На следующий день обнаружили труп Капитонова. Единственным свидетелем оказался этот дворник неформальной наружности, – Вы с ним говорили, я полагаю?

– Да. Он заметил, как из машины капитана вышли двое, мужчина и женщина, но ничего больше сообщить не смог, сослался на слабое зрение и на то, что видел их издалека.

– Ну, а очки ему на что? – резонно заметил Кардинал. – Только, чтобы на Леннона быть похожим? С нами этот юноша был более разговорчив. Он со своей метлой прохаживался взад и вперед по дорожке под балюстрадой, и, когда первый раз проходил мимо машины, видел в салоне, кроме водителя, еще двоих, вот этих самых, с портрета. А потом уже, когда дошел до конца здания и повернул обратно, заметил, как они вышли. Проходит несколько дней, и вдруг появляется информация, что капитан третьего отдела уголовного розыска, некто Адамов, подает в розыск ориентировку на эту же примечательную пару, обратившую на себя наше внимание при таких выдающихся обстоятельствах. Я не мог не заинтересоваться. И вот оказывается, что они отметились еще и у Рубинчика, смерть которого, насколько мне известно, тоже нельзя назвать тривиальной, и к которому, согласно сообщению соседки по дому, до этого заходила юная спутница Саввы Ильинского. Я не без оснований подозревал, что между этими тремя есть определенная связь, но теперь, благодаря вам, уважаемый Виктор Геннадьевич, эти подозрения подтвердились. Чего я пока не понимаю, так это как вам удалось выйти на случаи Трусана и Капитонова. Единственное, что приходит в голову – вам мог рассказать об этом один судмедэксперт, некто Левин, но в это мало верится. Вы с ним не настолько близки, а он умеет быть молчаливым.

Последние слова прозвучали как-то зловеще.

– У меня свои методы, – веско сказал я. – Аналитика, логика, дивергентный подход.

– В это верится больше, – согласно кивнул Кардинал. – Я знаю, что именно вы догадались, что Шарипов работает в паре с Юнисом и использует тройной переход, чтобы сбить пограничников со следа. Сколько вам было тогда, девятнадцать? Или работа по делу этого мошенника Сенчина – кто тогда взялся на его школьные дневники и расшифровал код, который тот придумал еще пионером и которым переписывался с подельниками при помощи доски объявлений? Маленький шедевр сыскного дела, никак иначе. Собственно, поэтому я и решил предложить вам поработать вместе, некоторым образом, на общественных началах.

– А если нет?

– Ну, грозить сорвать звезды с погон уж точно не буду, я же не Жвалов. Но мне почему-то кажется, что вы согласитесь, Виктор Геннадьевич. Вы ведь и так уже занимаетесь этим всем исключительно из любопытства, я прав? И уж точно не полагаете всерьез, что импозантная пара, навестившая Трусана и Капитонова, имеет отношение к «вежливым людям». Просто вы – сыщик, и не можете видеть странность или загадку без того, чтобы не взяться ее разгадать. Я предлагаю вам вместе поучаствовать в приключении, которое выпадает один раз в жизни, да и то не всем, причем на партнерских началах. Видите ли, у меня есть отличные информационные ресурсы, неплохие административные возможности, но маловато оперативных. Мой отдел внутри управления сформирован сравнительно недавно, людей не хватает, уровень подготовки кадров во многих случаях оставляет желать много лучшего, потому что в нашей сфере деятельности требуется нестандартное мышление, дивергентное, как вы точно заметили, а с этим у многих проблемы. Если так вышло, что мы оба занялись одним делом, то почему бы не поработать вместе на условиях взаимовыгодного сотрудничества и обмена оперативной информацией? Мои ресурсы, ваш розыскной талант – мне кажется, у нас может получиться неплохо.

– С открытым забралом?

Он слегка поклонился.

– Партнерство – это процесс. Я рассказал сегодня достаточно много такого, чего вы не знали и узнать вряд ли бы смогли, а Вы только про Рубинчика обмолвились. Итак, можно считать, что мы договорились?

В дальнем конце зала диспут между сторонниками генсека и генералиссимуса перешел в стадию конфронтации: седоусый грозный старик прижал своего более молодого оппонента к стенке и свирепо тряс за

грудки, а тот, раскинув ладони, увещевающе и пьяно кричал: «Папаша! Папаша!». Несколько человек пытались их растащить, но только толкались и мешали друг другу. За соседним столиком кто-то рассказывал про друга двоюродного брата, которому точно известно, что в Афганистане американцы с вертолетов расстреляли целый полк наших солдат. Где-то сосредоточенно разливали водку в пивные кружки, отмеряя количество по числу булькнувших в бутылке пузырьков.

– Договорились, – ответил я.

– Вот и хорошо.

Кардинал вынул записную книжку в кожаном переплете с золотым обрезом страниц, толстую металлическую ручку со стержнями четырех разных цветов, черкнул несколько цифр и слов, вырвал листок и подал мне.

– Вот мой номер телефона. Звоните в любое время. Если не застанете, оставьте сообщение, мне передадут и довольно быстро.

Он отодвинул в сторону свою почти полную кружку и встал. Мы пожали друг другу руки, улыбаясь, как главы двух государств, только что подписавшие ничего не значащий договор о сотрудничестве, но надеющиеся использовать его каждый к своей выгоде.

– Один вопрос, – окликнул я Кардинала, когда он уже взялся за ручку двери. – Как вы меня здесь нашли?

– Магия, – серьезно ответил он и был таков.

1.50 – 2.15.

– Знаете, что такое «эффект гориллы»? – спросил Адамов.

– В общих чертах, – ответил я.

– То есть, нет, – констатировал он.

В семидесятые годы двое ученых из университетов Иллинойса и Гарварда проводили эксперименты в рамках изучения так называемой психической слепоты, явления, которое мешает человеку увидеть безусловно заметные явления окружающего мира, которые, тем не менее, при определенных условиях становились невидимыми для наблюдателя. Группе испытуемых дали задание следить за игрой двух баскетбольных команд и тщательно подсчитывать количество сделанных передач – задача, требующая очень высокой концентрации на определенных объектах: игроках и мяче. В какой-то момент на поле появлялся человек в костюме гориллы. Гулял там пару минут и уходил. Так вот по итогам опроса после игры половина участников эксперимента гориллы не замечали.

– Это объяснимо, они были сосредоточены на другом.

– Верно. В обиходе называется «не обратил внимания». Но есть и еще

одна, более глубокая причина: они не ожидали увидеть на поле гориллу. Для участников опыта это противоречило смыслу происходящего, и мозг отказался видеть то, чего не может быть, просто пренебрег этим явлением. Понимаете?

Наш мозг принимает к анализу куда меньше той информации, что предоставляют ему глаза, которые сами по себе инструмент несовершенный, как и все наши органы чувств. Например, мы воспринимаем звуки только в определенной частоте. Нам недоступны так называемый ультра- и инфразвук, хотя первым можно буравить металл, его слышат собаки и используют для ориентирования летучие мыши, а второй угнетает физическое состояние, воздействует на нервную систему человека, может свести с ума, а в некоторых случаях – и убить. Человеческое зрение основано на преобразовании электромагнитного излучения светового диапазона, но наши глаза различают лишь часть его спектра, оставляя прочее за пределами восприятия. Мы окружены звуками, которые не слышим, явлениями, которые не способны увидеть чисто физически, будто узники, которым только и доступно для взгляда, что кусочек неба, заштрихованный рисунком решетки. Но глаз – это только инструмент, объективно фиксирующий поступающие из внешнего мира сигналы. То, что мы видим, сообщает наш мозг, преобразующий и интерпретирующий эти сигналы в информацию. А он может ошибаться, а то и вовсе обманывать.

Есть такая историческая легенда, согласно которой индейцы Южной Америки не увидели кораблей Колумба, когда тот прибыл к их берегам. В их памяти не было ни одного образа, который хотя бы частично соотносился с увиденным, сознание оказалось не в состоянии обработать зрительную информацию, и мозг пренебрег полученными сигналами как не имеющим смысла хаосом. Так что мы мало что видим, даже технически, еще меньше замечаем, а то, что все-таки заметили, интерпретируем в соответствии с нашими знаниями, опытом и памятью. Согласитесь, в таких условиях сложно утверждать доказательную объективность высказывания «я собственными глазами видел». А что видел?

– Солипсизм какой-то, – заметил я.

– Не выражайтесь, – строго ответил Адамов. – Вы как диагноз поставили сейчас.

– Это отрицание объективной реальности.

– Знаю, в общих чертах, – проворчал он. – Но что такое объективная реальность, воспринимаемая эмпирически? Вот вам простой пример: по небу летит нечто, излучающее яркий свет. В зависимости от эпохи и типа

сознания наблюдателя это явление может быть воспринято совершенно по-разному. В нем можно увидеть огнедышащего змея; спешащего по своим делам демона или ангела с пылающим мечом, кому что ближе; бога, планету Нибиру, метеорит, баллистическую ракету, метеозонд или «летающую тарелку». Причем наш гипотетический наблюдатель именно так и опишет свои впечатления, и со всей убежденностью: я видел демона, летящего по небу как огненный шар, или идущий на посадку корабль пришельцев с габаритными огнями и реактивным пламенем из ракетных дюз.

– А можно просто сказать: я видел неопознанный летающий объект, разве нет?

– Можно. И это будет говорить больше о вас, чем о наблюдаемом явлении: значит, ваш мозг, анализируя увиденное и исходя из личного вашего опыта, мировоззрения, воображения, в конце концов, выбрал в итоге именно такую формулировку. Это то, что вы смогли рассмотреть. А если это был действительно ангел или дракон? Возможно, ваш мозг отказался воспринимать всерьез рассекающего ночное небо крылатого змея, покопался в базе данных памяти, знаний и убеждений и выдал обтекаемое заключение – «неопознанный летающий объект». Когда человек сталкивается с незнакомым и необъяснимым явлением, то мозг помогает ему справиться с увиденным, и в итоге встреча в лесу с чем-то или кем-то неведомым превращается в столкновение с лешим, свиданием с эльфом, контактом с инопланетным пришельцем или следствием воздействия нелинейной электромагнитной флюктуации. И каждый из тех, кто расскажет об этой встрече, будет по-своему прав. Только гориллу так никто и не видит.

Я обрадовался возможности вернуться к прерванному рассказу о событиях тридцатилетней давности, ибо разговор о превратностях человеческого восприятия реальности грозил стать бесконечным.

– Виктор Геннадьевич, а применительно к вашей истории в чем заключался «эффект гориллы»?

Адамов нахмурился, припоминая, но вспомнилось ему явно что-то другое, потому что он вдруг набрал в легкие побольше воздуха и крикнул:

– Наташа! Наташа!

Официантка стремительно вынеслась откуда-то со стороны кухни порывом летнего ветра.

– Наташенька, вот это все можно убрать, – он обвел стол широким жестом, – и принести еще по двести. И сок какой-нибудь, наверное, томатный?

– Томатный подойдет, – согласился я.

– Вот, и сок томатный. Мы у вас тут засидимся, похоже. Да, и еще...

Адамов немного наклонился вперед и поманил Наташу рукой. Она тоже нагнулась, придерживая светлые волосы.

– Наташа, – заговорил он, заговорщицки понизив голос, – а где тут можно покурить?

Она выпрямилась и замахала руками.

– Ой, что вы, что вы! В поезде нигде нельзя! Сами мучаемся...

Адамов улыбнулся.

– У вас пачка тонких сигарет в заднем кармане. И зажигалка там же.

Наташа ойкнула, завертелась, как кошка, которую ухватили за хвост, и покраснела.

– Ну, вы же нас понимаете, – проникновенно продолжил Адамов, – это какое-то гетто, геноцид для курящих, восьмичасовая пытка. Пойдете навстречу?

И посмотрел на нее так, что Наташа снова зарделась, но уже как-то иначе, потом быстро огляделась по сторонам, согласно кивнула и громко зашептала:

– Хорошо, мы скоро остановимся, нас перецеплять будут к другому локомотиву, и я тогда подойду, можно будет открыть дверь и покурить.

– Большое вам человеческое спасибо!

Наташа собрала со стола тарелки, улыбнулась и отправилась восвояси. Адамов провел рукой по лбу и спросил:

– Так, на чем я остановился?

– На разговоре с Кардиналом.

– А, да. Вспомнил. После той встречи в «Шмеле» на первый взгляд могло показаться, что огромный кусок головоломки с ходу встал на место, но на самом деле все еще сильнее запуталось. Иногда обилие информации гораздо больше усложняет задачу, чем ее отсутствие: легко решить уравнение с одним неизвестным, но, когда к нему добавляется еще пара-тройка, завязанных в какую-нибудь мудреную интегральную функцию с косинусами, решение становится проблематичным. Подтвердилась только очевидность моей догадки, что отношение к зарубежным поездкам и контактам с иностранцами действительно является важнейшим и определяющим признаком для погибших. Можно было предположить, что Ильинского каким-то образом похитила или заставила сбежать рыжая девица, являющаяся вражеским шпионом; КГБ предсказуемо забил тревогу, перекрыл все возможные выходы из страны, и она была вынуждена обращаться к тем, кто хотя бы теоретически в состоянии помочь выбраться

за рубеж: Трусану, Капитонову, который относился к категории граждан, чья деятельность «обеспечивала экономические интересы государства», а потому мог в ближайшее время выйти в море на своем корабле, держа курс к империалистическим берегам, даже к Рубинчику, способному придумать что-то для пересечения границы по своим каналам. Опять же, можно предположить, что все они были завербованы иностранной разведкой: смог же супостат найти предателя в самом сердце Министерства обороны. Но никакой логикой не объясняется в таком случае, кто убил этих троих – а в том, что они были именно убиты, сомневаться не приходилось. Похитившим Ильинского лазутчикам это было без надобности, версия причастности сотрудников госбезопасности не достойна была даже родиться на свет: «артистка» и «американец», очевидно причастные к этим смертям, оставались неизвестны и Жвалову, и Кардиналу, да и превентивное истребление возможных пособников иностранных шпионов ничего общего не имеет ни с методами КГБ, ни со здравым смыслом. Тогда кто эти двое, в течение нескольких дней наносящие роковые визиты то чиновнику исполкома, то капитану дальнего плавания, то подпольному бизнесмену? Какова их цель? Что их связывает с Саввой Ильинским и его спутницей – если связывает? Каким оружием они проделали то, что было сотворено с Трусаном, Капитоновым и Рубинчиком? Напрашивалось предположение, что Ильинский наизобретал нечто такое, что способно мгновенно поджаривать людей, заставляя кипеть кровь или сводить с ума – не зря же проект курировался военным министерством, – но в таком случае, как это оружие оказалось у зловещей пары, причем явно в готовом к употреблению виде, когда в конце сентября только заканчивался этап подготовки теоретико-технического обоснования?

Меня не покидало ощущение, что я не вижу во всем этом какого-то одного, простого ответа и что мешает его увидеть то, что всегда помогало: мои знания и оперативный опыт. Я обращал внимание на ключевые факты, анализировал и комбинировал их так, как делал это всегда, и, подобно тем индейцам, не заметившим испанских кораблей, даже предположить не мог, какую переменную следует применить, чтобы решить это запутанное уравнение.

– Но в итоге вы заметили ту самую невидимую гориллу? – настойчиво спросил я.

– О да. И не я один. Хотя тогда никто из нас так и не понял, что именно мы увидели и с чем столкнулись.

Глава 4. Сингулярность

Нас было семнадцать человек на шести машинах и бывалый пес Цезарь, рвущийся реабилитировать себя после проявленного у дома Рубинчика малодушия. До появления отрядов специального назначения, которые сейчас вызывают для захвата особо опасных преступников, оставалось еще несколько лет, и на задержания обыкновенно выезжала группа захвата из оперативных сотрудников, вооруженных только табельными ПМ, без бронежилетов, касок и пуленепробиваемых щитов, но с решимостью дать бой любой банде головорезов. Правда, и головорезы в те времена вооружались преимущественно финками и обрезами охотничьих ружей, изредка имея в арсенале гуляющие по стране со времен войны ТТ, «наганы» и те же ПМ, раздобытые преступным и нередко кровавым путем – или же трофейные немецкие пистолеты, как у «вежливых людей». Впрочем, будь у предполагаемых разбойников даже автоматы Калашникова, это бы ничего не изменило ни в составе нашей группы, ни в ее оснащении.

В машине с закрытыми окнами сгустилась та особая, влажная и пахучая духота, какая всегда бывает в тесных помещениях, куда набилось несколько взрослых мужчин, но на этот раз к запахам табака, пота, оружейного масла, кожи, бензина и одеколона примешивался отчетливый дух псины: Цезарь сидел на заднем сиденье, втиснувшись волосатым поджарым задом между Шамранским и участковым Куницей, и шумно дышал мне в ухо.

Я взялся за рацию.

– Саша, что там у вас?

– Сидят, в салоне темно.

– Зубровин?

– То же самое, габариты выключены, двигатель заглушен. Похоже, никуда ехать не собираются.

– Вася?

– Я, товарищ капитан!

Я вздохнул.

– Вася, я знаю, что это ты. Доложи обстановку.

– В тринадцатой скандал, кажется, опять Свистунов с дружками...

– Старшина Ишков! – прорычал Куница, перегнувшись с сиденья. – По делу!

– Все тихо, товарищ лейтенант... и товарищ капитан.

– Добро.

Через пару минут рация снова ожила.

– Товарищ капитан, – голос полковника Макарова был натянутым, строгим и немного торжественным, как на партсобрании. – Товарищ начальник уголовного розыска интересуется обстановкой.

– Передайте товарищу генерал-лейтенанту, что обстановка не изменилась, – ответил я. – Ждем.

Масштаб события достиг пугающих величин. Впрочем, это было неудивительно: предстояло не просто задержать каких-то уличных грабителей, нет – планировался захват членов банды неуловимых и дерзких «вежливых людей», и их арест должен был не только поставить точку в череде громких налетов, о которых руководству уголовного розыска напоминали на каждом совещании в Главке, но и очистить от подозрений честь милицейского мундира, утерев нос комитетским выскочкам. Правду о том, что те, на чье задержание мы выдвинулись таким серьезным составом, не имеют к прославленным налетчикам ни малейшего отношения, знал только я, и от этого мне было не по себе.

– Уверен, Витя? – спросил меня Макаров, когда я едва ли не ворвался к нему в кабинет для согласования операции.

– Так точно, товарищ полковник, – ответил я, не моргнув глазом. – Уверен.

– Ну, тогда действуй. Я буду в оперативном центре, наблюдать за ходом событий.

И добавил, чуть не выбив у меня слезу:

– Надеюсь на тебя.

Я поспешил выйти из кабинета, но у самых дверей он меня окликнул:

– А как тебе удалось их вычислить?

– Работаем, Иван Юрьевич, – скромно ответил я и ретировался.

А теперь вот еще и генерал-лейтенант. Я старался не думать о том, что скажу и как буду объясняться, когда «артистку» и «американца» доставят в управление: все, что у меня было против них в рамках моей компетенции – это подтвержденное одним сомнительным свидетелем присутствие на месте гибели Рубинчика, смерть которого однозначно квалифицирована, как самоубийство. Оставалась смутная надежда на то, что от серьезных неприятностей сможет прикрыть Кардинал, но даже если бы нет, отступать я не собирался. То, каким изощренным и неведомым способом были убиты Трусан, Капитонов и Боря, меня волновало в еще меньшей степени: если бы эти трое были изрешечены автоматными очередями, я бы, наверное, еще

задумался о риске, которому подвергаю себя и товарищей; но смерть, вестниками которой была таинственная пара, выглядела настолько противоестественно и дико, что я не ощущал реальной опасности. Так, верно, никогда не видевший огнестрельного оружия дикарь без страха бежит с копьем на винтовку.

Куница позвонил в десять часов вечера в понедельник, и было большой удачей, что я допоздна задержался на работе. Такого быстрого результата я не ожидал и даже не сразу понял, кто и зачем звонит.

– Они здесь, товарищ капитан! – прозвучал в трубке чей-то возбужденный голос.

– Кто они? Кто говорит?

– Это лейтенант Куница, участковый с Круштейна, – он говорил почему-то шепотом и частил, словно с передовой. – Они здесь, двое, с вашей ориентировки.

Их заметил помощник участкового Вася Ишков, не спеша обходивший квартал и уже собравшийся идти домой – обратил внимание на автомобиль, припаркованный во дворе, чуть дальше пивного ларька, как раз напротив выступа дома с окнами на три стороны. Легковые машины не часто появлялись в этих дворах, а это была роскошная новая «семерка» цвета ночного неба со сверкающей решеткой радиатора и хромированными молдингами по бокам. Вася засмотрелся, сбавил шаг, а потом увидел в неверном отсвете фонаря мужчину и женщину, неподвижно сидевших в салоне. Он подумал было, что пара уединилась здесь для дел деликатного свойства, а потом пригляделся получше – и узнал.

– Куница, вызывай дежурную опергруппу из района, жди, наблюдай и сам не лезь на рожон. Мы скоро будем.

Сборы заняли несколько минут. От моего отдела со мной отправились Отари Гвичия и Рома Белов: первый – отличный стрелок, принимавший участие в ликвидации Короленкова, второй – мастер руля, водитель-профессионал. От второго отдела присоединился Игорь Пукконен, дежуривший в этот вечер, и я был рад, что он с нами: никто не знал, как пойдет дело, и его знаменитая выдержка и хладнокровие могли пригодиться в решающую минуту. Шестой отдел обеспечил ударную силу, центр нападения – братьев-близнецов Бодровых, приглашенных звезд любой группы захвата, рядом с которыми давешний светловолосый атлант на страже дверей кафе «Три звезды» выглядел бы как мирный студент-первокурсник. Мастера спорта по классической борьбе, оба за два метра ростом, с лицами берсерков и почти наголо постриженными бугристыми головами, они одним видом могли парализовать сопротивление самых

лютых злодеев. В довершение я взял с собой Шамранского с Цезарем, формирование непобедимой армады было закончено, и мы полетели в ночь на двух машинах: старой «копейке», на которой я недавно катался в гости к Леночке с Левиным, и новой, специально подготовленной «Волге» с Ромой Беловым за рулем.

Местные оперативники прибыли раньше и ждали нас неподалеку во главе с самим начальником районного уголовного розыска майором Зубровиным. Его явно выдернули по тревоге, когда он отдыхал в уюте домашнего очага, ибо одет майор был в тренировочные штаны и застиранную майку с наброшенным поверх нее пиджаком, а пахло от него как от человека, который только что принял первую, самую радостную и желанную рюмку перед горячим ужином.

– Со мной еще трое, – сообщил он. – Один в машине на Красной, на случай, если эти вдруг на ту сторону решили бы прорваться. И двое здесь, вот: Миша и Саша.

Миша был высок, худ, нескладен и неказист, чего не скажешь о Саше: густые светлые волосы, модная короткая стрижка, спортивная фигура, крепкое рукопожатие, в общем, превосходство над Мишей по всем статьям являлось очевидным кроме того, что Саша была девушкой – явление для уголовного розыска и сейчас довольно редкое, а тогда практически уникальное.

– Где Куница? – спросил я.

– Перекрывает ворота вместе с помощником, – пояснил Зубровин. – Я распорядился до вашего приезда. Три выхода из квартала на Красную и два – на канал, закрываем и запираем цепями. Им теперь из двора один путь, мимо нас.

Запыхавшийся Куница, весь перемазанный маслом и ржавчиной, появился через несколько минут и обрадовался мне как родному, будто пехотинец – кавалерийскому командиру, прибывшему на выручку в трудный момент. За ним следом неторопливо шел его помощник Ишков, совсем молодой паренек, мечтательно-серьезным выражением лица и подростковой фигурой похожий на мальчишку, уговорившего красноармейцев принять его в отряд трубачом. Из раздутого кармана его форменного кителя торчал кулек с ирисками «Золотой ключик».

Мы собрались вокруг «Волги», и Куница разложил на теплом капоте план квартала. Зубровин зажег карманный фонарь. От площади слышался шум проезжающих редких автомобилей, как замедляющееся дыхание засыпающего города. Было тихо, и даже дым почти растворился в неподвижном вечернем воздухе, будто пожары далеко на окраинах затаили

дыхание. Черная вода в канале стала ровной, как толстое зеркало, и в ней отражались яркие синие фонари и темные силуэты старинных зданий Новой Голландии.

– Предположительно, базой преступников является одна из двух квартир, расположенных вот здесь и вот здесь, – я показал на плане апартаменты ЛЕНАЭРОПРОЕКТ и НИИ Робототехники. – Наша задача: дождаться, когда подозреваемые начнут движение, и осуществить задержание у входа в квартиру.

– Их только двое, – заметил Пукконен. – Что с остальными?

– Возможно, придут позже. Или уже находятся на квартире. Теперь обсудим тактику и дислокацию.

Машину районного уголовного розыска решили оставить на Красной улице на тот случай, если злодеям все-таки удастся как-то открыть или протаранить ворота.

– Там у меня такой парень, Сёма, он за рулем – сам Нельсон Пике^[14], – сообщил Зубровин. – Никого не упустит.

Местные оперативники на правах хозяев земли выдвинулись в передовой дозор: майор, под видом подгулявшего ханыги, – на лавочку напротив пивного ларька, Миша и Саша в образе романтически настроенной пары – в парадную рядом с автомобилем подозреваемых, откуда должны были вести наблюдение из окна лестничной клетки. Васю Ишкова я отправил в короткую галерею между домами рядом с жуткой парадной, где располагалась квартира для командированных робототехников. Остальные ждали сигнала в машинах.

– Как только они выйдут, фиксируем направление движения и скрытно выдвигаемся следом. Основная группа задержания: я, Бодровы, Шамранский, Куница, Миша и Саша. Отари с Зубровиным остаются контролировать их автомобиль, Рома и Игорь – в наших машинах на случай, если мы допустим прорыв. Не представляю, как такое возможно, но лучше перестраховаться.

Мы поставили автомобили по двум сторонам от въезда во двор, разошлись и стали ждать. Ожидание скрашивал в основном Куница:

– Товарищ капитан, а если они уезжать соберутся?

– Возьмем на выезде из двора.

– А если так и будут сидеть, никуда не поедут и не пойдут, мы что, тоже всю ночь их караулить будем?

– Да, сколько понадобится.

– Товарищ капитан, вот странно, что среди «вежливых» женщина, да?

– У местного угрозыска тоже Саша.

– Да вот я и говорю, странно.

Через полчаса по рации нам сообщили, что для помощи на случай непредвиденных ситуаций прибыло два экипажа ППС, скрытно занявших позиции на Красной улице и на набережной рядом с площадью Труда. Еще через сорок минут Макаров вышел на связь и сказал, что все оперативные службы города приведены в состояние повышенной готовности. Ну а вот теперь еще выясняется, что в оперативный центр прибыл сам начальник уголовного розыска Ленинграда, чтобы лично следить за ходом операции. Немного подождем, и дойдет до самого начальника ГУВД.

Но до генерал-майора дело дойти не успело.

Ожила рация и сквозь шипение помех послышался спокойный голос Саши:

– У нас движение.

И через секунду:

– Вышли из машины, направляются в сторону «робототехников». Вася, внимание!

– Есть внимание.

Я быстро переключил канал и произнес скороговоркой, уже распахивая дверцу автомобиля:

– Товарищ полковник, начинаем операцию! Повторяю, начинаем операцию!

Макаров что-то сказал в ответ, но я его уже не услышал.

Мы выскочили из машин и устремились вперед быстрым шагом, почти сразу же перейдя на ровный бег, словно атакующий взвод. С лавочки напротив ларька поднимался Зубровин, поправляя кобуру под расстегнутым пиджаком, с ним поравнялся Гвичия, и они направились к «семерке», блестящей в ночном свете, как драгоценный агат. Ухнула дверь, из парадной выскочили Миша и Саша и присоединились к нам. Темные подворотни гулким эхом откликнулись на топот наших шагов. Ритмично дышали Бодровы, пыхтел где-то сзади Куница, Цезарь азартно сипел, роняя слюни и натягивая поводок. Мы пробежали через дворы и свернули направо. В окне галереи за пыльным стеклом маячила бледная физиономия Васи Ишкова: он беззвучно, точно рыба в аквариуме, раскрывал рот и показывал пальцем на двери парадной.

– Саша, Миша – внизу, страхуете, Бодровы – вперед, Шамранский – вторым, Куница – замыкаешь.

Мы протиснулись через покосившуюся дверь в теплый смрадный сумрак парадной. Наверху неразборчиво что-то бубнил мужской бас, а потом донесся мощный удар и треск безжалостно сломанной дверной

притолоки. Мы взлетели на третий этаж и на мгновение остановились. Я высунулся из-за спин замерших Бодровых и одним взглядом окинул открывшуюся мизансцену: дверь квартиры выбита внутрь, щепки торчат из косяка на месте вылетевших петель, «американец» держит за горло тоненькую рыжую девушку с большими голубыми глазами, из-за плеча которой выглядывает Савва Ильинский с удивительным для ситуации выражением спокойного любопытства на лице. «Артистка» стояла на узкой лестничной клетке, развернувшись вполборота к дверям, но, услышав наши шаги, обернулась. На ней было бордовое платье и крупные красные бусы на шее. Она весело подмигнула мне, как старому знакомому, и сказала:

– Привет!

– Стоять, милиция! – заорал я.

Братья Бодровы с ревом рванули вперед. Шамранский едва не упал, увлекаемый бросившимся в атаку оскалившимся Цезарем. Я выхватил пистолет, сзади что-то заголосил Куница, рыжая девица ловко вывернулась из рук «американца», а «артистка» подняла палец к губам, сложила их, как для поцелуя, и притронулась другой рукой к бусам за мгновение до того, как Бодровы должны были сокрушить и ее, и ее напарника, и девушку, и Ильинского, и остатки двери. Я успел увидеть Цезаря, вырвавшего наконец поводок из рук Шамранского и распластавшегося в хищном прыжке, а потом на площадке вдруг словно мгновенно надулся и лопнул огромный зеленоватый пузырь.

Обрушилась тьма. Лампочка под потолком взорвалась с треском. В ушах зазвенело, как если бы включился тонкий, противный зуммер. На секунду я ослеп и оглох, а когда снова обрел возможность слышать, в квартире что-то трещало и билось с фарфоровым звоном, а скатившийся кубарем по лестнице лейтенант Куница катался по узкой грязной площадке этажом ниже, истошно крича:

– Горю! Горю! Горю!

В непроницаемом мраке по железным прутьям перил пробегали синеватые холодные огоньки. В воздухе резко пахло озоном. Кожу кололи мурашки, волосы встали дыбом и чуть потрескивали, как если бы их долго причесывали пластмассовым гребнем. Снизу раздались выстрелы: один, другой, третий. Я одним прыжком миновал лестничный марш, едва на наступил на забившегося в угол Куницу и бросился вниз. У разлетевшейся в деревянную рухлядь двери лежал Миша, обеими руками зажимая рану в ноге ниже колена, а рядом с пистолетом в руке стояла Саша. Вид у нее был растерянный и испуганный.

– Где?! – рявкнул я.

Она показала на темный зев подворотни.

– За мной!

В окне галереи я успел заметить Ишкова: он застыл, обратив взор вдаль, и лицо у него было бесстрастным, как у восковой куклы.

Подворотня встретила какой-то абсолютной, почти осязаемой чернотой, но удивиться я не успел, потому что через секунду мы уже пробежали ее насквозь и выскочили во двор-колодец. Я огляделся. Это было не то место, которое мы миновали буквально минуту назад: незнакомые стены, неровные ряды кривых окон, низкие арки по обе стороны, за одной из которых клубилась недобрая тьма, а за другой маячили на пустынной неживой улице красноватые фонари. Я выхватил

рацию и нажал кнопку. Ни звука. Связь умерла, рация превратилась в кирпич бесполезного железа.

– Туда они побежали, товарищ капитан, туда!

Из окна под самой крышей высовывался кто-то неразличимо белесый и махал рукой в сторону улицы. Я успел сделать пару шагов, понял, что в этом дворе никто не может знать ни меня, ни мое звание, чертыхнулся и помчался в другую сторону, к темной подворотне, увлекая за собой Сашу. Уже вбегая в арку, я бросил взгляд вверх: вместо белесой фигуры из темного окна наверху свешивалась грязная простынь.

Впереди опять застучали выстрелы, эхом отдаваясь меж стен. Один, другой, третий, четвертый – это было похоже не на перестрелку, а на стрельбу по мишеням в тире, спокойную, с равными промежутками. Мы пробежали мимо парадной с квартирой аэроинженеров и через длинную подворотню выскочили в центральный двор как раз в тот момент, когда начальник уголовного розыска Октябрьского района майор Зубровин спокойно вынул из рукояти табельного пистолета отстрелянную обойму, убрал в карман, вставил другую и возобновил методичный огонь по голой серой стене с сырым темным пятном на том месте, где еще недавно возвышался пивной ларек, ныне превращенный в осевшую груды металлического лома и досок. Бах-бах-бах-бах! Я хотел было окликнуть Зубровина, потом краем глаза увидел, что на месте, где стояла машина, несколько человек сцепились и катаются по земле, с криками отвечивая друг другу пинки и удары, а через мгновение мимо с ревом пронеслась, ослепив фарами, темная «семерка». Я вскинул оружие, но выстрелить не успел: машина вылетела на набережную, взвизгнули тормоза, потом послышался шум еще одного двигателя – и удар железом о камень.

Рубиновые огни габаритов «семерки» стремительно исчезали в дымчатой тьме. Наша «Волга» уткнулась в стену дома Овандеров, из-под капота струился пар. Пукконен стоял рядом и, опешив, смотрел, как из-за руля выбирается оглушенный ударом Белов. Вдалеке вспыхнули и мгновенно приблизились фары желто-синего милицейского УАЗа.

– Вы к патрульным, мы на «копейке»!

Передача на выдавшей виды боевой машине угрозыска воткнулась с чудовищным скрежетом, двигатель взвыл, как от боли, покрывки провернулись со свистом, и «копейка» рванулась вперед, как безжалостно прищипоренный конь. Саша молча вцепилась в ручку над дверцей. Большой удачей – если вообще можно говорить об удаче в ту ночь – было то, что у патрульных и оперативника в машине на Красной улице работала связь: они мгновенно связались друг с другом, как только увидели, что злодеи

выскочили из западни. Когда я следом за синей «семеркой» выскочил на Ново-Адмиралтейский канал, прямо передо мной пронеслась хищной тенью черная «Волга» с пригнувшимся у руля водителем.

– Это Сёма! Сёма! – закричала Саша.

За нами мелькали, приближаясь, синие проблески мигающих спецсигналов двух патрульных машин и догонял, нарастая, надсадный тревожный вой, будто в ночь вылетели на охоту разъяренные баньши. Мы перелетели через мост; «семерка», взвизгнув покрышками, резко свернула на набережную Мойки, потом на Пряжку и прибавила скорость. Черная «Волга» не отставала. Моя «копейка» рычала, выплевывая через выхлопную трубу копоть и искры. Промелькнуло по правую руку огромное желтое здание психиатрической клиники, все окна которой, несмотря на поздний час, были почему-то освещены, и я подумал, что там сегодня какой-то праздник. Рация по-прежнему молчала, но я и так представлял себе, что сейчас происходит в эфире: хор встревоженных голосов, команды, координация действий. Что происходит в оперативно-командном центре, я не хотел представлять.

«Волга» уверенно нагоняла машину злодеев, как акула настигает отчаянно выгребавшего против волны незадачливого пловца. Вот они уже почти поравнялись.

– Сёма, давай! Прижимай! Сделай их, Сёма! – закричала Саша и заколотила кулачками по приборной доске.

Мелькнули красным огни стоп-сигналов «семерки», она чуть притормозила, а «Волга», добавив ходу, проскочила вдруг мимо, взревела мотором и, набирая скорость, стремительно ушла далеко вперед.

– Что за черт?!

Наверное, местный Нельсон Пике за рулем оперативной машины набрал не меньше ста двадцати километров в час, прежде чем окончательно скрылся из виду. К счастью, в полночный час набережная была почти совершенно пуста, только какой-то полуторный грузовик шарахнулся в сторону, испугавшись сирен и проблесковых огней. «Жигули» тем временем снова спокойно и уверенно стали набирать ход. Саша чертыхнулась и вытащила пистолет.

Салон осветился вспышками синего. Слева со мной поравнялся патрульный автомобиль, за рулем был Белов, двое патрульных маячили тенями сзади, а Пукконен сидел рядом с водителем, держа на изготовку оружие. Он посмотрел на меня, показал пальцем вперед, на себя, потом на меня. Я кивнул и втопил педаль газа в пол. «Копейка» бросилась за уходящей «семеркой» с ожесточением заведомого аутсайдера, который

хочет если не выиграть забег, то хотя бы отдавить лидеру пятки. Белов тоже послал свой УАЗ вперед по левому ряду, готовясь прижать беглецов. Снова вспыхнули предупреждающие стоп-сигналы. Я тут же затормозил, вызвав Сашин негодующий вопль, но оказалось, не зря. Сине-желтый УАЗ впереди вдруг вильнул, задергался, рыская по сторонам, а потом резко повернул вправо, неуклюже перепрыгнул поребрик, перелетел тротуар и врезался в ограждение набережной. В темную воду полетели витые перила, машина медленно перевалилась колесами через край, наклонилась, будто в раздумьях, и закачалась над водами Пряжки, балансируя на железном подбрюшье. Я с облегчением выдохнул и посмотрел вперед. «Семерка» снова добавила ходу. Другой патрульный автомобиль все так же держался за нами, очевидно не решаясь выйти на второе место в этой безумной гонке. Саша скрипнула зубами, дослала патрон в патронник и принялась крутить ручку стеклоподъемника.

– Держи ровней, капитан!

Я принял чуть влево, увеличивая угол обстрела. Саша высунулась в окно и прищурилась, целясь. Короткие светлые волосы разметались порывами встречного ветра, и сейчас она была чудо, как хороша, но до конца оценить красоту момента я не мог, потому что мне нужно было держать ровней, а Саша, поймав цель, уже жала на спуск. Хлопнули выстрелы, и у мчащейся впереди машины кровавыми брызгами разлетелся разбитый стоп-сигнал.

– Ага! – торжествующе вскричала Саша. – Ага!

И вдруг заматерилась так причудливо и искусно, как я не слышал с тех пор, когда папа первый и единственный раз взял меня на завод показать работу в цеху.

Мигнул красным единственный оставшийся задний фонарь. «Семерка» чуть замедлила ход, приглашая подойти ближе, но и я притормозил, не давая поймать себя на этот трюк, в чем бы он ни заключался.

Из-за темного поворота на Лоцманскую сверкнули синие блики и навстречу выскочила легковая машина ГАИ.

– Наконец-то!

Я оценил оперативность подмоги: наша бешеная гонка по набережным продолжалась едва ли минуты три. Но ситуации это не разрешило.

Первый автомобиль ГАИ на Лоцманской вдруг развернулся с заносом и помчался обратно. За поворотом на Старо-Калинкином мосту успели выставить сверкающим огнями барьером несколько милицейских машин, но «семерка» вильнула и ушла, набирая ход, по Фонтанке. На улице

Циолковского в погоне участвовало уже не меньше пяти машин, три из которых заглохли и замерли у обочины после попытки обстрелять летящую как на крыльях «семерку». На набережной Обводного канала еще одна черная «Волга», пытавшаяся прижать злодеев к обочине, вылетела на тротуар и, не снижая скорости, пошла крушить телефонные автоматы, снесла будку сапожника и остановилась, постыдно уткнувшись в переполненные мусорные баки. На Розенштейна мы уже мчались ревущей и воющей кавалькадой из шести автомобилей и трех мотоциклов, сновавших вокруг, как разъяренные осы; грозные голоса из динамиков, перебивая друг друга, оглашали пустынные улицы требованиями остановиться. Скорость была километров под девяносто, и вдруг пассажирская дверь «семерки» раскрылась.

Саша ахнула.

Из машины вывалилась женщина в бордовом платье и покатилась по тротуару. Туфли разлетелись в стороны по широкой дуге. Я не успел ни испугаться, ни удивиться, ни даже подумать о чем-нибудь драматическом, как она легко поднялась, словно гимнастка, исполнившая элементарный прыжок, и скрылась в темном провале подворотни высокого расселенного дома. Два экипажа патрульных резко затормозили, и сотрудники, выскочив и на ходу срывая фуражки, бросились следом.

Еще через несколько минут погоня превратилась в какую-то неопишемую, сумасшедшую толчею, и я впервые за эту ночь порадовался, что не слышу эфира. Не знаю, кто координировал действия подразделений, но вряд ли он был рад исполнительскому мастерству, потому что преследование неуловимой «семерки» стало похоже на то, как если бы изрядно подвыпившие завсегдатаи пивбара «Шмель» взялись ловить в переполненном зале шмыгающего под ногами кота. Я насчитал уже восемь разбитых и выведенных из строя машин, а «американец», кем бы он ни был, мастерски продолжал кружить по ночным улицам. Результат давало только перекрытие улиц, но на Нарвском проспекте он снова успел оторваться и, набирая скорость, рванул обратно в сторону центра.

– Смотри!

Саша показала вперед. Мы каким-то чудом в этой фантазмагории не только уберегли машину, но и по-прежнему держались впереди группы преследования, в данный момент наблюдая, как набирающая скорость «семерка» летит через узкую прорезь проспекта между высоких старых домов Нарвской заставы – а навстречу из-за поворота вдруг выносятся в грозном сиянии фар тяжелая голубая «Победа».

«Американец» ускорился, но «Победа» шла ему в лоб ровно и мощно,

даже не думая отворачивать. Машины стремительно летели навстречу друг другу, удар был неизбежен, но за какую-то долю секунду до столкновения «американец» все же резко вывернул руль влево, и набравшая скорость «семерка» влетела в строительные леса, оплетшие пустой старый дом, и исчезла в плотных клубах пыли. Доски настилов и стальные конструкции двух этажей рухнули вниз, погребая под собой сокрушивший их автомобиль.

«Победа» заложила умелый вираж, дав мне время и место затормозить. Водительская дверца открылась. Совершенно лысый, крепкий невысокий старик в пиджаке с полосками орденских планок выбрался из машины, спокойно посмотрел на рухнувшие леса, на оседающее облако пыли, на меня и спросил:

– Подсобил немного, сынок?

Ответить я не успел.

Через секунду чумазые стены угрюмых домов осветились тысячей синих и красных сполохов. Одна за другой с воем подъезжали и останавливались машины – патрульные сине-желтые УАЗы, стремительные легковушки ГАИ, разномастные автомобили районных отделов угрозыска, и даже один микроавтобус и мотоцикл с коляской, за рулем которого восседал бровастый седой старшина. Захлопали двери, в ночном воздухе разносились возбужденные голоса и шипение раций, одно за другим освещались желтым и тусклым окна домов – граждане просыпались, разбуженные небывалым переполохом. Трое сотрудников в форме с осторожной неторопливостью направились к месту, где из-под деревянных руин тревожно мигал оранжево-красным габаритный фонарь, виднелся багажник и правый борт некогда темно-синего автомобиля, сейчас серого от строительной пыли. В шипящем и потрескивающем эфире наперебой докладывали об успешном завершении погони руководители причастных подразделений – все знали, что начальник уголовного розыска Ленинграда следит за происходящим по рации. Меня даже кольнула обида, будто мальчика, чьими игрушками принялись беспардонно забавляться соседские дети.

– ...командир третьего отдельного батальона ГАИ майор Никифоров, докладываю: нарушитель остановлен...

– ...оперативный дежурный отдела уголовного розыска Кировского района...

– ...командир взвода патрульно-постовой службы Куйбышевского района...

– ...задержан силами вверенного подразделения...

– ...блокирован...

Дверца «семерки» распахнулась, как от пинка. «Американец» вывалился наружу, упал на четвереньки, помотал головой, как отряхивающийся после купания крупный пес, и посмотрел вокруг. Волосы у него были всклокочены и покрыты серой пылью, как и лицо, похожее на бледную маску с провалами черных глаз. Все на мгновение замерли. Рации смолкли, только урчали двигатели на холостом ходу и проблесковые маяки продолжали сверкать, заходясь в беззвучном крике. Руки потянулись расстегивать кобуры.

– Гражданин, поднимите руки, вы задержаны... – неуверенно произнес кто-то.

От нехорошего предчувствия у меня мгновенно заняло сердце.

«Американец» медленно, с усилием встал на ноги, повернулся спиной, поднял руки – и вдруг, резко оттолкнувшись ногами, с силой выпрыгнул вверх метра на три, ухватился за покосившуюся стальную стойку лесов, легко подбросил себя еще выше и принялся карабкаться с легкостью и скоростью, которой позавидовал бы любой гимнаст.

Сразу несколько человек вскинули пистолеты, захлопали дробные выстрелы, пули со стуком били в сухое дерево и визжали о железо опор, а «американец» продолжал лезть все выше, раскачиваясь и утробно ухая, живо напоминая орангутанга из рассказа про улицу Морг.

– Отставить огонь! – громовой бас перекрыл звук стрельбы.

Все обернулись. Высокая могучая фигура величественно возвышалась в свете фар черной «Волги», номера которой были известны каждому ленинградскому милиционеру, а вокруг клубился дым и облака выхлопных газов, окружая начальника уголовного розыска почти мистическим ореолом.

– Вперед! Брать живым!

Все разом ринулись в темнеющий среди завалов проем двери, спотыкаясь, толпясь и перелезая через нагромождение сломанных досок. Несколько человек устремились в арку двора, отрезая путь к возможному отступлению через другие выходы. Саша дернулась следом, но я поймал ее за запястье.

– Подожди.

Темный силуэт наверху продолжал свои прыжки по лесам; вот он добрался до четвертого этажа, раскачался на руках и ногами вперед нырнул в черный провал пустого окна.

– Вот теперь пошли!

Этот дом когда-то построили для рабочего класса заводов на

тогдашней окраине города, и лестница была узкой, прямой, без архитектурных излишеств. Темнота пахла плесенью и сырой штукатуркой, перила гудели, ступени дрожали от топота десятков ног. Наверху метались огни ручных фонарей. Мы с Сашей успели добежать до второго этажа, когда мрак внезапно взорвался огненно-рыжими вспышками и ритмичным чудовищным грохотом, словно мы оказались внутри жестяной бочки, по которой вздумал выбивать дробь обезумевший барабанщик. На площадке третьего этажа тесно сгрудились люди в форме и в штатском, кто-то присел, кто-то лежал или прижался в углу; по лестнице сверху, крича и схватившись руками за голову, извиваясь, сползал кто-то, покрытый кирпичным крошевом и штукатурной пылью; его тащили вниз за руки, а сверху продолжали неистово грохотать пулеметные очереди. Судя по душераздирающему звуку, работал крупный калибр; тяжелые пули дробили стены, вниз сыпалась краска, битый кирпич, штукатурка, стонали, как виолончельные струны, перила и фальцетом визжали коварные рикошеты. Я привалился в углу и принялся считать секунды, прикидывая объем пулеметной ленты при таком темпе непрерывной стрельбы, даже не пытаясь понять, откуда взялось подобное вооружение у человека, только что налегке преодолевшего акробатическим аллюром четыре этажа. Боезапас, похоже, был бесконечным. Секунд через двадцать стрельба на мгновение смолкла; я перебрался к лестнице, немилосердно втыкаясь коленями и локтями в бока и спины, и высунулся из-за угла, бросив взгляд на четвертый этаж. Рядом с распахнутой дверью квартиры маячила смутная тень, и тут же в глаза ударили вспышки, а в стену над головой врезались длинной очередью крупнокалиберные пули. Кто-то схватил меня на ноги и потащил вниз.

– Куда лезешь, дурень! – проорал мне в лицо седой старшина. – О двух головах, что ли?!

Пулемет снова грохотал непрерывно. Я отполз обратно, нашел Сашу и крикнул:

– Давай за мной!

Пусть дом был выстроен не для привилегированной публики, но черный ход в те времена все равно полагался каждой квартире. Я пинком распахнул одну из приоткрытых дверей, и мы ворвались в сумрачный коридор. Лохмотья истлевших обоев свисали со стен вместе с лоскутами мертвой паутины, в открытых комнатах громоздились обломки брошенной мебели, под ногами хрустел сор, что-то отлетело в сторону с жестяным дребезжанием. Синеватое свечение ночи вливалось в лишенные стекол окна. Мы добежали до кухни, в которой надгробьями ушедшего быта

высились навеки остывшие плиты, и через узкую дверь выскочили на черную лестницу. Из-под ног с возмущенным писком метнулись крысы. Я собирался подняться двумя этажами выше, потом тем же маневром вернуться на главную лестницу и обойти стрелка сверху.

Мы уже преодолели несколько лестничных маршей, когда гулкая басовая дробь пулеметных очередей внезапно стихла. Зазвучали хлопки pistolетных выстрелов. Видимо, конец неистощимой пулеметной ленте «американца» все же настал. Если он не собирался бесконечно бегать от десятков милиционеров по лабиринтам старых квартир, то ему оставался единственный путь к отступлению: по крыше на один из соседних домов. Перепрыгивая через две ступени, я добежал до узкой площадки верхнего этажа, взобрался по железной лестнице и откинул толстую крышку люка, ведущего на чердак. Саша молча полезла следом. Чердак был низким, тесным, в крошечной тьме тускло светились неровные дыры в прохудившейся кровле, как редкие крупные звезды. В дальнем углу серел квадратный выход на крышу.

Я протиснулся в узкий лаз. Подошвы скользнули по железному гладкому скату кровли, которая метрах в полутора обрывалась пропастью глубиной в шесть этажей. Отчаянно упираясь коленями и ладонями, я вскарабкался повыше, раскорячился для устойчивости и протянул руку Саше. Она проворчала что-то, высунулась из чердачного окна спиной вперед, ловко ухватилась двумя руками за верхний край рамы и легко подтянулась, через мгновение встав на ноги рядом со мной и глядя сверху вниз.

– Помочь, капитан?

Крыша была двускатной и довольно крутой; осыпающиеся кирпичные трубы, стальные остовы антенн и путаница провисших, обесточенных проводов под ногами. С обратной стороны крыши слышалось громыхание торопливых шагов по железу, а через секунду «американец» выскочил из-за конька и застыл на фоне дымного неба: плечистый, с длинными сильными руками, в клетчатой рубахе – будто пролетарская химера, которой кто-то вздумал украсить дом на Нарвской заставе.

Он увидел нас, молча развернулся и побежал по коньку. Из чердачных окон неслись голоса и вырывались лучи фонарей, обшаривая небо, как прожектора ПВО. «Американец» остановился. Конек крыши закончился и впереди был только темный квадратный провал широкого внутреннего двора.

– Все, мужик, отбегался, хватит, – сказал я. – Поднимай руки.

Позади меня Саша молча целилась, держа pistolет двумя руками, как

коп из заграничного фильма. Кровля гремела от приближающихся шагов.

«Американец» медленно повернулся. Глаза блеснули из-под нависших темных бровей. Если бы он сейчас перепрыгнул через весь двор на другую крышу, или даже взлетел, как ракета, в ночное небо, я бы не удивился.

Но он только медленно поднял левую руку, а правой спокойно расстегнул металлический браслет больших массивных часов.

– Буду стрелять! – предупредила Саша.

«Американец» снял часы и подбросил их высоко вверх. Раздался механический щелчок, часы разлетелись сотней мелких осколков, и еще до того, как они со звоном посыпались на железную крышу, он широко развел руки, раздвинул губы в белозубом оскале и медленно повалился спиной вперед.

Когда мы подбежали к краю крыши и посмотрели вниз, руки распростертого на груди битого кирпича тела были все так же раскинуты, словно в широком объятии.

* * *

Туманное утро вторника, 21 августа, десятки сотрудников ГУВД, принадлежащие к разным отделам и службам, встретили за письмом, подобно засидевшемуся в компании с припозднившейся музой поэту, которому его вдохновительница продолжает нашептывать на ухо строки сонетов, несмотря на первые солнечные лучи, стучащиеся в окно как деликатная, но настойчивая бандерша в дверь комнаты, где у клиента окончилось оплаченное время. Впрочем, шариковые ручки старательно выводили на казенных бланках отнюдь не поэтические строки, да и вдохновения, проявленного в написании рапортов, хватило бы разве что на частушку, так что наше поэтическое сравнение исчезает с утренней дымкой, а на смену ему приходит куда более уместный образ проштрафившихся учеников, хором пишущих объяснительную суровому школьному принципалу.

Проще всего пришлось тем, кто присоединился к ночной погоне уже ближе к ее драматическому финалу, сохранил в целостности служебный транспорт, и у кого самым ярким впечатлением от этого феерического фестиваля был ураганный пулеметный огонь на узкой лестнице старого дома. Забегая вперед, скажу, что даже эти простые рапорты добросовестных тружеников правопорядка пришлось потом править, причем изрядно.

Посложнее задача досталась водителям нескольких заглохших и разбитых машин, причем если в первом случае дальнейшие разбирательства вели к техникам сразу нескольких служебных гаражей, а потом и к автомобильным экспертам, коим предстояло ответить на непростые вопросы о том, каким образом и почему двигатель исправного автомобиля вдруг заглох в самый разгар преследования опасных преступников, то тем, кто сам умудрился искорежить вверенный транспорт, нужно было как-то объяснять неожиданную деградацию своих водительских навыков. Большинство ограничилось уклончивой формулировкой «по неясной причине автомобиль потерял управление», и только оперуполномоченный Куйбышевского района, сокрушивший две телефонные будки, ларек сапожника и мусорный бак, нашел в себе мужество написать правду о том, что «был уверен в верности выбранного направления движения, так как видел прямо перед собой габаритные огни преследуемого автомобиля, что не соответствовало действительности». Почему опытный – и трезвый, что важно! – оперативник азартно гнался по тротуару за машиной, которая мчалась по проезжей части в нескольких метрах левее, и что за странное расстройство зрения его поразило, осталось загадкой.

Зато непосредственным участникам неудачной попытки захвата «артистки» и «американца», которую уже кто-то едко окрестил «битвой при Кракенгагене», пришлось непросто. Даже после первого обмена репликами в ожидании обещанного разбора полетов нам стало понятно, что из докладных получится сборник какой-то сомнительной чертовщины.

В одинаковых, лаконичных по форме и простых содержательно рапортах братьев Бодровых значилось, что они, ворвавшись в квартиру, оказались в полном одиночестве и темноте. Ни злоумышленников, ни находящихся в розыске ученого и неизвестной девицы там не было – только мрак и совершенная тишина. При попытке выйти обратно выяснилось, что дверь тоже исчезла, а вместо нее обнаружился какой-то старомодный буфет, набитый кухонной утварью. Попытки найти выход, разнеся буфет вместе со всем содержимым в щепу и осколки успехом не увенчались. Выключатели, с помощью которых можно было бы зажечь свет, тоже не отыскивались. Рации не работали. Братья выломали окна, но прыгать вниз на асфальт с высоты третьего этажа не решились, и ограничились воззваниями о помощи, на которые примерно через час откликнулись прибывшие на место событий их коллеги и бригада экспертов-криминалистов. Из квартиры Бодровых преспокойно вывели через входную дверь, которая была там, где и положено, стояла

распахнутой настееж, и даже щепки из разломанной притолоки все так же торчали, будто иголки деревянного морского ежа. Что же до преграждавшего путь и уничтоженного силами братьев буфета, то ни его, ни его останков в квартире позже не обнаружилось.

Та же бригада криминалистов нашла и Шамранского с Цезарем. Кинолог и его верный четвероногий друг чинно сидели рядышком в дальнем, тупиковом дворе, куда вела только одна низкая арка и выходили двери подвалов и дворницкой. Шамранский пристроился на короткой самодельной лавочке, тихий, спокойный, с прямой спиной и устремленным в стену внимательным взглядом. Туда же смотрел Цезарь, время от времени нервно облизываясь и наклоняя голову на бок, как делают умные псы, когда чего-то не понимают. Вдвоем они походили на трогательную скульптурную группу, и, подобно всем изваяниям, вначале не реагировали на оклики, пока любопытная Леночка Смерть, предварительно сфотографировав этот образчик необъяснимой каталепсии, не подула Цезарю в нос. Пес чихнул, встрепенулся, а следом очнулся Шамранский и очень серьезно спросил, когда начнется операция.

– Как уснул, – сказал он. – Ничего не помню, будто наркоз. Потом только смутно очень припомнил, как из машины выскочили, и – туман. Что писать-то теперь, мужики?

– Напиши, что сознание потерял, – подсказал Куница.

Сам он так и сделал, уложив свое сочинение на одну страницу крупным и круглым почерком: упал, потерял сознание, очнулся, вышел – а тут уже и товарищи криминалисты подъехали. Про то, что заставило его кататься по лестничной площадке с криками «Горю!», Куница решил не распространяться, а я не стал ему напоминать.

Саша и Миша долго о чем-то спорили шепотом, но в итоге попытки Миши проявить рыцарское великодушие были отвергнуты, и Саша честно написала о том, что сама подстрелила напарника, уверенная, что ведет огонь по ногам выбежавших из парадной преступников. Миша, кстати, был убежден в том же самом и тоже успел выстрелить пару раз, просто у Саши стрелковые навыки оказались получше. К счастью, пуля прошла через голень навывлет, не задев кость.

Неплохой уровень огневой подготовки продемонстрировал и их непосредственный руководитель: все шестнадцать пуль из табельного ПМ, выпущенные майором Зубровиным в стену с расстояния примерно в пятнадцать метров уложились в круг, диаметром не более десяти сантиметров, что было прекрасным, хотя и бессмысленным результатом. Майор морщился, хмурился, вздыхал и грыз ручку.

– Пиши правду, – посоветовал я. – А там разберемся.

По версии майора, правда заключалась в том, что пивной ларь, этот теперь уже бывший центр культурного притяжения всего квартала, вдруг рухнул, раскрывшись в стороны как шкатулка с сюрпризом, а из стены за ним вышли «артистка» и «американец». Он вскинул пистолет – и дальше завис в каком-то медленном полусне, почти неосознанно посылая пулю за пулей в то место, откуда они появились, пока не расстрелял обе обоймы. Из ступора его вывели крики и характерный шум рукопашного боя: это на месте, где стояла машина подозреваемых, Отари Гвичия сошелся в неравной схватке с местными забулдыгами.

Отари был единственным, кто не испытал на себе никаких необъяснимых воздействий, зато в полной мере прочувствовал воздействия физические, от кулаков и ботинок представителей антиобщественного элемента. В тот самый миг, когда пресловутый ларек развалился с треском на части, а майор Зубровин потащил из кобуры свой ПМ, из двери позади Гвичии выскочили трое местных подвыпивших обитателей. Не успел Отари опомниться, как получил по затылку, потом по ребрам, а потом на него навалились все разом, и схватка переместилась в партер. Пистолет Гвичия вытащить не успел, а потому отбивался, как мог, пока очнувшийся от своего стрелкового транса Зубровин не подоспел на подмогу, и, умело орудуя рукоятью разряженного пистолета и мощными кулаками, не разметал нападавших, которых в итоге, пусть и не без труда, уложили рядком на асфальт. Ни сивогривый дебошир Свистунов, ни его собутыльники пояснить причину агрессии не смогли: просто выпивали, как водится, вечером, и внезапно испытали непреодолимое желание кого-то избить, с какой целью и устремились во двор, в итоге подбив глаз, расквасив нос и изрядно помяв старшего лейтенанта угрозыска.

В общем, Гвичия был, наверное, единственным из нашей атакующей бригады, кому совершенно не в чем было себя упрекнуть: принял бой, претерпел страдания, одержал победу и задержал опасных хулиганов – отличная работа, можно с гордостью носить свои ссадины и синяки. А вот Пукконен с Беловым про свои синяки распространяться не спешили: у одного заплыл правый глаз, у другого – разбита губа, они странно посматривали друг на друга и нехотя объясняли травмы ударом о руль и приборную доску, когда УАЗ, неожиданно запетляв по дороге, снес ограждение набережной и завис над непроницаемо темной, как паранойя, водой реки Пряжки. Ясность внесли двое сотрудников ППС, наблюдавших за развитием событий с заднего сиденья. По их словам, выходило, что Пукконен с Беловым вдруг подрались самым жестоким и неожиданным

образом в тот момент, когда сидевший за рулем Рома уже был готов подрезать «семерку» злодеев.

– Товарищ капитан вдруг как закричит: «Левее, левее!» и заматерился, а товарищ лейтенант тоже кричит, в том смысле, что сам знаю, а товарищ капитан тогда товарищу лейтенанту – раз! – и в глаз кулаком, и за руль схватился, а товарищ лейтенант ему локтем...

– Наверное, мы можем эти подробности опустить, – предложил я. – Не возражаете?

Никто не возражал, тем более, что Белову еще предстояло объяснить, как получилось, что его «Волга» в самом начале погони сама вдруг рванулась с места и врезалась в стену еще до того, как он успел тронуть рычаг переключения скоростей.

Последними сдали рапорты оперативник Сёма, который был уверен, что преследует уходящих на рекордной скорости злоумышленников до тех пор, пока не обнаружил себя безнадежно потерявшимся где-то в промышленной зоне на окраине Матисова острова, и Вася Ишков – а он, в отличие от всех прочих, время провел наилучшим образом. По его словам, как только группа захвата забежала в парадную, все вокруг стихло и замерло. Наверху смолкли голоса дебоширов, ни звука не доносилось ни со двора, ни с соседних лестниц. Он стоял в пыльном сумраке, как верный присяге стойкий солдатик, смотрел в окошко и ждал. Время шло, но никто из парадной не выходил, рация молчала, Вася скучал, думал о разном, угощался конфетами, пока не умял весь кулек, рисовал пальцем на грязном стекле свои инициалы и даже тихонько запел под конец, чтобы себя развлечь. Когда через час он все-таки решился покинуть свой пост, во дворе уже всю работу делали эксперты Леночки Смерть, горели яркие фонари, дежурили постовые, а немногие любопытствующие граждане курили рядом с парадными или стояли скорбным поминальным кружком над руинами пивного ларька.

Я собрал наши сочинения и, на правах руководителя опергруппы, отправился к полковнику Макарову. Тот не спеша прочел рапорт за рапортом, вздохнул, отер ладонью лицо и с тоской посмотрел за окно, где угрожающе брезжил недобрый рассвет.

– Вот что, – сказал он. – Я с этим один к генералу не пойду. Давай-ка со мной.

В кабинет начальника городского угрозыска мы вошли, когда он разговаривал по телефону. Генерал-лейтенант увидел нас и с плотоядным торжеством сказал в трубку:

– А, вот! Как раз и они! Я перезвоню!

Он откинулся на спинку кресла, посмотрел на полковника и на меня, побарабанил пальцами по столу и произнес:

– Ну? Готовы объяснить, как так получилось, что семнадцать – семнадцать! – сотрудников уголовного розыска не смогли двух человек задержать?

Я поостерегся уточнять, сколько из этих семнадцати принадлежали именно к уголовному розыску, и твердо ответил:

– Так точно, товарищ генерал! Готовы!

С пачкой рапортов в протянутой руке я направился к столу, невольно перейдя на строевой шаг. Путь от дверей был неблизкий. Генерал продолжал:

– Мы в 1955 году банду Свиридько брали – все бывшие полицаи, пять человек с автоматами! А нас знаешь, сколько было? Тоже пятеро, вот сколько!

Он растопырил мощную пятерню и с силой прихлопнул ею пачку бумаг на столе. Золоченый письменный прибор, настольные часы и хрустальная пепельница подпрыгнули и замерли по стойке «смирно».

– У них – трое убитых, а у нас – двое раненых, вот так. Еще, правда, пса застрелили, Султана – жалко, хороший был, лютый, он самому Свиридько руку почти начисто успел отгрызть. А вы все теперь что? Семнадцать человек...

Генерал покачал головой.

– Это не говоря уже о том, какой кавардак в городе устроили. Тут, конечно, все отличились, к счастью, не только угрозыск. Сейчас и в ГАИ, и в патрульно-постовой тоже рапорты пишут, коллективно. А остановил злодея в итоге гражданский. Знаешь, кстати, кто?

Я не знал.

– Некто Боровков Василий Федорович, вот кто. Герой войны, летчик-истребитель, орденосец. Двадцать восемь сбитых фрицев и два тарана, так-то. У однополчанина в гостях засиделся, говорит, возвращался домой, а тут увидел, как милиция едва ли не в полном составе за одним нарушителем по его району гоняется, и вот – проявил военную смекалку и мужество. Если бы не он, вы бы до сих пор по улицам разъезжали.

Генерал вздохнул.

– Ладно, давай почитаю, что тут вы написали... Да сядьте уже оба, не маячьте.

В углу кабинета высокие часы в массивном деревянном корпусе громко отсчитывали секунды. Где-то далеко за окном с гудением проползла поливальная машина. Было тихо. Макаров тревожно поглядывал то на

меня, то на генерала. Тот по ходу чтения кряхтел, краснел, а потом, перевернув последний лист – как раз с рассказом Васи Ишкова про тишину и покой, которые снизошли на него, пока он вел наблюдение, – встал и молча подошел к окну, заложив руки за спину и погрузившись в молчание.

Макаров страдальчески потянул узел галстука и посмотрел на меня с укоризной.

– В общем, так, – наконец заговорил генерал. – Вот это все никуда не годится. Придется переписать.

Он чуть повернулся и показал пальцем на разложенные на столе бумаги.

– Есть переписать! – с готовностью откликнулся я. – А как?

– Как, как... – проворчал генерал, вернулся за стол и тяжело уселся в кресло. – Как, как... Ты сам, капитан, читал это?

– Так точно, товарищ генерал!

– Тогда что спрашиваешь?

– Там все верно изложено, товарищ генерал.

– А я и не говорю, что не верно. Я, знаешь ли, за сорок лет службы побольше твоего повидал. Тебе и во сне не приснится. Но переписать надо. Или ты хочешь, чтобы вас всех комиссовали к чертовой бабушке по состоянию психического здоровья?

– Никак нет.

– Вот и я никак нет. У меня через два часа совещание наверху, буду докладывать товарищу генерал-майору, а потом, скорее всего, с ним вместе еще и в Ленгорисполкоме отчитываться придется. А то и в горкоме партии. Там вот эти твои фантазмагии не оценят. Теперь давай думать, как переписывать.

Я придвинулся ближе, генерал вооружился красным карандашом и со сноровкой, выдающей большой и горький жизненный опыт, быстро набросал правки.

– Ну вот, никакой чертовни. Так, смотрим: у Шамранского пес сбился со следа и завел его в тупиковый двор; за рулем никто не дрался, просто машина управление потеряла – у нас таких потерявших уже десятков, не считая заглохших и со сгоревшей электрикой; гонщик этот на «Волге» из райотдела хотел совершить обходной маневр, но подвело знание местности; Зубровин производил предупредительные выстрелы, когда ханыги эти набросились на Гвичию...

– Шестнадцать раз предупредительно выстрелил, товарищ генерал?

– Да, шестнадцать! – отрезал генерал. – Гуманистом оказался майор, думал, что образумятся. Что еще? Вот непосредственно с боевым

контактом на лестнице сложно: Бодровы, заплутавшие в квартире, участковый сознание потерял, ты тоже – оглох и ослеп... Значит, пишете, что преступники применили светошумовую гранату, ясно?

– Так точно!

– А откуда у них граната такая, капитан?

– Откуда? – с искренним интересом спросил я.

– А вот тут мы вспоминаем про лиц, разыскиваемых по ориентировке КГБ, которых вы видели в той квартире! Ты же их видел?

– Так точно. И я, и Бодровы, и Шамранский успел заметить. Всё в рапортах.

– Вот и пусть теперь доблестный Комитет государственной безопасности разбирается, кто эти двое такие, имеющие на вооружении специальные средства и обладающие подготовкой, позволяющей долгое время уходить от преследования сотрудников милиции, а потом – что характерно! – предпочитающие с крыши сброситься, но не даваться живыми. Понимаешь намек, капитан?

– Так точно, товарищ генерал! Гениально.

– Ты еще поерничай тут, – ворчливо отозвался он. – Лучше расскажи, на каком основании принял решение о проведении задержания?

Я честно рассказал о свидетельских показаниях соседей Рубинчика и про его ночные вылазки в квартал Кракенгагена, умолчав только, разумеется, о появлении странной пары на месте смерти Трусана и Капитонова. Генерал задумчиво кивал и кусал длинный ус.

– Согласен, согласен, основания для задержания этих двоих были, хотя бы для выяснения обстоятельств смерти Рубинчика, коль скоро они в тот момент были у него на квартире. Но зачем ты такую дивизию собрал для этого? Для двух человек и Куницы бы хватило с помощником, ну, в крайнем случае, дежурных оперативников из района. Или догадывался о чем-то?

– Товарищ генерал, я полагал, что эти двое – из банды «вежливых людей» и могут вывести нас на остальных сообщников, – ответил я, не моргнув глазом.

– Ну, это ты уж перегнул, капитан.

– Виноват, товарищ генерал, увлекся.

– Ладно, не все так плохо на самом деле. Если бы не обмишурились с задержанием и гонок по всему городу не устроили, было бы совсем хорошо. Счастье, что никто не погиб в этой кутерьме: трое раненых только, из них один с огнестрелом, и то свои же подбили. Рапорты перепишите, как я сказал. Зато у нас есть, – он принялся загибать крепкие пальцы, –

машина, а это целый склад информации, она сейчас уже у экспертов. Квартира, куда эти двое ломались и где прятались Ильинский с девицей. Оружие должно быть, пули и гильзы после этой пальбы в пустом доме – тоже отличный след. Наконец, труп – отпечатки, фотография для опознания, проверка по архивам, в общем, есть с чем работать. Да, и еще же патрульные погнались за женщиной, которая на ходу из машины выпрыгнула. Постовая служба молчит, чувствую, что упустили, потому как иначе уже бы похвастались, но все равно, нужно выяснить, как и что. В общем, капитан, разбирайся, а завтра снова ко мне вместе с полковником и доложите о результатах. Все, исполняйте.

Мы снова уселись и старательно переписали рапорты в соответствии с замечаниями генерала. Свой я тоже исправил, заменив зеленоватый бесшумный взрыв, мгновенно вырубивший свет на лестнице, звон в ушах и «огни святого Эльма» на перилах на описание применения светозумовой гранаты. Получилось неплохо. Собрал новые версии наших ночных злоключений, перечитал, передал их генералу через полковника Макарова, а первые варианты рапортов прибрал себе в папку. Как говорится, до лучших времен. Да и товарищу Кардиналу будет что показать, если спросит.

«Артистку» патрульные действительно упустили. Все четверо написали, как под копирку, что «подозреваемая скрылась от преследования во дворах путем побега», не вдаваясь при этом в подробности или попытки объяснить происшедшее. Было само по себе странно, как могла выпрыгнувшая на полном ходу из машины женщина уйти от четырех здоровых, опытных, разогретых погоней милиционеров, и странно вдвойне, что расселенный дом на Розенштейна, в арку которого она забежала, стоял отдельно, двор в нем был всего один, а вокруг только и есть, что корявые пустыри да поросшая высокой травой старая железнодорожная ветка. В иное время я бы удивился и не поверил, но сейчас подумал о братьях Бодровых, мыкавшихся, как слепые котята, не находя выхода из квартиры с открытой дверью, о Шамранском, невесть как оказавшемся вместе с псом на лавочке в глухом тупике, о выпавшем из реальности Васе Ишкове, а заодно и про белесую фигуру в окне, окликнувшую меня по званию – и решил, что сегодня удивляться больше не буду. Наверняка патрульным тоже было кому подсказать верные формулировки для рапорта руководству, иначе кто знает, что за чертовщина была бы там понаписана.

Осмотр квартиры, предназначенной для командировочных робототехников, открытий не преподнес. Скромная обстановка: раскладной диван с деревянными подлокотниками, такого же фасона кресло-кровать,

сервант с одним пыльным сервизом, черно-белый телевизор на ножках, скрипучий паркет, желтые занавески. На низеньком столике – свежие номера журналов «Техника – молодежи» и «Квант». Из необычного только плотные черные полотнища затемнения на окнах. В квартире явно выделялись две группы следов. Первая – бытовая: на диване аккуратно сложено постельное белье, подушки и два байковых одеяла, на кухне имелся хлеб в пластмассовой хлебнице, заварка в чайнике, в холодильнике нашлись кабачковая икра и докторская колбаса, а в кухонном шкафчике – крупы, запас тушенки и консервов «Завтрак туриста». В маленькой ванной стояли в стаканчике две зубные щетки, тюбик пасты «Лесная», исхудавший кусок дегтярного мыла, шампунь и массажная щетка с железными зубьями, меж которых свились несколько длинных золотистых волос. Платяной шкаф был пуст, вешалки без дела болтались на перекладине, но присутствовала скромная коллекция нижнего белья, которая наряду с прочими характерными мелочами свидетельствовала о том, что в квартире, в обстановке сдержанности и даже некоторой аскезы, довольно долгое время проживало двое разнополых людей, и при этом как минимум один из них регулярно выходил из дома, хотя бы для пополнения запасов чая и приобретения свежих научно-популярных журналов. Вторая группа следов была куда более выразительной и осталась после короткого, но яркого пребывания в квартире братьев Бодровых: сдвинутая мебель, сорванные занавески, высаженные рамы – в нарастающей панике братья не стали тратить время на борьбу с закрасненными оконными шпингалетами, – следы подошв сорок пятого размера на подоконнике и несколько коротких окурков. Как я уже упоминал, следов рокового буфета, который, по словам братьев, оказался на месте входной двери, в квартире не обнаружилось. Документальная проверка тоже не принесла сюрпризов: все бумаги были в порядке, в жилконторе квартира значилась как ведомственная, при этом в НИИ Робототехники о ней никто и слыхом не слыхивал, и на имущественном балансе института такое жилое помещение никогда не стояло.

Через час после совещания в Главке, на котором обсуждались причины, следствия и итоги событий прошедшей ночи, мне предсказуемо позвонил Жвалов.

– Адамов! – прорычал он. – Почему скрыл информацию о местонахождении разыскиваемых нами лиц?!

Мне не хотелось ни упражняться в сарказме, ни пререкаться, и я только промямлил что-то невразумительное, послушал вполуха угрозы и брань, повесил рубку и позвонил Леночке Смерть.

– Привет, герой дня! Что это ты такое устроил? Говорят, полгорода разнес, пока за злоумышленниками гонялся!

– Лена, это была слаженная командная работа, один бы я не справился.

– Не скромничай! У нас три бригады с часа ночи работают. Все на ушах, и я тоже. Лишил ты меня ночного отдыха, Адамов, а сон, между прочим – это красота, так-то.

Я заверил Леночку, что ее красе ничего не страшно, и спросил про первые результаты.

– Есть что-нибудь интересное?

– Еще как есть! Скажи-ка мне, там на крыше, ну, перед тем как мужик этот вниз упал, он ничего не ронял или не разбрасывал?

Я подумал, вспомнил и рассказал Леночке про разлетевшиеся на кусочки часы.

– Ага! Часы, значит.

– Да, а что?

– Понимаешь, я собрала с крыши и из водостока немного каких-то странных металлических фрагментов, от одного до пяти миллиметров, угловатые такие, с острыми краями. С учетом места обнаружения они выглядели явно инородными, ну, я их взяла в лабораторию к себе, подумала, вдруг важное что-то. И знаешь, что интересно?

Я не знал.

– Металл – ферромагнетик, причем довольно тяжелый, какой-то очень прочный сплав, а края фрагментов имеют следы недавнего разрыва, даже не скола – у сколов рисунок другой, ну так вот я попробовала сделать анализ, чтобы определить род сплава и выяснить необходимое усилие, которое нужно применить на единицу площади, чтобы...

– Лена, – перебил я, – это все действительно очень захватывающе, но меня сейчас совсем другое интересует.

– И что же? – немного обиженно осведомилась Леночка.

– Машина и пулемет из пустого дома на Нарвском.

– Эх, Адамов! Я тебе про неизвестный металл с аномальными свойствами, а ты про машину с какими-то пулеметами. Ну, что я могу сказать... Номерные знаки на автомобиле похожи на настоящие, но принадлежат еще не выпущенной серии, такие регистрационные номера еще не присваивались. На самих знаках отсутствуют клейма предприятия-производителя, так что это подделка, но совершенно безупречная в части исполнения.

– А сам автомобиль? Установили, когда выпущен, куда поступил в реализацию?

– С ним та же история, что и с номерными знаками. Я бы сказала, что с конвейера Волжского автозавода он вообще никогда не сходил. Мы столкнулись или с выдающимся случаем «левого» автомобильного производства, или с не менее уникальной подделкой – но кому бы, скажи на милость, удалось подделать лучшую на сегодня модель «Жигулей», чтобы она была во всех мелочах и деталях совсем, как всамделишная? Серийные номера на двигателе и прочих деталях есть там, где им и полагается быть, но при этом полностью фантазийные. Сама машина совершенно новая, ходовая часть не изношена, на спидометре чуть больше двухсот километров, в салоне еще запах такой, характерный, как бывает сразу после того, как с сидений пленку снимут. Никаких излишеств, типа чехлов, оплетки руля или пластиковой розочки в набалдашнике рукояти переключения скоростей. Багажник чистый, только запасное колесо первой свежести, в перчаточном ящике пусто, нет ни документов на автомобиль, ни дорожных карт, ни перчаток, на худой конец.

– А отпечатки?

– Тут есть положительные результаты, хотя тебя они уже не удивят. Есть две группы, довольно четкие, совпадающие с одной из групп отпечатков в квартире Рубинчика.

– Ну, хоть что-то. Ладно, с этим понятно, а что с пулеметом?

Леночка хихикнула. Мне стало не по себе.

– С каким пулеметом, Адамов?

– Лена, из которого покойник на лестнице стрелял так, будто атаку отражал на передовой! Оружие есть? Пули, гильзы собрали?

Никакого пулемета криминалисты не нашли. Ни на лестничной клетке третьего этажа, ни выше, ни на чердаке, ни на крыше, куда, отступая, выбрался «американец». Несколько человек – эксперты и приданные им в помощь милиционеры – последовательно обыскали все шесть этажей, квартиру за квартирой, спустились в подвал, обшарили весь чердак, но находили всюду только поломанную брошенную мебель, забытую утварь, сор, паутину и крысиный помет. Но хуже всего, что не обнаружилось ни следа ураганной стрельбы: ни одной пули в стенах, ни одной гильзы, хотя следовало ожидать, что стены будут изрыты следами от выстрелов, как лунный грунт – кратерами от метеоритов, а гильзы должны были бы сплошь покрывать ступени и лестничную площадку. Я мог примириться с невесть как попавшим в двор-колодец Шамранским, с заплутавшими в квартире Бодровыми, с застиранной простыней, окликавшей меня из темного окна под самой крышей, но то, что сказала сейчас Лена, выходило за пределы всякого понимания.

– Я же сам все видел и слышал: стрельбу, звук рикошетов, как пули в стены долбили, как штукатурка сыпалась! Ладно, я: но почти два десятка сотрудников корячились на лестничной площадке, укрываясь от пуль, там слова сказать было нельзя, от грохота уши заложило! Генерал и то с улицы слышал пулеметные очереди и видел вспышки!

Леночка вздохнула.

– Адамов, я ничем не могу облегчить твоё недоумение. Стены там действительно страшно облупленные, но и дом все-таки аварийный, его не просто так расселили. А пуль я нашла всего девять, и гильз столько же, все от штатных милицейских ПМ. При желании могу установить имена храбрецов, которые не дрогнули и пытались вести огонь в ответ на... на то, чего не было.

Оставался труп.

– С ним сейчас Генрих Осипович занимается, – сказала Леночка. – Пока не знаю, что за результаты там, но очень интересно, да. Я собираюсь попозже к нему навеститься, хочешь, тоже приезжай, поболтаем...

– Конечно, приеду, Лена!

– ...если уж ты предпочитаешь со мной только в морге встречаться, – закончила Лена и повесила трубку.

Хмурый дымный день надвинулся, как натянутая на глаза серая кепка. Левин и Леночка курили на скамейке в маленьком сквере, молча щурясь на ленивое туманное солнце. На Леночке было старомодное сиреневое платье с юбкой-колокольчиком, и торчащие из нее бледные голые ноги казались еще длиннее и тоньше. Глаза у нее покраснели от ночных бдений, голубая радужка обведена была бледно-розовым, что, несомненно, придало Леночке Смерть еще больше одного ей присущего очарования. По дороге я морально готовил себя ко всему: например, мертвец бесследно исчез; или разложился в неаппетитную жижу прямо под ланцетом изумленного Левина; или внезапно ожил и убежал нагишом через территорию Санитарно-гигиенического института, пугая студенток и престарелых профессоров – и поэтому был даже несколько разочарован, когда Генрих Осипович Левин сказал мне:

– Если хотите осмотреть труп, нам лучше поторопиться.

– Так он здесь?

– Пока да.

– Что значит, пока?

– С полчаса назад мне позвонили товарищи из Комитета и предупредили, что забирают тело себе.

– Контрразведка?

– Не представились, но были чрезвычайно убедительными.

– Кстати, этого удивительного автомобиля уже нет, – вставила Леночка. – Я как раз сюда ехала, когда мне из спецгаража сообщили: приехали трое, показали удостоверения, постановление на изъятие, закатали машину в закрытую фуру и отбыли. Ребята из гаража сказали, что какое-то 22-е управление.

Товарищ Кардинал не терял времени зря.

– Да, тогда лучше поторопиться, – согласился я.

Мы спустились по каменным ступеням узкой лестницы навстречу запахам формалина, легкому аромату тлеющей плоти и мертвому холоду, который после жаркой улицы манил, как прохладная подушка после бессонной ночи. За белой деревянной двустворчатой дверью был небольшой квадратный кабинет с серыми стенами и низким потолком, служащий одновременно и раздевалкой. Напротив обшарпанных железных шкафчиков располагался широкий металлический стол, на котором были расставлены широкие пластиковые кюветы со сложенными по отдельности клетчатой рубашкой, джинсами, нелепыми остроносыми короткими сапогами, широким ремнем и какой-то мелочью. Результаты беглого осмотра одежды и личных вещей «американца» были ожидаемые.

– Ни бирок производителя, ни меток прачечной, ни каких-либо индивидуальных знаков не обнаружено, – сообщил Генрих Осипович. – На момент доставки тела в морг при покойном был кошелек с суммой в размере 11 рублей 28 копеек и чистый носовой платок. Ни паспорта, ни водительских прав, ни хотя бы справки какой-нибудь или фотографии любимой в нагрудном кармане.

Я подошел ближе. Гладкие кожаные подошвы ковбойских сапог были едва тронуты легкой потертостью. На ремне красовалась массивная круглая пряжка из витого металла с подобием крупного белесого камня посередине, а по всей длине толстого коричневого полотна тускло блестели крупные железные бляхи.

– Маскарад какой-то, – заметил я. – Парень насмотрелся ковбойских фильмов.

– Да, элемент дурновкусия налицо, – согласился Генрих Осипович. – Чувство стиля у вашего злоумышленника было небесспорным.

– Ой, да что вы прицепились-то оба, – вдруг вступилась Леночка. – Нравилось мужику так одеваться, ну и что тут такого? Адамов, ты же на тело посмотреть хотел, так? Вот и пойдем, пока товарищи из госбезопасности не приехали. Да и я еще раз взгляну напоследок.

Мы прошли через небольшую железную дверь с круглым

зарешеченным окошечком и оказались в длинной анфиладе просторных холодных залов, залитых мертвенным светом, с рядами маленьких дверец холодильных шкафов вдоль стен и прожекторскими столами посередине. На одном из них под безжалостно яркой хирургической лампой был распростерт обнаженный труп «американца».

Леночка печально вздохнула.

Его не портили ни длинный Y-образный шрам от груди до брюшины, кое-как прихваченный грубой хирургической нитью, ни распиленный череп с отсутствующей макушкой. Это был эталонный атлет, достойный резца Поликлета: широкая мощная грудь, округлые бицепсы, предплечья как морские канаты, рельефные мышцы брюшного пресса и длинные мускулистые ноги. Он походил на античную статую во плоти, но серьезно превосходил любую из них размером мужского достоинства: этот парень мог кому угодно испортить настроение в общественной бане.

– Я бы даже не сомневалась, – задумчиво изрекла Леночка. – Вот ни секундошки бы.

Генрих Осипович крикнул и укоризненно взглянул на нее поверх очков.

– В общем, начнем по порядку. На теле присутствуют повреждения, характерные для падения с высоты, – он не без труда повернул мертвеца на бок и показал: – Вот, видите? Гематомы, кровоподтеки на спине и на затылке, два ребра сломаны, смещение позвонков грудного отдела, трещина в лопаточной кости и в черепе. Я бы сказал, что для человека, упавшего на битый кирпич с высоты шести этажей, он очень легко отделался. Возможно, потому, что в момент удара тело было абсолютно расслаблено.

– Причина смерти?

– Что угодно, только не перечисленные травмы. Субдуральные гематомы отсутствуют, внутренние органы целы. Лично я уверен, что он умер еще до того, как ударился оземь.

– Отчего же?

Левин пожал плечами.

– Понятия не имею. В таких случаях обычно пишут «остановка сердца», но это от беспомощности, потому что этиология такой остановки мне неясна.

Он помолчал, давая возможность осознать сказанное, и продолжил.

– Я не могу определить, каким видом спорта он занимался, хотя мускулатура, как вы можете видеть, достойна профессионального спортсмена. На теле отсутствуют какие-либо характерные деформации: утолщенные суставы, увеличенная сердечная мышца, следы постоянного

травмирования или что угодно еще в таком роде. Просто идеальное мужское тело, словно он вот таким и родился. Но особенно удивительно состояние внутренних органов: они как у младенца, причем совершенно здорового. Понимаете? Нулевой износ. Как будто он никогда не ел, не пил, да и городским воздухом не дышал, не говоря уже о том, чтобы курить. Желудок пустой, мочевого пузыря и кишечника – тоже. И еще, обратите внимание на стопы ног. Вот здесь, попробуйте пальцем! Смелее, ему уже не щекотно!

Я попробовал. Босые подошвы «американца» были нежными, мягкими и упругими.

– Ни мозолей, ни зазублений, – констатировал Левин. – Перед нами идеально сложенный и абсолютно здоровый экземпляр мужской особи, который и не жил никогда. Или пожил дня два-три, а потом взял и умер, потому что ему так самому захотелось.

– Отпечатки отправили по архивам? – спросил я.

– А как же, – ответила Леночка. – И фотокарточку. Будем ждать результатов.

– Лицо его кажется очень знакомым, – задумчиво произнес Генрих Осипович. – Вроде бы даже много раз видел, только не помню, где.

– Вот и мне тоже, – согласился я. – Еще когда только фоторобот составили и Лев Львович его «американцем» назвал.

– Ну да, есть что-то такое в лице, иностранное, – подтвердил Левин. – Что ж, если вопросов у вас, Витя, больше нет, то пойдете отсюда. Мне еще нужно копии снять с отчета о патологоанатомическом исследовании и документы для передачи тела подготовить.

Вопросов у меня только прибавилось, но я понимал, что ответов на них ни у кого нет. Мы вышли из помещения морга и снова оказались в маленьком кабинете со шкафчиками. Левин протиснулся за письменный стол в уголке, Леночка взяла со стула маленькую красную сумочку и большой модный пакет из толстого полиэтилена с застегивающимися пластмассовыми ручками.

– Ну все, дорогие мои мужчины, я поехала, – сказала Лена. – Если что, я буду в...

– Лена, – сказал Генрих Осипович.

Она остановилась. Я проследил за направлением взгляда Левина и тоже застыл.

– Что? – непонимающе спросила Леночка. – Что вы так смотрите?

Потом взглянула на свой пакет и ахнула.

– Ковбой, – произнес Генрих Осипович.

– Американец, – отозвался я.

Он смотрел на нас с чуть полинявшего от стирок пакета, щурясь от табачного дыма и надвинув на глаза белую широкополую шляпу. На заднем фоне возвышались красноватые горы Большого Каньона, а надпись внизу приглашала: «Come to Marlboro Country!»

* * *

Голова у меня была ясная, как майское утро, и пустая, как только что сданная квартира в новостройке.

Можно было строить разные версии и предположения после странной гибели Бори Рубинчика; попытаться решить запутанную задачу с неизвестными в виде «артистки» с «американцем», необъяснимых смертей Трусана и Капитонова и ночных вылазок покойного Бори в квартал Кракенгагена. Даже после разговора с Кардиналом оставалась возможность найти какое-то более или менее разумное и логичное объяснение происходящему, но после событий прошедшей ночи любые размышления стали бессмысленными – ну и ковбой Мальборо, распростертый на прожекторском столе в Бюро судебно-медицинской экспертизы города Ленинграда, стал, что называется, вишенкой на торте, последней каплей, прорвавшей и без того трещавшие по всем швам плотины рассудка. Я как будто оказался в некоей смысловой сингулярности, точке, где не действует ни один закон логики и где невозможно делать прогнозы.

Я мог вернуться на работу, обсудить с полковником Макаровым результаты экспертиз и решить, что со всем этим делать и что завтра докладывать генералу; созвониться с Кардиналом, договориться о встрече, чтобы показать ему первые варианты наших рапортов и спросить, что его загадочное 22-е управление надеется отыскать в изъятой «семерке» и какие соображения есть у его экспертов относительно тела мертвого «американца». Мог прокатиться на Розенштейна и осмотреть пустой дом, где скрылась «артистка», просто так, для очистки сыскной совести, потому как разум подсказывал, что никаких ответов я там не найду. Еще можно было позвонить Саше, пригласить встретиться и вместе куда-нибудь сходить на неделе – об этом я размышлял дольше всего, примерно минуту, но потом отказался и от этой затеи. Мне хотелось есть, спать и чтобы меня хотя бы ненадолго оставили все в покое, так что я просто отогнал уставшую «копейку» к управлению, сдал ключи, пистолет и отправился на метро к дому.

Во дворе было спокойно и тихо. День медленно клонился к вечеру. Разогретое сизое небо разливало сонный жар. Тонкие понурые деревца вдоль дорожки смиренно стояли парами, как приютские дети на прогулке. Какой-то мальчик, которого родители слишком рано привезли в город с дачи, маялся в одиночестве на детской площадке.

Я вошел в парадную, поднялся в лифте на седьмой этаж и позвонил. Дверь открыла мама. Она была какой-то встревоженной и растерянно улыбалась.

– Ой, Витенька, – сказала она. – А что же ты не предупредил, что к тебе друзья придут? Я бы приготовила что-нибудь, а так у меня только щи вчерашние, хорошо еще, что перцы с воскресенья остались.

На коврик у порога стояли две пары обуви: довольно поношенные летние мужские ботинки и маленькие женские босоножки на высокой массивной платформе.

Я пожалел, что оставил табельный пистолет на работе.

– Где папа? – спросил я.

– Так он на кухне, – мама махнула полотенцем. – Проходи, тебя ждут.

Я не спеша разулся, стараясь собраться с мыслями, сунул ноги в домашние тапочки и прошел. Отец сидел за столом, сложив на коленях руки, и настороженно смотрел перед собой. Он повернулся, увидел меня и, как мне показалось, вздохнул с облегчением.

– Здравствуй, сынок. Вот, твоих гостей принимаем.

Ильинский с аппетитом ел щи, низко нагнувшись к тарелке. Рыжая девушка сидела с ним рядом, по-детски зажав ложку в маленьком кулачке. На фотороботе КГБ она выглядела взрослее, а сейчас напоминала школьницу, которую в старших классах дразнят за неоформившуюся фигуру. Светло-рыжие волосы скромно забраны на затылке, несколько легких прядок челки с двух сторон упали на лоб. У нее были голубые глаза с почти невидимыми бледными ресницами, чуть заметные брови, большой рот, курносый нос в ярких веснушках и синий сарафан на худеньких белых плечах. Она увидела меня и толкнула Ильинского локтем. Тот поднял голову, попытался поздороваться, чуть не поперхнулся и закивал.

– Добрый день, Савва Гаврилович, – сказал я. – Как щи, вкусные?

Конец первой части

notes

Примечания

1

Войд – космическая пустота, пространство между галактическими нитями, в котором полностью отсутствуют галактики и звездные скопления.

Кировский – ныне Каменноостровский проспект в Санкт-Петербурге.

Сад Дзержинского – ныне Лопухинский сад в Санкт-Петербурге.

Курдонер – открытый парадный двор перед зданием, ограниченный выступающими боковыми флигелями и главным фасадом.

«Альбатрос» – в Ленинграде один из специализированных магазинов, принимавший к оплате иностранную валюту, чеки Внешпосылторга или так называемые «боны». В основном предназначался для моряков гражданского и военного флотов, совершавших зарубежные командировки.

Катран (жарг., устар.) – нелегальное, подпольное игорное заведение для игры в преимущественно карточные игры.

Бура – карточная игра, иначе называемая «тридцать одно».

Шнифер (жарг., устар.) – взломщик высшей категории, специализирующийся на сложных квартирных замках и сейфах.

Улица Дзержинского – ныне Гороховая улица в Санкт-Петербурге.

Канал Круштейна – ныне Адмиралтейский канал в Санкт-Петербурге.

Красная улица – ныне Галерная улица в Санкт-Петербурге.

Мост Лейтенанта Шмидта – ныне Благовещенский мост в Санкт-Петербурге.

Набережная Красного Флота – ныне Английская набережная в Санкт-Петербурге.

Нельсон Пике – бразильский автогонщик, трехкратный чемпион мира в классе Формула-1 в 1981, 1983 и 1987 годах.